371
О-78

А. Н. Острогорскій.

Н. И. ПИРОГОВЪ

и

ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ЗАВѢТЫ.

(ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ).

«Ищи быть и будь человѣкомъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Кол. пред. выдач ____
г. Сокол бум. комбинат

мъ.

ть литера-
ь школьной
огическихъ
ки. Дисци-
мирова. М.

ельное зна-
воспитанія

вып. Энци-
я). Ц. 30 к.
-е готовится

распро-
даны

6. Матеріалы по методикѣ геометріи.

7. Альбомъ цитатъ. На память о нашихъ общихъ друзьяхъ. 2 изд. Ц. 1.

8. Въ о нашихъ общих

9.

10.

11.

12.

13.

14.

150840

370
ЭК
371
О-78

А. Н. Острогорскій.

Н. И. ПИРОГОВЪ

и

ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ЗАВѢТЫ.

(ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ).

Н. К. П. О.
150840

«Ищи быть и будь человѣкомъ».

Областной фонд
Моск. обл.
библиотеки

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
4553

При составленіи настоящей книги я поставилъ себѣ рамку, изъ которой не долженъ былъ выходить. Вслѣдствіе этого, о многомъ, о чемъ хотѣлось бы сказать, говорить не приходилось. Предполагая дать рядъ книгъ по отдѣльнымъ вопросамъ воспитанія, я имѣю въ виду недосказанное здѣсь восполнить въ другомъ мѣстѣ.

Въ настоящей книгѣ я лишь описываю наслѣдіе Пирогова въ томъ видѣ, какъ онъ оставилъ его намъ, только внося нѣкоторыя поясненія его мыслей, данныя болѣе близкими къ намъ, по времени, писателями. Слѣдующая книга, уже почти готовая къ набору, посвящена изображенію того, какъ было использовано это наслѣдіе, начиная съ Ушинскаго, кончая настоящимъ временемъ.

Что касается изложенія, то считаю полезнымъ оговорить слѣдующее.

Вѣроятно, я заслужу упрекъ въ недостаточной стройности изложенія, въ повтореніяхъ, въ забѣганіи впередъ, нарушая хронологическую или логическую послѣдовательность. Упреки эти я заранѣе признаю справедливыми и, какъ на смягчающее вину обстоятельство, укажу, что я не отложилъ рукописи въ долгій ящикъ, какъ бы слѣдовало, чтобы черезъ годъ или два перечитать ее съ безпристрастіемъ почти-что читателя, не отложилъ, сознавая, что по возрасту своему (74 г.) я не могу загадывать и на годъ впередъ.

Я не скупился на цитаты, опасаясь, что, передавая

чужую мысль своими словами, легко могу передать такъ, какъ я ее понимаю, можетъ быть и ошибочно. Пусть каждый говоритъ за себя.

Книга не чужда опечатокъ, этого общаго грѣха всѣхъ русскихъ изданій. Одна изъ нихъ особенно досадная. На стр. 4, строкѣ 12 надо вычеркнуть имена Бецкаго и Новикова. Они попали въ число четыредесятниковъ по редакціонному недосмотру.

Содержаніе.

стр.

I. Отраженіе на педагогической литературѣ текущихъ потребностей времени, въ частности на статьѣ Пирогова „Вопросы жизни“. Впечатлѣніе, произведенное статьею на общество и на правительственныя сферы. Педагогическое возбужденіе. Заимствованія у нѣмцевъ и работы русскихъ педагоговъ 1

II. Смыслъ, какой давалъ Пироговъ понятію „человѣкъ“. Школа его времени не воспитывала „человѣка“. Позднее сознаніе необходимости выработки нравственныхъ убѣжденій, борьбы съ самимъ собою и съ окружающею средою. Борись, но не враждуй. Новая жизнь требовала перевоспитанія и взрослыхъ, а въ ихъ числѣ и самихъ педагоговъ. Литература много разъ высказывала сожалѣніе, что на этотъ совѣтъ Пирогова наставники не обратили вниманія. Идеалъ и дѣйствительный человѣкъ. Мысли Пирогова по поводу событія 1-го марта 1881 года 19

III. Отзывы о всеобщемъ возбужденіи въ эпоху реформъ. Выступленіе на арену общественной дѣятельности крупныхъ силъ, принесшихъ съ собою знанія и творчество. Освобожденіе крестьянъ выдвигаетъ вопросъ объ экономическомъ положеніи ихъ, объ условіяхъ труда. Благо реальной личности Права личности; предѣлы правъ на нее общества. Критика общественныхъ нравовъ и быта. Нѣкоторыя разочарованія Добролюбова 47

IV. Отзывъ Добролюбова о Пироговѣ. Его мысли о значеніи авторитета въ воспитаніи. Мѣсто Добролюбова въ исторіи педагогическихъ идей 69

V. Міросозерцаніе Пирогова побуждающее его указать на Откровеніе для характеристики нравственнаго содержанія понятія „человѣкъ“. Личныя переживанія Пирогова: наивная вѣра въ дѣтствѣ,

СТР.

отрицаніе въ юности, позднѣйшее возрожденіе вѣры. Безъ идеала жить нельзя. Созданіе идеала вызываетъ потребность олицетворить его. Идеалъ Пирогова во Христѣ, въ его жизни и ученіи. Религія и вѣра. Отношеніе Пирогова къ иновѣрцамъ. Вѣра есть дѣло субъективное и не можетъ быть принудительна. Личность Пирогова—христіанина 78

VI. Переходъ Пирогова къ практической педагогической дѣятельности. Сравненіе положенія врача и педагога. Попечитель—миссіонеръ. Вопросъ о довѣріи по поводу закрытія воскресныхъ школъ. Мысли Пирогова о гегемоніи школы надъ жизнью. Школа рутины жизни. Удаленіе Пирогова 96

VII. Полемика Добролюбова съ Пироговымъ. Разъясненіе недоразумѣнія объ отступленіи Пирогова отъ своихъ убѣжденій и новое обвиненіе. Рѣзкость тона статей Добролюбова и попытки дать ей объясненіе. Полемика носила болѣе публицистическій, чѣмъ педагогическій характеръ. Она стояла въ сторонѣ отъ запросовъ тогдашней возрождающейся школы 119

VIII. Внесеніе гуманности въ новыя и обновляемыя школы. Протесты недовольныхъ этимъ. Смѣщеніе новаторовъ. Назначеніе гр. Д. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія. Его реформы, характеръ ихъ и государственное значеніе. Игнорированіе завѣтовъ Пирогова 141

IX. Заключеніе. 156

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

I. Нѣкоторые педагогическіе выводы изъ статей И. И. Мечникова „О природѣ человѣка“ и друг. 160

II. Педагогическія воззрѣнія П. Ф. Лесгафта 169

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 4, стр. 12 св.	какъ Бецкаго, Новикова, Герцена,	какъ Герцена,
„ 10 „ 4 св.	слышатъ	слышать
„ 19 „ 13 сн.	часть	частью
„ 22 „ 16 св.	нравстеннныя	нравственныя
„ 32 „ 3 сн.	вверхъ, всегда	вверхъ всегда
„ 63 „ 20 св.	что какъ	что, какъ
„ 95 „ 1 св.	ихъ	ея
„ 96 „ 5 св.	оно только	только оно

I.

Педагогическія идеи, какъ и всякія другія идеи, нельзя разсматривать внѣ условій жизни, при которыхъ онѣ зародились или получили признаніе въ широкихъ кругахъ мыслящаго общества. Всегда рядомъ съ тѣмъ, что въ идеѣ признается вѣрнымъ безотносительно ко времени ея зарожденія, можно замѣтить и нѣчто, обусловленное временемъ, когда жилъ мыслитель, нѣчто, порожденное настойчивымъ требованіемъ эпохи найти рѣшеніе жгучаго въ то время вопроса. Часто этотъ временный налетъ выступаетъ ярче основной [illegible] Руссо боролся за то, чтобы его Эмиль не имѣлъ предразсудковъ, мыслилъ самостоятельно, умѣлъ стоять на своихъ ногахъ; онъ желалъ устранить общественныя вліянія и воспитать своего Эмиля согласно неиспорченной людьми человѣческой природѣ, потому что чуялъ близость общественнаго переворота, благодаря которому новому поколѣнію предстоитъ жить внѣ условій, создающихъ привилегированныя положенія, наслѣдственную обезпеченность отъ нужды и заработка и пр. Ушинскій воевалъ за національность воспитанія [1]), ограждая русскую школу отъ иноземныхъ заимствованій, отъ неразборчивой пересадки къ намъ многаго такого, что было создано иной, чѣмъ наша культура, что было въ чужихъ нравахъ, но не отвѣчало нашимъ. Тогда было нужно сказать это, потому что сама жизнь ставила этотъ вопросъ, будила эту мысль. Эта статья была написана въ 1857 году, теперь ей болѣе 50-ти лѣтъ отъ роду. Современная намъ жизнь выдви-

---

[1]) „О народности въ общественномъ воспитаніи“.

гаетъ тотъ же вопросъ о національности школы, но уже не съ цѣлью огражденія ея отъ заимствованій, которыя, какъ показалъ опытъ, могутъ быть и резонны, и нерезонны, а ради соблюденія духовныхъ и культурныхъ интересовъ разныхъ національностей живущихъ въ Россіи. „Русская“ школа, о которой нѣкогда писалъ Ушинскій, не такой шаблонъ, который равно примѣнимъ во всѣхъ углахъ нашего обширнаго отечества. Опытъ обнаруживаетъ, что въ иныхъ нашихъ окраинахъ дѣтей, собранныхъ въ русскую школу, приходится обучать русскому языку по натуральному методу, такъ какъ они не знаютъ ни слова по-русски. Ушинскій, отвѣчая запросу времени, высказался о національности школы. Его мысли вполнѣ основательны. Но онъ не договорилъ до конца, потому что тогда и спроса не было на этотъ конецъ, на естественный выводъ изъ сказаннаго имъ. Если бы онъ былъ живъ теперь, то онъ нашелъ бы случай досказать свою мысль и, надо думать, высказалъ бы то, что привелось высказать другимъ. Государство вправѣ требовать отъ національностей того, что нужно для государственныхъ цѣлей (въ данномъ случаѣ—обученія русскому языку), но его стремленія игнорировать культурно-національныя особенности безплодны и безцѣльны.

Извѣстная статья Пирогова „Вопросы жизни“ также нуждается въ историческомъ освѣщеніи. Она составляетъ порожденіе современнаго Пирогову историческаго момента, пониманіе ея содержанія и впечатлѣніе, произведенное ею на общество, также опредѣлялись настроеніемъ и степенью умственной и гражданской зрѣлости его современниковъ.

Внѣшнимъ поводомъ къ написанію статьи послужило предложеніе высказаться о желательныхъ улучшеніяхъ въ постановкѣ обученія и воспитанія кадетъ морского корпуса.

Пироговъ ни единымъ словомъ не обмолвился о подготовкѣ молодежи къ морской службѣ, не указалъ такъ-называемыхъ „частичныхъ измѣненій“, желательныхъ для спеціально морского заведенія, а, напротивъ, отодвинулъ заботы о спеціальномъ образованіи на второй планъ, выдвинувъ на первый болѣе важное, болѣе существенное требованіе—воспитаніе „человѣка“. Вопросъ былъ поставленъ имъ шире заданія. Онъ охватывалъ всѣ области практической дѣятель-

ности, всю жизнь. Имѣемъ ли мы въ виду моряка, доктора, священника, чиновника, всѣмъ имъ прежде всего надо быть людьми, обладать серьезными нравственными убѣжденіями, широкимъ пониманіемъ своихъ общественныхъ обязанностей, иначе онъ будетъ простымъ наемникомъ, работающимъ только „за страхъ“, для котораго свои личные интересы будутъ ближе интересовъ общества и государства. Вопросъ былъ поставленъ такъ широко, что захватилъ вниманіе и той части публики, которая вовсе не интересовалась преобразованіемъ морского корпуса. Пироговъ указывалъ грѣхъ всего воспитанія, грѣхъ всей жизни, вступая въ которую, молодежи приходится вынести тяжелую борьбу съ совѣстью и убѣдиться, что школа не дала ей ни серьезныхъ убѣжденій, ни сильной воли.

Благодаря возбужденному статьею интересу, она была перепечатана въ журналѣ М. Н. Пр., вызвала отзывы выдающихся нашихъ писателей и по настоящее время служитъ темою для докладовъ въ разныхъ обществахъ при подходящихъ къ тому случаяхъ.

Со статьи Пирогова пошла и русская педагогическая литература, которой до эпохи реформъ Александра II не существовало вовсе. Были отдѣльныя мнѣнія, но не было литературы. Пироговъ широкою постановкою вопроса вынесъ воспитательное дѣло изъ области профессіональной практики въ сферу общественнаго интереса. Статья его вызвала сужденія объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, пробудила у многихъ потребность обмѣна мнѣній, провѣрки своихъ наблюденій, своихъ мыслей, обсужденія дѣла сообща, а главное, она образовала тотъ центръ, вокругъ котораго сгруппировались педагогическія силы того времени.

Идея Пирогова состояла въ воспитаніи „человѣка“. Позднѣйшіе критики Пирогова не разъ высказывались, что Пироговъ не сказалъ ничего новаго, выставивъ свой идеалъ, что многіе философы раньше его отстаивали ту же мысль. Съ этимъ слѣдуетъ согласиться, значеніе идеи Пирогова не въ новизнѣ ея. Дѣйствительно, слово „человѣкъ“ не только служило темой философскихъ разсужденій, но вошло и въ обиходную рѣчь, причемъ, признаніе кого либо „человѣкомъ“ всегда служило признаніемъ высокихъ качествъ его души.

Справедливо замѣчаніе одного писателя, что „Пироговъ доказываетъ намъ, что жизнь у насъ не замирала совершенно, что и въ то время, которое мы привыкли считать образцовымъ по безплодности мысли и дѣла, сохранились и развивались такіе здоровые и ясные взгляды, представителемъ которыхъ оказался Пироговъ. Какъ фактъ *русской жизни*, съ этой стороны онъ глубоко поучителенъ“. Не заходя далеко въ періодъ предшествующій эпохѣ реформъ, ограничиваясь только сверстниками Пирогова, людьми сороковыхъ годовъ, мы вспомнимъ среди нихъ нѣсколько именъ писателей-проповѣдниковъ гуманныхъ идей, высоко цѣнившихъ человѣческое достоинство, какъ Бецкаго, Новикова, Герцена, Бѣлинскаго [2]), Грановскаго, Станкевича и мн. друг. Эти идеи росли и зрѣли въ небольшомъ кругу просвѣщенныхъ русскихъ людей; отсюда черезъ журналы и университетскія кафедры проникали въ болѣе обширный кругъ образованныхъ людей, изъ котораго въ періодъ наступившихъ затѣмъ преобразованій вышли мировые посредники, мировые судьи, адвокаты и пр. Но слѣдуетъ помнить, что рядомъ съ этими передовыми людьми было много людей чуждыхъ мечтаніямъ о человѣкѣ и человѣческомъ достоинствѣ. Царившіе въ то время нравы вовсе не располагали къ этому. Для начальника стоящій ниже его былъ не „человѣкъ“, а подчиненный, чиновникъ, проситель. Для предпринимателя—не человѣкъ, а техникъ, мастеръ; для офицера—не человѣкъ, а нижній чинъ; для педагога—не личность, а ученикъ такого-то класса.

Къ такимъ отношеніямъ привыкли, ихъ не считали нормальными, но сносили. Обезличеніе доходило до того, что эта часть общества ждала измѣненій даже въ своей частной и семейной жизни, даже въ образованіи дѣтей, только отъ правительства.

---

[1]) Замѣчательно, что одна изъ статей Пирогова озаглавлена словами изъ статьи Бѣлинскаго: „Пора намъ перестать *казаться* и начать *быть* европейцами“. Кстати приведемъ и слова Бѣлинскаго непосредственно выражающія его взглядъ на человѣка. „Одинъ изъ высочайшихъ священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ человѣкъ, и потомъ уже за его личныя достоинства, въ живомъ, симпатическомъ сознаніи своего братства со всѣми, кто называется человѣкомъ“.

Образчикомъ неясности представленій о значеніи образованія, господствовавшихъ въ обществѣ, могутъ служить отзывы о предположеніи министерства учредить женскія открытыя всесословныя школы, приближенныя по курсу къ гимназіямъ, для дочерей лицъ средняго состоянія. Въ отзывахъ попечителей приводились и мнѣнія опрошенныхъ обывателей. Статья Пирогова была годъ тому назадъ напечатана. Побужденіе къ учрежденію такихъ школъ обыватель видѣлъ въ желаніи правительства позаботиться о будущихъ женахъ чиновниковъ, за что ему и приносилась благодарность. Но рядомъ съ признательностью указывалось, что чиновники люди со среднимъ образованіемъ, и для ихъ женъ достаточно курса приходскихъ и никакъ не выше уѣздныхъ училищъ. Говорили, что въ существующихъ училищахъ дѣвушекъ и такъ учатъ слишкомъ многому, „точно онѣ готовятся въ гувернантки“. Продолжительность ученья могла бы ограничиться 6, 5, даже 4 годами. Изъ курса ученицы должны вынести свѣдѣнія, существенно необходимыя для женщины, какъ матери и воспитательницы дѣтей своихъ и хозяйки. Такъ какъ школы предполагалось содержать не на казенныя, а на общественныя средства, то надо было вызвать пожертвованія. Одинъ директоръ народныхъ училищъ обратился съ письменнымъ воззваніемъ къ гражданамъ города N, въ которомъ соблазнялъ ихъ такой идилліей: мужъ ушелъ на службу ради средствъ къ жизни. „Въ это время жена, какъ хозяйка, бережливо употребляетъ трудовыя деньги мужа, какъ мать—учитъ дѣтей, какъ супруга—обдумываетъ, какимъ ласковымъ словомъ ободрить мужа, еслибы тяжелый трудъ утомилъ его и провелъ на челѣ морщины неудовольствія. Вотъ какимъ добрымъ ангеломъ является въ семьѣ женщина!“ Къ такой роли она должна быть приготовлена образованіемъ. „Дѣвочекъ надо учить, какъ мальчиковъ, изрекаетъ краснорѣчивый директоръ народныхъ училищъ [1]).

Всесословность предположенныхъ школъ также многихъ смущала. Дворяне готовы были платить за ученіе дороже, лишь бы ихъ дочери воспитывались среди дѣвушекъ одного

---

[1]) Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1856—1880. Е. Лихачевой. 1901. Глава I.

съ ними круга. Выражалось пожеланіе имѣть особыя дворянскія школы, гдѣ было бы обращено вниманіе на поведеніе и манеры. Пожертвованія для устройства школъ, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ общемъ шли туго.

Школы предшествующаго періода, бывшія передъ глазами Пирогова, выводили людей на опредѣленную дорогу, соотвѣтствующую ихъ общественному положенію. Этимъ самымъ родители вынуждались предназначать къ какой-либо профессіи своего 9—10 лѣтняго сына, когда способности его не только не опредѣлились, но часто и не намѣтились еще. Пироговъ вооружился противъ такого порядка вещей и настаивалъ, что общее образованіе должно предшествовать профессіональному, быть всѣмъ доступно и преслѣдовать цѣль—направить юношу на воспитаніе въ себѣ „человѣка“.

Очевидно, идея общаго образованія не была всѣмъ понятною и общепризнанною. Даже женская школа представлялась тогда профессіональною, готовящею своихъ питомицъ къ несенію обязанностей только женъ, матерей и хозяекъ.

Чѣмъ объясняется сильное впечатлѣніе, произведенное статьею Пирогова? Что побудило М. Н. Пр. перепечатать ее въ своемъ журналѣ и высказаться, что она можетъ заставить вникнуть „во внутренній смыслъ воспитанія съ его глубокимъ значеніемъ и неотразимыми умственными и нравственными слѣдствіями“. Почему читатели Бѣлинскаго и бывшіе студенты точно забыли, что „ужъ сколько разъ твердили міру“ о человѣческомъ достоинствѣ и гуманности, и привѣтствовали Пирогова; не сказали: „все это старо, давно и много разъ говорено“, а нашли здѣсь нѣчто свѣжее и сильное.

Причины тому были и внѣшнія и внутреннія. Къ внѣшнимъ—мы относимъ то настроеніе и правительства и общества, которое создалось Крымской компаніей, гнетущее, полное горькаго сознанія обманутыхъ самообольщеній, но вѣрящее и въ необходимость и въ возможность серьезнаго возобновленія надорванныхъ силъ. „Мы не можемъ долѣе себя обманывать, писалъ великій князь Константинъ Николаевичъ А. И. Барятинскому (24 іюня 1857 г.), что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ, и что притомъ бѣднѣе

не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи“ [1]).

Въ воздухѣ вѣяло уже реформами и притомъ не въ одномъ школьномъ дѣлѣ, а во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія и общественной жизни, и притомъ именно въ направленіи признанія человѣческой личности. Интеллигенція, какъ оказалось, не забыла уроковъ своихъ учителей и не только мечтала о реформахъ, но несла съ собою и запасъ знаній, касающихся и духа, и внѣшнихъ формъ этихъ преобразованій. Намѣчалось раскрѣпощеніе крестьянъ, преобразованіе суда, въ основу котораго клалась мысль, что даже совершившій преступленіе человѣкъ предстоитъ передъ судомъ только какъ подсудимый, которому предоставляются всѣ средства къ защитѣ себя отъ обвиненія, личное достоинство котораго всячески оберегается до тѣхъ поръ, пока судъ не произнесетъ своего обвинительнаго приговора; вмѣсто солдатчины, которая весьма часто назначалась какъ наказаніе, какъ позоръ, выдвигалась общая воинская повинность охраны и защиты своей родины; организовалось земство, вводилась всесословность образованія, народное образованіе, карательная, а не предварительная цензура и проч.

Были и особыя обстоятельства, придавшія статьѣ Пирогова исключительное значеніе, независимое отъ ея содержанія. Самъ Пироговъ позже сообщилъ, что статья печаталась въ „Морскомъ Сборникѣ“ съ разрѣшенія Великаго Князя Константина Николаевича, но написалъ онъ ее „подъ вліяніемъ общаго въ то время настроенія“, когда „у насъ принялись заниматься вопросомъ о воспитаніи“. Цензура сохраняла еще въ то время прежній суровый характеръ. Исключительное положеніе среди тогдашнихъ органовъ печати занималъ „Морской Сборникъ“, выходившій подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя, желавшаго сдѣлать этотъ журналъ органомъ правды и общественной пользы. Цензура видѣла въ появленіи статьи въ „Морскомъ Сборникѣ“ признакъ одобренія ея Государевымъ братомъ и разрѣшала перепечатку ея, а вмѣстѣ невольно и сама дѣлалась снисхо-

---

[1]) Цитата взята изъ соч. П. П. Павлова-Сильванскаго „Очерки по русской исторіи“, стр. 312.

дительнѣе. Сверхъ этого штемпеля на статьѣ Пирогова лежалъ и другой. Она была перепечатана и въ другомъ оффиціальномъ журналѣ — Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ помѣткою редактора, что онъ перепечатываетъ статью по волѣ министра.

А. М. Скабичевскій именно вышеуказанными обстоятельствами объясняетъ впечатлѣніе отъ статьи Пирогова. Появленіе статей послѣдняго, говоритъ онъ, служило какъ бы флагомъ, выкинутымъ правительствомъ въ знакъ „выступленія на новый путь совершенно новыхъ идей и началъ, какія не существовали до севастопольскаго погрома. Это и обусловливаетъ ту сенсацію, какую произвели онѣ во всемъ мыслящемъ русскомъ обществѣ, независимо отъ литературныхъ и научныхъ достоинствъ“.

Къ внутреннимъ причинамъ мы относимъ достоинства самой статьи, благодаря которымъ она не утратила своего значенія и по настоящее время. Со страницъ ея намъ видится личность самого автора: его глубокій умъ, своеобразная опытность жизни, особая манера письма, сильный характеръ, горячая любовь къ родинѣ. По удачному выраженію С. Золотарева, въ ней чувствовалась „горечь, наполнявшая его душу“, горечь, „которую чувствовали тогда всѣ любящіе родину“.

И надо сказать, что внѣшнія и внутреннія причины въ данномъ случаѣ такъ тѣсно сплетались между собою, что отдѣлить однѣ отъ другихъ почти невозможно. Историческій моментъ былъ таковъ, что Пироговъ не могъ не высказаться: слишкомъ наболѣло сердце этого великаго гражданина земли русской, а, рѣшившись высказаться, онъ не могъ не высказаться во всемъ величіи своихъ богатыхъ духовныхъ силъ.

„Вопросы жизни“ представляютъ собою синтезъ того, что жило въ мысляхъ наиболѣе вдумчивыхъ людей современныхъ Пирогову и болѣе раннихъ поколѣній, жило, съ одной стороны, въ видѣ мечтаній и предчувствій, съ другой—отчасти впечатлѣній горькаго опыта. Но синтезъ этотъ носитъ на себѣ печать крупнаго мастера, человѣка, который имѣлъ всѣ данныя, чтобы взять на себя и исполнить эту работу. Труды нѣкоторыхъ его предшественниковъ въ русской литературѣ дышали духомъ гуманности и человѣческаго достоинства, но,

къ сожалѣнію, по причинамъ не отъ авторовъ зависящимъ, чаще всего носили характеръ литературной, кабинетной мысли. Статья Пирогова, имѣя реальную основу, представляетъ нѣчто цѣльное, связное, трактующее предметъ въ возможной полнотѣ; постановка вопроса вышла и шире, и глубже.

Въ томъ же году и въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ“ раньше Пирогова печатались другія педагогическія статьи, но онѣ представляли только профессіональный интересъ и читались лишь спеціалистами. Но достаточно было появиться статьѣ съ подписью Пирогова, чтобы привлечъ къ себѣ вниманіе и широкихъ круговъ публики и правительства. Пирогова знали не только какъ ученаго и хирурга, но и какъ человѣка, несшаго страдальческій крестъ въ лазаретахъ Севастополя, и голосъ его было обязательно выслушать съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Пироговъ соединялъ въ себѣ большую жизненную опытность и серьезную вдумчивость мудраго человѣка. Крымская война еще болѣе расширила его опытность и вмѣстѣ раскрыла ему весь тотъ ужасъ, который творился за пышными декораціями военныхъ подвиговъ, личной храбрости, побѣдъ и славы. Онъ работалъ тамъ, въ тылу арміи, за кулисами боевой сцены, облегчая страданія несчастныхъ жертвъ войны, часто спасая отъ смерти, чтобы вернуть въ жизнь искалеченнаго, не способнаго къ работѣ человѣка. На каждомъ шагу онъ сталкивался съ чиновникомъ, интендантомъ, подрядчикомъ и вмѣсто содѣйствія встрѣчалъ помѣху въ корысти, формализмѣ, честолюбіи и отсутствіи сознанія своего долга передъ родиной.

Въ громадной государственной машинѣ, казалось, такъ солидно построенной, обнаружилась непрочность частей, винты выпадали, ремни истирались и лопались. И когда Пироговъ громко высказалъ свою мысль, что намъ нуженъ „человѣкъ“, онъ осудилъ прошлое, считавшее что намъ нужны исполнительные и усердные доктора, офицеры, священники, чиновники, а вовсе не люди, что то, что надо имъ дѣлать, каждому на своемъ мѣстѣ, укажетъ бдительное начальство, и оно же наблюдетъ за исполненіемъ своего приказа. Люди привыкали считать себя отвѣтственными только

передъ начальствомъ, не передъ своею совѣстью, и этотъ подмѣнъ оказывался не въ пользу общаго дѣла. Общее дѣло творилось такъ, что было обидно, стыдно.

И имѣвшіе уши слышатъ Пирогова и услышавшіе его почувствовали, что онъ бередитъ рану нашего общественнаго организма и вѣрно и точно опредѣляетъ его діагнозъ.

Люди, вниманіе которыхъ было сосредоточено на зачинавшихся тогда общественныхъ реформахъ, находили у Пирогова указаніе условій, при которыхъ онѣ могутъ быть всего успѣшнѣе проведены въ жизнь. Новая жизнь, новыя формы общественной дѣятельности потребуютъ и новаго ценза отъ посвящающихъ имъ свои силы людей. Кромѣ профессіональныхъ знаній и умѣній потребуется иниціатива, способность внушить къ себѣ довѣріе и нести отвѣтственность не за страхъ, а за совѣсть.

Люди весьма скромнаго общественнаго положенія и уберегшіеся отъ хищенія общественнаго пирога сознали, что и они „человѣки“, и что много ихъ силъ и способностей заглохло подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условій жизни.

Они поняли, что имѣли право проявлять свое человѣческое достоинство, что судьба обсчитала ихъ своими дарами.

За словами Пирогова слышалось: „такъ жить нельзя“, жизнь должна перестроиться почти заново, потому что старые скрѣпы общества и государства обнаружили ихъ полную негодность.

Конечно, было бы ошибкой приписывать Пирогову, что онъ своею статьею породилъ въ современникахъ чувство человѣческаго достоиства, онъ только пробудилъ въ массѣ дремавшее сознаніе приниженности этого достоинства, своимъ словомъ далъ почувствовать ярче и сильнѣе эту приниженность; люди же сознательной жизни, какъ мы уже указывали раньше, конечно, и до Пирогова признавали вредную неразумность того положенія вещей, которое привело къ печальнымъ результатамъ Крымской войны.

Люди чувствовали себя подъ опекой, и неуспѣхъ опекуновъ вызвалъ критику не отдѣльныхъ лицъ, не отдѣльныхъ мѣръ, а всей системы, самой опеки. Чувствовалось, что опека должна быть снята, и отвѣтственность должна быть перенесена съ „бдительнаго правительства“ на совѣсть ин-

дивидуума, твердаго въ сознаніи своего человѣческаго достоинства. „Какъ можно воспитывать въ христіанскомъ духѣ при крѣпостномъ правѣ“, говорилъ Ушинскій. При старомъ строѣ у помѣщиковъ были крѣпостные, были крѣпостные и у государства. Статья Пирогова естественно рождала мысль: „да, надо воспитывать въ молодежи „человѣка“, потому что вѣрится, что въ новомъ строѣ жизни установятся человѣческія отношенія, что онъ (новый строй) потребуетъ личной отвѣтственности каждаго отдѣльнаго лица за его участіе въ общемъ дѣлѣ“.

Едва ли Пироговъ предполагалъ писать публицистическую статью. Его ближайшею задачею было высказаться по вопросу воспитанія. Но таково свойство большихъ умовъ и таково свойство педагогическихъ вопросовъ, что толкованіе ихъ крупными личностями естественно выносится за школьныя стѣны и становится общественно-литературнымъ явленіемъ. Въ данномъ случаѣ было на лицо такое счастливое сочетаніе, и статья Пирогова сыграла роль въ общемъ пробужденіи тогдашняго общества.

Что статья Пирогова въ свое время сыграла такую роль, ясно видно и изъ отзывовъ о ней современниковъ, и изъ того факта, что болѣе поздніе писатели отводятъ ей мѣсто въ очеркахъ исторіи русскаго общественнаго движенія, общественной мысли и литературы. А. Скабичевскій говоритъ, что эта статья была „первымъ могучимъ толчкомъ, возбудившимъ общественную мысль и приведшимъ ее въ сильное движеніе“. С. Венгеровъ сопоставляетъ ее съ „Губернскими очерками“ Щедрина. „Она превратилась въ крупное общественное событіе, благодаря тому, что появилась въ оффиціальномъ органѣ, и была сочтена, по выраженію Золотарева, „первой ласточкой общественной весны“. Гуманное воодушевленіе, съ которымъ написаны „Вопросы жизни“, было предтечею коренныхъ преобразованій въ учебномъ дѣлѣ, прежде основанномъ исключительно на кастовомъ духѣ и суровомъ стремленіи уничтожить всякую индивидуальность“. Естественно, что такъ понятое значеніе статьи Пирогова побуждаетъ составителей очерковъ исторіи общественной мысли ставить эту статью въ историческую обстановку, говорить о надеждахъ и настроеніи общества послѣ вступленія на престолъ императора Александра II.

Мысль Пирогова о воспитаніи „человѣка“ нашла откликъ и въ оффиціальныхъ документахъ. Такъ, во второмъ проэктѣ устава среднихъ учебныхъ заведеній 1862 г. было сказано, что первые 4 класса должны представлять законченный общеобразовательный курсъ, а высшіе—спеціальный курсъ съ латинскимъ языкомъ для тѣхъ, кто готовится въ университетъ. Въ объяснительной запискѣ указывалось, что цѣль реформы дать всѣмъ среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ характеръ общеобразовательный, поставивъ имъ главною, существенною задачею не приготовленіе спеціалистовъ, а *воспитаніе человѣка*. Въ третьей редакціи проэкта о воспитаніи „человѣка“ уже не говорится, а выдвигается общеобразовательное значеніе изученія мертвыхъ классическихъ языковъ. О воспитаніи человѣка съ еще большею опредѣленностью говорится въ Объяснительной запискѣ къ „Проэкту устава общеобразовательныхъ заведен!й“; „съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и съ дарованіемъ черезъ то правъ гражданскихъ и человѣческихъ всѣмъ лицамъ безъ исключенія оказывается болѣе чѣмъ когда необходимымъ приготовлять людей для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности. Чтобы пользоваться разумно правами человѣческими, необходимо развить въ массахъ сознаніе правъ, возбудить любовь къ труду разумному и поселить въ каждомъ уваженіе къ самому себѣ и къ человѣку вообще. Только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее еще у насъ разъединеніе между сословіями и явиться разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями“.

Замѣтимъ, что, во всякомъ случаѣ, на болѣе поздняго читателя статья Пирогова не можетъ уже производить того впечатлѣнія, которое она оказывала при своемъ появленіи въ печати. Мы укрѣпились уже въ признаніи своего человѣческаго достоинства, желаемъ и человѣческихъ къ себѣ отношеній и жизни по человѣчески. Многое, съ чѣмъ свыкся русскій человѣкъ первой половины XIX столѣтія, а, главное что казалось ему тогда безъисходнымъ и неизмѣннымъ, теперь вызываетъ неудовольствіе и протестъ. Немудрено, что того будящаго сознаніе впечатлѣнія, которое производила статья Пирогова въ свое время, теперь она не производитъ [1]). Но ея

[1]) Самъ Пироговъ впослѣдствіи передѣлалъ ее, выбросивъ то, что вы-

педагогическое значеніе признается и до сихъ поръ людьми, отошедшими отъ того времени на цѣлое полустолѣтіе. И это свидѣтельствуетъ, что она имѣетъ серьезныя внутреннія достоинства, заслоняющія собою ея временный, публицистическій характеръ.

Въ первой же своей статьѣ Пироговъ, высказывая свою мысль о воспитаніи „человѣка“, обращалъ рѣчь къ педагогамъ и ставилъ его задачею для общеобразовательной школы. Въ другой статьѣ, послѣдовавшей вскорѣ за первою, онъ уже болѣе подробно развилъ мысль, что школа можетъ и должна вліять на жизнь, внося въ нее черезъ своихъ питомцевъ болѣе разумныя начала, чѣмъ тѣ, какія царятъ въ обиходѣ массы. Еще полнѣе онъ высказалъ это въ своемъ „Дневникѣ“. И современники Пирогова раздѣляли его убѣжденіе, что школа — сила, что работа на педагогическомъ поприщѣ достойна людей, желающихъ поработать на пользу общества. Пишущему эти строки привелось видѣть, что люди мѣняли свою профессію—юридическую, научную, врачебную и т. п.—на педагогическую, какъ только обнаружилась возможность работать въ школѣ разумно. Воспитаніе юношества считалось задачею высокою. То же мы замѣчаемъ и на вершинахъ педагогической мысли. Пироговъ былъ хирургъ, Рѣдкинъ—профессоръ-юристъ, Ушинскій началъ съ доцентуры. Тутъ—на вершинахъ—чуть ли не одинъ Вышнеградскій оказался питомцемъ педагогической школы. Но было бы неосновательно заключать, что педагогика 60-хъ годовъ создалась исключительно общественными дѣятелями, до того стоявшими въ сторонѣ отъ школы. Участіе ихъ въ общей работѣ несомнѣнно внесло въ педагогическую мысль свѣжую струю, далекую отъ рутины предшествующей эпохи. Почва же была подготовлена раньше, и благодаря этому, педагогическое одушевленіе могло получить широкое распространеніе. Ушинскій, перейдя въ 1855 году въ Гатчинскій институтъ, нашелъ тамъ обширную педагогическую библіотеку, видимо, съ любовью и толкомъ собранную Гугелемъ, и очень заинтересовался ею [1]).

зывалось спеціальнымъ назначеніемъ статьи, и переработавъ то, что казалось ему недостаточно ясно высказаннымъ.

[1]) „Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, писалъ Ушинскій (Письма изъ Швейцаріи, стр. 376), былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли

Въ томъ же 1856 году, когда появились въ печати „Вопросы жизни“—Пирогова, В. И. Водовозовъ написалъ статью „О преподаваніи русскаго языка и словесности“. Въ 1857 году основываются педагогическіе журналы: „Русскій Педагогическій Вѣстникъ“, подъ редакціей Н. А. Вышнеградскаго и „Журналъ для воспитанія“—А. А. Чумикова, а затѣмъ нѣсколько позже—„Учитель“, подъ редакціею І. О. Паульсона и Н. Х. Весселя.

Литературно-педагогическая работа закипѣла.

Обычно принято говорить, что въ этотъ періодъ нашей жизни мы совсѣмъ ушли въ заимствованія, главнымъ образомъ, у нѣмцевъ. Противъ этого онѣмеченія русской школы впослѣдствіи вооружались и Ушинскій (1857), и Толстой (1875). Этотъ же упрекъ тому времени сдѣлалъ и П. Ф. Каптеревъ.

Но упрекъ этотъ справедливъ только отчасти. Справедливъ потому, что дѣйствительно въ это время мы ѣздили въ Европу изучать тамъ постановку учебнаго дѣла, въ числѣ ѣздившихъ былъ и Л. Н. Толстой, переводили иностранныя сочиненія и руководства, пересаживали къ себѣ классическую систему и т. д. Главнымъ образомъ, однако, мы заимствовали элементарные курсы, такъ какъ въ то время господствовало убѣжденіе, что средней школѣ въ ея младшихъ классахъ слѣдуетъ восполнить то, что не было сдѣлано въ семьѣ, въ дошкольномъ періодѣ—пройти методически начала учебныхъ предметовъ. Тогда создались: изученіе чиселъ, пропедевтика геометріи, отчизновѣдѣніе и пр. Отъ многого мы потомъ отказались, но къ кое-чему возвращаемся нынѣ, лишь въ иной формѣ.

Указывая эту полосу заимствованій, упускаютъ, однако, изъ виду, что тогдашніе педагоги проявили энергическую дѣятельность; не порывая связей съ европейской мыслью, они во всякомъ случаѣ принимали во вниманіе условія и

не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами онъ могъ проводить нѣсколько лѣтъ свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились, и бѣдняга-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школою, педагогическими идеями“.

учебный матеріалъ русской школы. Въ какое-нибудь десятилѣтіе появились труды, составившіе цѣнные вклады въ русскую педагогическую литературу, не утратившіе своего значенія и по настоящее время. Для примѣра напомнимъ слѣдующее. Въ 1864 году вышли „Родное Слово“ Ушинскаго и „О преподаваніи русской литературы“ В. Стоюнина, въ 1867 г. вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ „Педагогической антропологіи“ Ушинскаго, въ 1868 г.—„Словесность въ образцахъ и разборахъ“ В. И. Водовозова; въ 1869 г.—„Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы“ В. Стоюнина, а въ слѣдующемъ году его же „Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ“.

Кромѣ литературныхъ трудовъ, появившихся въ 60-ые годы, подъемъ педагогическаго интереса проявился и въ массѣ начинаній того времени. Вначалѣ правительство шло рука объ руку съ обществомъ. Реформировались среднія и высшія учебныя заведенія, производилось коренное преобразованіе военно-учебныхъ заведеній, основывались женскія гимназіи, народныя и воскресныя школы, школы грамотности, педагогическіе музеи, учреждались педагогическія общества. Кромѣ общеобразовательныхъ заведеній учреждались профессіональныя: музыкальныя консерваторіи, колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, училища глухонѣмыхъ [1]).

Вспоминая время Пирогова, Стоюнинъ справедливо говоритъ: „За поколѣніемъ нашихъ отцовъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному Государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ“... „Люди эти выстрадали идеалы и горячо относились къ нимъ съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора... Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе со своимъ“...

Онъ прибавляетъ къ этому, что всѣ, и педагоги, и непедагоги, заговорившіе о воспитаніи „человѣка“, не замѣтили

---

[1]) Здѣсь умѣстно вспомнить слова А. И. Чупрова, сказанныя имъ въ 1888 г. въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ: „все, чѣмъ красна наша жизнь, идетъ оттуда, изъ шестидесятыхъ годовъ“.

тѣхъ трудностей, на которыя указывалъ Пироговъ: „придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя“...

Но если задача, данная Пироговымъ, оказалась непонятою или непосильною во всей своей широтѣ многимъ изъ его современниковъ, то все болѣе практичное въ его мысляхъ упало на подготовленную почву и дало свои плоды. Принципъ: сперва общее образованіе, потомъ профессіональное сталъ общепризнаннымъ положеніемъ и нашелъ свое осуществленіе въ реформѣ военно-учебныхъ и другихъ заведеній. Затѣмъ, признаніе человѣческаго достоинства и въ ребенкѣ отразилось въ тѣхъ отношеніяхъ наставниковъ къ питомцамъ, какія устанавливались въ новыхъ и въ реформированныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Начальственныя отношенія замѣнялись педагогическими, обнаруживалось стремленіе обходиться безъ наказаній.

Вышеприведеннаго замѣчанія Стоюнина нельзя не признать достойнымъ самаго серьезнаго вниманія. Ими въ значительной мѣрѣ объясняется, почему принципъ „воспитанія человѣка“ не получилъ на практикѣ достаточно широкаго примѣненія, а тамъ, гдѣ были сдѣланы попытки осуществленія его, не выдержалъ испытанія.

Въ статьѣ Пирогова слѣдуетъ различать двѣ тѣсно связанныя между собою идеи. Одна касается признанія каждымъ своего человѣческаго достоинства, а отсюда протестъ противъ обезличенія и угнетенія его; эта идея была понятна самому обыденному читателю и она-то и заставляла его чувствовать въ своемъ сердцѣ ту же горечь, какую испытывалъ и Пироговъ. Она звучала въ унисонъ съ настроеніемъ общества и соотвѣтствовала его собственному разумѣнію причинъ неудачи Крымской компаніи.

Другая—касается уже не отношеній другихъ людей къ данному лицу, а этого лица къ другимъ и къ самому себѣ; такихъ отношеній, которыя не принижаютъ этихъ другихъ и даютъ каждому возможность проявить и развернуть свои духовныя силы, а съ другой стороны, обязываетъ личною внутреннею работою надъ собою выработать въ себѣ „человѣка“ неусыпнымъ самонаблюденіемъ и усиліями сильной воли.

Только тотъ, кто созналъ въ себѣ „человѣка“, можетъ искренне признавать „человѣка“ и въ другихъ. Безъ этого,

безъ внутренняго перевоспитанія самого себя нельзя требовать къ себѣ довѣрія, брать на себя отвѣтственность за свои убѣжденія и дѣйствія. Въ той части статьи, которая посвящена вопросу о томъ, что нужно для самовоспитанія, говорится о самоуглубленіи, вдохновеніи въ постиженіи глубинъ человѣческой души, объ искрѣ божіей, откровеніи и проч.

Эта половина статьи менѣе доступна обыденному читателю и потому оказалась менѣе плодотворной. Чтобы вникнуть и понять эту часть въ то время, надо было быть Ушинскимъ или равнымъ ему по подготовкѣ педагогомъ; теперь, послѣ напечатанія дневника Пирогова, она стала доступнѣе и болѣе широкому кругу читателей. Она дала основаніе говорить о цѣльной философской системѣ, очевидно, существовавшей у Пирогова, хотя и не вполнѣ изложенной имъ въ дневникѣ, прерванномъ его смертью [1]).

Мысль о самовоспитаніи приложима не только къ питомцу школы, переступившему уже порогъ ея и остающемуся безъ ея просвѣтительнаго руководительства, но точно также и къ наставникамъ, родителямъ, правящимъ сферамъ, всему обществу. Разумѣя всю эту среду, въ которую вступаетъ начинающій самостоятельную жизнь юноша, приходится слово самовоспитаніе замѣнить словомъ перевоспитаніе, предъявляющимъ задачу болѣе сложную, чѣмъ первое. Для тѣхъ, кому хорошо жилось и при старомъ режимѣ, эта задача представлялась и вовсе ненужною. Принимая на себя должность попечителя учебнаго округа, Пироговъ охотно становился въ роль миссіонера, ибо обладалъ серьезными личными достоинствами; другимъ это было не подъ силу, да и вовсе не представлялось желательнымъ. Они усердно старались повернуть исторію на старую дорогу, для которой не надо было перевоспитывать себя, приспособляться къ новымъ педагогическимъ требованіямъ. Старый путь представлялся такимъ простымъ и опредѣленнымъ, тогда какъ было еще неясно, куда приведутъ новшества.

Въ 60-ые и послѣдующіе годы много было сдѣлано для созданія внѣшнихъ условій воспитанія „человѣка“: безсословность и доступность общаго образованія, смягченіе школьной

---

[1]) См. В. Волковичъ. Другъ человѣчества—Н. И. Пироговъ. 1909.

150840

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

дисциплины и системы школьныхъ наказаній, мѣры къ приданію авторитета наставникамъ, внесеніе коллегіальности въ педагогическіе комитеты, развитіе женскихъ, городскихъ и сельскихъ школъ и т. д.

Но уже въ нѣкоторыхъ преобразовательныхъ актахъ того времени чувствовалось, что мысли Пирогова поняты не вполнѣ, что люди не углублялись въ нихъ, а усвоили лишь внѣшнимъ образомъ. Разныя привилегированныя учебныя заведенія продолжали существовать, гимназіи не столько давали среднее общее образованіе, сколько служили приготовительными для университета заведеніями, сохранились особыя школы для духовенства и пр. Самая работа на пользу учебнаго вѣдомства Пирогова, Ушинскаго, Стоюнина и др. крупныхъ самостоятельныхъ силъ была вскорѣ прервана, а затѣмъ понемногу возвращались къ прежней выдѣлкѣ людей по лекалу апробованнаго образа мыслей, вѣрованій и пр. Мало-по-малу стали выпадать одна за другою и разныя частности реформъ, начатыхъ въ 60-хъ годахъ. Выступленіе на сцену разночинцевъ породило вопросъ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“. Мнѣ самому привелось въ 80-хъ годахъ выслушивать разсужденія о томъ, что Пироговъ со своимъ „человѣкомъ“ не былъ государственнымъ умомъ. „Намъ нуженъ офицеръ, а не человѣкъ; зналъ бы службу, несъ ее, какъ должно, а къ его человѣческимъ слабостямъ надо отнестись снисходительно“.

Система Пирогова—цѣльная система. Вынь изъ нея одинъ камень, начнутъ выпадать одинъ за другимъ и остальные. Вопросъ о перевоспитаніи самихъ педагоговъ, провѣркѣ ихъ взглядовъ, привычекъ и пр. стоитъ въ органической связи съ другими его идеями.

Онъ имѣетъ капитальное значеніе. Нельзя старыми пріемами воспитывать новыхъ людей. Обновленіе школы требовало мужественно отнестись къ своимъ сложившимся привычкамъ и мнѣніямъ, и отказаться отъ нихъ, если онѣ служатъ ко вреду дѣла.

Пироговъ не выдержалъ испытанія на государственной службѣ, но для общества онъ остался крупнымъ авторитетомъ. Литература о Пироговѣ весьма обширна. За изученіе его брались многократно. Его авторитетное мнѣніе приводится въ статьяхъ не только общепедагогическаго содержанія,

но и посвященныхъ частнымъ, но важнымъ вопросамъ: о необходимости изученія дѣтской психологіи, объ индивидуальности, о правахъ дѣтства и юности, о національности школы, объ экзаменахъ, баллахъ, товарищескомъ судѣ и пр. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ намѣчено у Пирогова, иногда разработано и притомъ такъ, что его рѣшенія нельзя не признать вѣрнымъ.

Вопросы, возбужденные Пироговымъ, послѣ оставленія имъ педагогическаго поприща не замерли.

Доставшіеся намъ въ наслѣдство завѣты Пирогова педагогическою литературою сохранялись и въ мѣру силъ разрабатывались. И тѣмъ не менѣе, все же приходится признать, что мы далеки отъ ихъ практическаго осуществленія.

II.

Вникнемъ, однако, въ то, какое содержаніе вкладывалъ Пироговъ въ понятіе „человѣка“. Таково ли оно, чтобы можно было признать за нимъ значеніе, не только отвѣчающее запросамъ даннаго историческаго момента, но и наиболѣе удовлетворяющее требованіямъ философски поставленной задачи воспитанія.

„Человѣкъ“ — это прежде всего личность, обладающая нравственными убѣжденіями, усвоенными не по наслышкѣ или изъ умной книжки, а выработанными, ставшими нераздѣльною часть его *я*. Въ такихъ убѣжденіяхъ есть живая сила; онѣ нераздѣльны съ характеромъ и требуютъ своего воплощенія въ словахъ и дѣлахъ человѣка. Онъ можетъ по какимъ-нибудь побужденіямъ не высказываться, скрывать свои мысли, но въ его сознаніи онѣ и тогда сохраняютъ свою силу и значеніе, служа критеріемъ въ оцѣнкѣ поведенія и своего и чужого.

Не легко вырабатываются нравственныя убѣжденія, какъ свидѣтельствуетъ Пироговъ по своему личному опыту, и не каждому дается это благо. Возрастъ, когда въ человѣкѣ пробуждается сознательная жизнь, проводится въ школѣ, а школа обычно уклоняется отъ дѣйствительно жизненныхъ уроковъ. Она беретъ на себя научить обязанностямъ къ Богу, отчасти

къ государству, она поддерживаетъ установившіяся формы общежитія, но обращаетъ все это въ „уроки“. И тотъ, кто не имѣлъ возможности, помимо школы, благодаря семьѣ или литературѣ, пріобрѣсти нравственные устои, выйдя въ жизнь чувствуетъ, что у него нѣтъ опоры для его поведенія.

„Самыя главныя основы нашего воспитанія, пишетъ Пироговъ, находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество. Мы—христіане, и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ откровеніе“.

„Всѣ мы съ нашего дѣтства ознакомились съ мыслью о будущей жизни и должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

„Вникая же въ направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруженіяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ одно чисто матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьѣ и наслажденіи въ жизни здѣшней“ (838) [1]).

„Откровеніе, говоритъ Пироговъ, приподнявъ таинственную завѣсу, показало намъ отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: стремись туда. Одушевленные благодѣтельнымъ словомъ, вы смотрите вокругъ себя, и что же... Вступивъ на поприще жизни, вы видите, что всѣ бѣгутъ съ него въ Калифорнію. Видя это, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы. Натурально, вы не хотите быть долго мистифицированы. Вы начинаете еще глубже вникать, анализировать и находите себя въ критическомъ положеніи“ (846).

Такими словами Пироговъ констатируетъ тотъ разладъ, который существуетъ между нравственнымъ ученіемъ, преподаваемымъ на урокахъ Закона Божія, и тою моралью, какая царитъ въ дѣйствительной жизни. Въ послѣдней не видно никакихъ слѣдовъ того, что люди сколько-нибудь озабочены дать отвѣтъ передъ Богомъ за свою земную жизнь, что заповѣди Христовы обязательны и должны служить основой нашей морали.

---

[1]) Цифры въ скобкахъ послѣ цитатъ въ этой главѣ означаютъ страницы „Сочиненій“ Пирогова, изд. 1910, т. I.

Столкновеніе съ жизнью сразу же внушаетъ юношѣ, что ему не приходится искать руководства для устроенія своей жизни въ Откровеніи, авторитетъ котораго такъ усердно установляла школа. Гдѣ же, у кого искать этого руководства?

Естественно, что вышедшій изъ школы молодой человѣкъ присматривается къ тому, какъ живутъ люди. Оказывается, что большинство живетъ изо-дня въ день, ни надъ чѣмъ не задумываясь. Другіе благо жизни видятъ въ туго набитомъ кошелькѣ и набиваютъ его, не справляясь съ совѣстью, съ интересами ближняго. Замѣтивъ въ юношѣ наклонность разбираться въ вопросахъ жизни, доискиваться смысла ея, ему говорятъ: берите отъ жизни то, что она даетъ, пользуйтесь ея благами, вѣдь живетъ человѣкъ всего одинъ разъ. Веселитесь, наслаждайтесь и поменьше думайте. Онъ можетъ услышать иной совѣтъ: уйти въ книгу, заняться философіей (частнѣе—Гегелемъ, указывалъ Пироговъ), и въ ней искать успокоенія отъ тревожныхъ, проклятыхъ вопросовъ. Начинающій жить встрѣчается въ обществѣ и съ религіею, и для однихъ религія—это посты, молитва, ставленіе свѣчей передъ иконами, посѣщеніе по праздникамъ церковныхъ службъ и проч.; такъ что, выполнивъ эти христіанскія обязанности, можно потомъ и не считаться съ остальными. Для другихъ религія—ето сознаніе своей грѣховности, постоянное покаяніе, удаленіе отъ жизни и ея соблазновъ.

Я не имѣлъ въ виду воспроизводить всю картину, которую рисуетъ Пироговъ. У него на картинѣ больше фигуръ, штрихи его рѣзче; я невольно смягчилъ ихъ; за 50 лѣтъ общество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣнилось, въ обращеніе массы вошли понятія, которыя во времена Пирогова составляли достояніе исключительныхъ личностей. Но мнѣ думается, что общее впечатлѣніе картины нашего времени, если бы мыслитель или художникъ попытался изобразить ее, ставъ на точку зрѣнія Пирогова, получилось бы то же самое. Въ обществѣ мало людей съ твердыми, установившимися нравственными убѣжденіями; на каждомъ шагу встрѣчаешь неустойчивость, отсутствіе сознанія своихъ обязанностей къ ближнимъ, гражданскаго долга.

Школа 7—8 лѣтъ работала не надъ однимъ изученіемъ Откровенія, она признавала нужнымъ считаться съ условіями

земной жизни, она принимала мѣры къ воспитанію человѣка для жизни, и эту работу Пироговъ рисуетъ такими чертами: „Священникъ объяснялъ Откровеніе и привилегированные гувернеры, инспекторы, субъ-инспекторы, а иногда и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Всевидящее око администраціи наблюдало, чтобы науки и искусства были вамъ изглагаемы въ духѣ извѣстныхъ началъ. Прозорливая цензура не давала вамъ читать безнравственныхъ книгъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное начальство открыли вамъ путь къ карьерѣ“.

И тѣмъ не менѣе для оставляющаго школу юноши жизнь, какъ тогда, такъ и теперь представляетъ бурное море, въ которое онъ пускается безъ компаса на легкомъ, неустойчивомъ челнокѣ. Школа, по-прежнему, отпускаетъ его въ долгій и трудный жизненный путь съ весьма легкимъ багажемъ.

Нравстенныя убѣжденія опредѣляютъ и волю. Нѣтъ убѣжденій, не откуда взяться и волѣ. Люди безъ стойкихъ, выработанныхъ убѣжденій обыкновенно безвольны. У нихъ могутъ проявляться капризное упрямство, настойчивость въ достиженіи какой-либо близкой цѣли, но не упорное преслѣдованіе задачи, требующей постояннаго труда, борьбы съ препятствіями и неудачами, словомъ, сильной воли, характера.

Тѣ, начинающіе самостоятельную жизнь, у которыхъ ни семья, ни школа не пробудили желанія серьезно взглянуть на жизнь, легко, безъ раздумья втягиваются въ ту среду, въ которую попадаютъ или вслѣдствіе семейныхъ связей, или по роду своихъ занятій. Попавъ въ кругъ честолюбцевъ, они сами обращаются въ честолюбцевъ; попавъ въ трудовую среду, они начинаютъ работать; точно также они могутъ стать аферистами, мѣщанами во дворянствѣ и т. д. Иная судьба ожидаетъ тѣхъ, которыхъ Пироговъ отмѣчаетъ людьми съ претензіями на разумъ и чувство. Семейная атмосфера, наука, литература будятъ въ нихъ въ годы юности нравственные запросы, вызываютъ работу мысли надъ наблюдаемыми ими явленіями окружающей жизни, рождаютъ попытки сознательнаго опредѣленія своихъ отношеній къ людямъ, своего мѣста среди нихъ. Самостоятельная дѣятельность приноситъ имъ рядъ испытаній. Та же случайность, какъ и у остальныхъ, вводитъ ихъ въ кругъ установившихся, общепризнанныхъ формъ

жизни, правилъ общежитія, отношенія къ своему и общему дѣлу, поведенія и проч.

Попытки войти въ массу, жить, „какъ всѣ живутъ“, часто, слишкомъ часто вызываютъ въ душѣ протестъ или разума, или совѣсти. Ужъ слишкомъ много въ нашей жизни и неразумнаго, и нехристіанскаго. Пройти безъ вниманія мимо этого внутренняго голоса—нельзя, онъ говоритъ настойчиво, властно, и человѣкъ невольно вслушивается въ него, разбирается въ томъ, откуда онъ исходитъ, изъ какихъ побужденій, и мало-по-малу привыкаетъ наблюдать за собою, вдумываться въ свой внутренній міръ, расцѣнивать достоинство своихъ стремленій и съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ впередъ становится все строже и строже къ себѣ, все выше поднимается и цензъ, которымъ онъ мѣряетъ себя. Передъ нимъ постепенно раскрывается картина внутренняго міра человѣка.

Самонаблюденіе, анализъ, ищущій источника этихъ противорѣчащихъ одни другимъ мыслей и стремленій, обнаруживаетъ человѣку причину его нравственной двойственности: существованіе двухъ его отчизнъ—земной и небесной. Одна лежитъ въ его плоти, въ инстинктахъ, другая — въ глубинѣ его души, въ высокой мысли.

Земная отчизна заявляетъ себя органическими потребностями, инстинктами, привычками, непосредственными впечатлѣніями, входящими въ наше сознаніе черезъ органы внѣшнихъ чувствъ, и ихъ элементарной переработкой. Въ этой области человѣкъ близокъ къ животному, тоже вѣдь способному чувствовать и мыслить въ извѣстныхъ границахъ. Но этимъ не исчерпывается духовная жизнь человѣка. Психическая обработка матеріала, собраннаго такими средствами, переходитъ грань, за которую не переступаетъ животное. Человѣку доступна отвлеченная мысль, работа воображенія, онъ не останавливается на томъ, что даетъ ему наблюденіе и опытъ, а вопрошаетъ тайны природы, скрытыя за предѣлами видимаго и осязаемаго. Онъ создаетъ научныя гипотезы, рисуетъ картины, связуетъ настоящее съ прошедшимъ, провидитъ будущее.

Проявляя этого рода свои душевныя качества, человѣкъ создалъ науку, искусство, религію, общежитіе и въ этихъ

созданіяхъ своихъ обнаружилъ свою творческую силу, ту *искру божества*, присутствіе которой собственно и знаменуетъ его *человѣческую природу;* такимъ образомъ, живя здѣсь на землѣ, онъ въ то же время чувствуетъ свое родство съ иной отчизной.

Какъ врачъ, Пироговъ хорошо понималъ, что потребности, вызываемыя нашею физическою природою, вполнѣ законны и подлежатъ удовлетворенію, и что это удовлетвореніе составляетъ существенное условіе самой жизни; но, какъ врачъ же, онъ зналъ, что исключительное служеніе удовлетворенію этихъ потребностей нерѣдко ведетъ къ извращенію натуры человѣка. Наши наблюденія надъ самимъ собою обнаруживаютъ, что эти двѣ отчизны живутъ не всегда въ ладахъ между собою, и что въ случаяхъ разлада первое наше побужденіе клонится къ предпочтенію внушеній духа. Это говоритъ голосъ нашей человѣческой натуры.

Размышленіе же убѣждаетъ насъ, что критическое отношеніе къ своимъ потребностямъ и привычкамъ не только естественно, но и желательно, а разъ явилось сознаніе необходимости критическаго отношенія къ своимъ внутреннимъ движеніямъ, оно захватываетъ область все шире и шире, и то, что сегодня мы принимали за критерій, завтра можетъ само подвергнуться критикѣ и анализу. Если что-либо заставитъ насъ провѣрить резонность и цѣлесообразность привычныхъ дѣйствій, то не въ далекомъ будущемъ человѣкъ захочетъ провѣрить доводы расчета, разума—велѣніями совѣсти, эгоистическія движенія—нравственными нормами, условія физическаго существованія—запросами творческой силы, человѣческаго—божескимъ и т. д. Нравственный идеалъ растетъ, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ и строгое отношеніе къ себѣ, постоянное вниманіе къ своимъ душевнымъ явленіямъ, къ своимъ стремленіямъ, желаніямъ, поступкамъ.

Размышленіе приводитъ человѣка къ убѣжденію въ возможности борьбы со своею двойственностью путемъ постояннаго стремленія привести ее къ одному знаменателю. „Это стремленіе и есть цѣль здѣшней жизни, наше прямое назначеніе на землѣ. Борьба, но не вражда. Вражда предполагаетъ ненависть, борьба же присутствіе духа и сознаніе внутренней силы. Не враждуя съ вашей матеріей, не враждуя

съ окружающимъ васъ, вы должны вступить въ эту высокую, идеальную борьбу для недосягамаго на землѣ идеала“ (I, 855). Идя по этому пути, человѣкъ все болѣе выясняетъ себѣ свое душевное состояніе. Онъ не можетъ уже стать „послѣдователемъ формы, толковникомъ мертвой буквы“, онъ видитъ олицетвореніе идеала здѣшней жизни въ земной жизни и дѣлахъ Искупителя. Его взглядъ на высокое въ этомъ идеалѣ будетъ непонятенъ послѣдователямъ формы и почитателямъ буквы, но для него самого этотъ взглядъ, при извѣстномъ состояніи духа, какъ предчувствіе, можетъ сдѣлаться яснѣе всѣхъ математическихъ аксіомъ, всѣхъ выводовъ опыта и всѣхъ историческихъ истинъ на свѣтѣ. Онъ не будетъ пытаться логически доказывать того, что открыло ему отвлеченіе и самонаблюденіе, но не станетъ и скрываться отъ другихъ, опасаясь упрековъ въ непослѣдовательности и неясности.

Эта борьба не ограничивается одною умственною работой, она требуетъ и усилій воли. Такъ, тому, кто видитъ въ себѣ наслѣдственныя черты обломовскаго барства, не достаточно осудить ихъ, а надо переломить себя. Вспыльчивому, для борьбы съ этимъ недостаткомъ, надо воспитать свои задерживающіе центры, постоянно слѣдить за собою. Эта борьба тѣмъ болѣе трудная, что противникъ лежитъ въ натурѣ, что его стремленія естественны и часто удовлетвореніе ихъ можетъ доставить намъ удовольствіе. И борьба идетъ не внутри себя только, но вызываетъ борьбу и съ внѣшнимъ міромъ. Человѣкъ нравственныхъ убѣжденій, съ характеромъ, хочетъ жить по своимъ убѣжденіямъ и сталкивается со средой, которая обыкновенно проще смотритъ на вещи. Тотъ, кто относится щепетильно къ общественнымъ деньгамъ, окажется чужимъ, иногда даже врагомъ, среди лицъ, не церемонящихся съ казеннымъ сундукомъ. Кто уважаетъ въ себѣ и въ другихъ человѣческое достоинство, тотъ нежелателенъ въ кругу лицъ, гдѣ практикуется властолюбіе, высокомѣріе и низкопоклонство. За правду люди дорого платятся: довѣріе къ людямъ нерѣдко принимается за простоту и эксплоатируется этими другими въ своихъ интересахъ.

На новоселье Ришельевскаго лицея Пироговъ повторилъ свои слова: „ищи быть и будь человѣкомъ“, и добавилъ такое къ нимъ поясненіе:

„Конечно, эти слова не новое, напротивъ, старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легкое, но достижимое.

„Значатъ ли эти слова, что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу въ человѣкѣ земного совершенства, мечтательнаго гражданина вселенной, или тому подобнаго.

„Нѣтъ, человѣкомъ, какъ я его понимаю, можетъ быть каждый, въ своемъ родѣ, пріучившись съ раннихъ лѣтъ хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ извѣстной мѣрѣ.

„Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться черезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая черезъ воспитаніе прекрасныя стороны своей національности.

„Но всѣ эти идеалы человѣка, и, слѣдовательно, идеалы воспитанія, какъ бы различно ни проявлялся въ нихъ національный типъ, должны имѣть исходную точку — откровеніе“ (I, 78).

„Наставникъ, говоря: „я хочу сдѣлать людьми моихъ питомцевъ“, значитъ, рѣшается продпочитать формѣ духъ, мертвой буквѣ — живую мысль; значитъ, въ наукѣ онъ видитъ не просто одинъ сборникъ знаній, а мощное средство дѣйствовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставитъ ребенка изучать науку одними устами, но направитъ ее на развитіе той или другой душевной способности дѣтей, и каждый учитель сдѣлается вмѣстѣ и воспитателемъ.

„Наконецъ, если цѣлое общество повторитъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ, безъ различія сословій и состояній, также необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и при такомъ убѣжденіи не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ, сдѣлаетъ для всѣхъ и каждаго просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ и каждому: „будь человѣкомъ“.

„Вотъ смыслъ моего идеала, не новаго, но и не недостижимаго.

„Для достиженія нужны: серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро“ (I, 79).

Необходимость для всѣхъ „человѣческаго“ воспитанія приводитъ къ выводу, что какому бы то ни было спеціальному образованію должно предшествовать общее [1]). Такъ и поняли Пирогова тогда; въ этой мысли нѣкоторые и до сихъ поръ видятъ главное практическое приложеніе его идеи. По нашему же мнѣнію, Пироговъ, говоря, что каждому — врачу, солдату и пр. надо всегда быть человѣкомъ, тѣмъ самымъ указывалъ, что общая, „человѣческая“ мораль должна служить критеріемъ всякой профессіональной морали.

Итакъ, Пироговъ поставилъ школѣ задачу — воспитывать человѣка. Нѣкоторымъ кажется, что это указаніе неясно, и что общепринятая формулировка задачи школы:—всестороннее развитіе и т. д. полнѣе охватываетъ частныя задачи воспитанія и образованія.

Справедливо, что эта общая формулировка даетъ возможность набросать достаточно обширный перечень и крупныхъ и мелкихъ задачъ школы, но перечень этотъ только тогда получаетъ связность и цѣльность, обращается въ жи-

---

[1]) Здѣсь умѣстно привести мысли Д. Н. Овсянико-Куликовскаго объ отношеніи общаго образованія къ спеціальному, отразившія въ себѣ внечатлѣніе громадныхъ успѣховъ техники.

„Въ настоящее время, говоритъ онъ, уже очерчивается обликъ человѣка будущаго: это обликъ не разносторонняго дилетанта, который способенъ какъ-ни-какъ работать на разныхъ поприщахъ, а именно обликъ работника-спеціалиста, мастера въ своемъ дѣлѣ. Онъ несомнѣнно будетъ „узкимъ“ спеціалистомъ. Но это слово „узкій“ не такъ страшно, какъ кажется. При огромныхъ завоеваніяхъ техники будущаго, при полномъ торжествѣ науки надъ природою, разсчитывать на которое мы имѣемъ достаточно основаній, узкая спеціализація будетъ означать только то, что человѣкъ будетъ полнымъ господиномъ надъ орудіями и всѣми условіями своего труда и получитъ возможность, оставаясь узкимъ въ своей профессіи, быть очень широкимъ и разносторонним въ своемъ общемъ умственномъ, нравственномъ и политическомъ развитіи“ (соч. VIII, 170).

вую картину, когда мы указываемъ объединяющую ее основную мысль: воспитаніе „человѣка“, наиболѣе одареннаго представителя животнаго царства, живущаго въ наиболѣе сложныхъ условіяхъ жизни. Пироговъ, говоря свое: „стремись быть и будь человѣкомъ“ отнюдь не ограничивалъ общей формулировки; онъ опредѣленно высказался, что надо, чтобы „всѣ дарованныя человѣку способности, всѣ благородныя и высокія стремленія нашли въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ заботъ о приложеніи“. Объединяя эти задачи словомъ „человѣкъ“ онъ не далъ прямого опредѣленія: что такое „человѣкъ“ въ той строго логической формѣ, какая употребляется въ учебникахъ, и однако слова его вызвали живой отзвукъ въ читателѣ, а смыслъ ихъ былъ схваченъ чутьемъ языка. Люди же близко стоящіе къ школѣ, какъ П. Гурьевъ, тогда же поняли все глубокое значеніе указанія Пирогова. „Школа и до Пирогова работала, писалъ онъ [1]), не было только въ ней духа живого“, и Пироговъ „возбудилъ вопросы о томъ, о чемъ прежде всего и слѣдовало бы условиться, чтобы дѣйствовать непогрѣшительнѣе“.

Если мы попытаемся опредѣлить частныя задачи воспитанія, то, слѣдуя Пирогову, мы будемъ постоянно имѣть въ виду дать возможность каждому проявлять и развивать въ себѣ тѣ качества, которыя дѣлаютъ его „человѣкомъ“. Слѣдя за функціями человѣческаго организма, отъ низшихъ до высшихъ, наиболѣе сложныхъ, мы будемъ постепенно восходить отъ владѣнія членораздѣльною рѣчью и графическими способами выраженія своихъ мыслей къ способности отвлеченнаго мышленія, проявленія творческихъ силъ духа, созданія нравственнаго идеала и т. д. Въ этомъ перечнѣ найдутъ себѣ мѣсто и укрѣпленіе тѣлеснаго здоровья, и искусство владѣнія своими членами, и развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ, и наблюдательность. Переходя со ступени на ступень развитія, мы будемъ ставить временныя цѣли, которыя служатъ только средствами къ достиженію цѣлей высшихъ и такимъ образомъ вносить нѣкоторую послѣдовательность

---

[1]) Русскій Педагог. Вѣстникъ. 1857 г., № 1, стр. 66.

въ самый процессъ воспитанія. Та же послѣдовательность приводитъ къ расширенію задачъ воспитанія по мѣрѣ достиженія нѣкоторыхъ результатовъ. Но помня постоянно, что частные задачи воспитанія объединяются общею идеею воспитанія „человѣка“, мы будемъ стремиться къ тому, чтобы устранить все то, что принижаетъ его силы, какъ, напр., страхъ, звѣрскія чувства, чувственность, и вносить все то, что воспитываетъ нравственное сознаніе, чувство человѣческаго достоинства и твердую волю.

Пониманіе „человѣка“, „человѣческаго“, конечно, не у всѣхъ одинаково: у однихъ оно глубже, полнѣе, у другихъ— оно поверхностнѣе. Для насъ всего важнѣе выяснить, какъ понималъ „человѣка“ Пироговъ, а Пироговъ видѣлъ идеалъ „человѣка“ въ личности и жизни Христа — Богочеловѣка. Какъ пришелъ онъ къ этому идеалу, почему онъ, такъ желавшій потрудиться для благоустройства земной жизни, обратился за руководствомъ къ небесному учителю, будетъ рѣчь въ V-ой главѣ. Теперь же ограничимся лишь указаніемъ, что ссылкою на откровеніе онъ имѣлъ въ виду выдвинуть заповѣдь о любви Христіанской, напомнить, что человѣку свойственна жизнь братская, не хищническая, не насильническая.

И религіозное настроеніе, и житейская опытность Пирогова, какъ было уже указано, побуждали его признать одинаково важными и признаніе каждымъ въ другомъ „человѣка“ и обязанность каждаго воспитывать въ себѣ человѣческое достоинство, ставить себѣ задачей совершенствованіе своей человѣческой природы.

Въ общей системѣ идей Пирогова мысль о воспитаніи въ себѣ человѣческаго достоинства занимаетъ видное мѣсто и первенствующее значеніе. Упущеніе ее изъ виду сводитъ идею его къ внѣшности, къ формѣ, подмѣняющей ея внутреннее содержаніе. Это значеніе самовоспитанія многими или вовсе игнорируется или недостаточно цѣнится.

Въ обыденной рѣчи самоусовершенствованію придается очень поверхностный смыслъ и разумѣется какъ достиженіе мѣщанской морали. Оттого иные и высказываютъ, что это всего лишь требованіе буржуазной жизни. Пироговъ понималъ

это слово глубже. Онъ держался взгляда, что для совершенствованія надо въ самомъ себѣ поставить превыше всего человѣческое достоинство, цѣнить уваженіе къ себѣ людей, заслуженное этимъ достоинствомъ, а не почетъ воздаваемый происхожденію, чинамъ, служебному положенію. Человѣческое достоинство требуетъ признанія, что равно унизительно быть какъ рабомъ, такъ и рабовладѣльцемъ, какъ проявлять, такъ и принимать изъявленія рабскихъ чувствъ. Въ обществѣ того времени, когда писалъ Пироговъ, представленіе человѣческаго достоинства было не Богъ знаетъ какой высокой пробы. Оттого многіе изъ тѣхъ, кто понялъ, что рѣчь идетъ вовсе не о мѣщанской морали, не о корректности и приличномъ держаніи себя въ обществѣ, испугались высоты требованій Пирогова и признали его идеалъ недостижимымъ. Мы вѣдь вообще склонны пугаться всего, что кажется намъ возвышеннымъ, идеальнымъ. Основаніемъ къ этому могло послужить и то, что онъ свой идеалъ олицетворялъ въ образѣ Христа; ослѣпленные этимъ образомъ, люди какъ-то не придавали должнаго значенія тому, что это идеалъ, тотъ маякъ, который указуетъ и освѣщаетъ путь человѣку, заботливо относящемуся къ достиженію человѣческаго достоинства.

Однимъ изъ коренныхъ признаковъ человѣческаго достоинства есть выработанныя убѣжденія и жизнь согласная съ ними. Разберемся въ этомъ существенномъ свойствѣ „человѣка“.

Жизнь, согласная со своими убѣжденіями, есть тоже идеалъ. Жить такъ не легко. Жизнь не только трудъ, но и борьба. И Пироговъ, предупреждая о неизбѣжности послѣдней, указалъ, что ее приходится вести такъ сказать на два фронта: и внутри себя, ради побѣды духа надъ плотью, и внѣ — въ виду необходимости жить съ людьми. Внутренняя борьба рождается вслѣдствіе того, что натурѣ человѣческой свойственны не только проявленія его сознательной воли, но и побужденія подсознательной сферы чувствованій, пастроепій и пр., часто заглушающихъ доводы разума. Неизбѣжность внѣшней борьбы вытекаетъ изъ столкновеній съ людьми, изъ различныхъ неустройствъ общежитія.

Прежде всего замѣтимъ, что и самый организмъ человѣка, и его физическая и духовная жизнь подлежатъ такъ сказать возрастной эволюціи. Всего виднѣе это на дошкольномъ и школьномъ воврастахъ. Та же эволюція продолжается и въ зрѣломъ возрастѣ, отчасти вслѣдствіе того, что жизнь раскрывается передъ человѣкомъ все шире и шире, обогащая его опытъ, будя его мысль, отчасти вслѣдствіе роста его духовныхъ силъ. И если въ ранніе годы не притупились его силы, то мы, встрѣчая человѣка заблуждающагося, съ ложными понятіями и взглядами, не имѣемъ права считать его неспособнымъ уразумѣть истину. Онъ, можетъ быть, многое передумаетъ, отъ многихъ убѣжденій откажется. Мы потому и споримъ, что вѣримъ въ возможность переубѣдить человѣка. Споръ можетъ оказаться безплоднымъ, когда противникъ живетъ такъ, а не иначе, потому что привыкъ, равнодушенъ къ истинѣ, и не заботится о томъ, чтобы всѣ были о немъ хорошаго мнѣнія. Строго говоря, у такого убѣжденій вовсе и нѣтъ. Тотъ же, кто привыкъ думать надъ жизненными фактами, нравственными вопросами, самъ ищетъ возможности провѣрять свои мысли выводами, къ какимъ привела жизнь такого же мыслящаго собесѣдника.

Прилагая къ людямъ мѣрку соотвѣтствія поступковъ убѣжденіямъ, мы можемъ желать только того, чтобы человѣкъ былъ вѣренъ убѣжденіямъ, какими онъ владѣетъ въ данное время. Измѣнятся взгляды, измѣнятся и поступки. Нельзя осуждать человѣка за ошибочныя мнѣнія, если онѣ выработаны и стойки. Если человѣкъ еще не достигъ истины, онъ можетъ дойти до нее.

Если бы рѣчь шла только о пріобрѣтеніи, даже о выработкѣ нравственныхъ убѣжденій, не входя въ сужденіе объ осуществленіи ихъ въ жизни, то, казалось бы, это весьма облегчило бы задачу. Требовалась бы чисто теоретическая работа, результатъ которой зависитъ отъ нашей наблюдательности, разсудка, чуткости къ голосу совѣсти, усвоенія нѣкоторыхъ пріемовъ умственной работы. Не трудно придти къ выводу, что слѣдовало бы говорить всегда правду, не лгать, что братство людей лучше вражды. Но и въ такихъ теоретическихъ положеніяхъ нельзя не замѣтить, что во входящія въ нихъ понятія разные люди вкладываютъ разное содержаніе. Какъ по-

нимаются правда, братство, совѣсть, честь, это зависитъ отъ многихъ причинъ: отъ темперамента, ширины и глубины образованія, и развитія умственныхъ силъ и т. п. Въ содержаніи самихъ нравственныхъ понятій и въ сочетаніи ихъ въ моральныя нормы всегда много субъективнаго, а потому такъ трудно, скорѣе даже невозможно установленіе въ нихъ единства, соглашенія.

Мысль Пирогова о жизни по своимъ убѣжденіямъ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что тутъ надо разумѣть какія-либо опредѣленныя воззрѣнія, получившія вполнѣ законченную форму и содержаніе. Только искренне вѣрующіе признаютъ непроложныя истины, ставшія въ ихъ глазахъ таковыми вслѣдствіе ихъ божественнаго происхожденія, да и то со сколь разнообразными пониманіями и толкованіями ихъ встрѣчаемся мы у разныхъ людей. Убѣжденія, стоящія внѣ религіознаго освященія, представляютъ лишь большія или меньшія приближенія къ истинѣ, и человѣческому духу свойственно дѣлать это приближеніе все болѣе и болѣе близкимъ. Это приложимо и къ отдѣльнымъ лицамъ, и къ болѣе или менѣе широкимъ кругамъ общества. Пироговъ въ своемъ Дневникѣ разсказалъ намъ, какимъ долгимъ и мучительнымъ путемъ шелъ онъ къ своимъ убѣжденіямъ. Л. Толстой и для несогласныхъ съ его воззрѣніями все же дорогъ, какъ человѣкъ, всю жизнь искавшій истины и тоже съ сомнѣніями, колебаніями и пр.

Если человѣкъ желаетъ имѣть убѣжденія, чтобы руководиться ими въ жизни, ищетъ истины, чтобы быть увѣреннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, то каковы бы ни были сіи послѣднія, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на достигнутую имъ ступень той лѣстницы, которая ведетъ къ истинѣ. Одни люди стоятъ ниже этой ступени, другіе выше, и каждая личность, какъ бы увѣрена она ни была въ истинности ея убѣжденій, можетъ и подняться вверхъ и опуститься внизъ. Къ убѣжденіямъ людей, несогласнымъ съ нашими, надо относиться терпимо. Какъ бы низка ступень не была, звать человѣка къ шагамъ вверхъ, всегда слѣдуетъ.

Лишь бы человѣкъ не впадалъ въ застой, лишь бы онъ хотѣлъ идти по направленію къ истинѣ.

Вопросъ только въ томъ, въ чемъ эта истина, гдѣ она, куда идти, въ какомъ направленіи.

Пироговъ увѣренно говоритъ: въ ученіи Христа о любви между всѣми дѣтьми одного Небеснаго Отца. Другіе ищутъ ее во все сильнѣе назрѣвающихъ потребностяхъ общежитія и указываютъ на всеобщее широкое развитіе международныхъ сношеній, уничтожающихъ всякія перегородки между народами, національностями и пр. Человѣчество, говорятъ, видимо идетъ къ сближенію, къ обмѣну мнѣній, къ союзамъ, коопераціи. Чувствуется, что все шире распространяется убѣжденіе, что благо людей въ дружбѣ, сотрудничествѣ, справедливости, взаимопомощи, въ предоставленіи каждому пользоваться дарами своей природы. Наоборотъ, отгораживаніе себя отъ другихъ, себялюбивое преслѣдованіе своихъ личныхъ интересовъ, вражда изъ-за нихъ, всегда стоятъ большихъ жертвъ и, если даютъ успѣхъ, то чаще всего непрочный, ибо онъ вызываетъ въ побѣжденныхъ раздраженіе, озлобленіе и мстительность.

Правда тамъ, гдѣ люди объединяются, зло въ томъ, что разъединяетъ людей и ставитъ ихъ во враждебныя отношенія.

Но вѣдь это тоже одна изъ ступенекъ, ведущихъ къ христіанской любви; она называется человѣчностью.

Мирное и постепенное теченіе мыслей, складывающихся въ убѣжденія, иной разъ возмущается уроками жизни, вовсе не заботящейся о стройности нашего міропониманія. Попробуйте, согласно вашему принципу, начать говорить всѣмъ и всегда правду, и вы испытаете, что это однихъ настроитъ враждебно къ вамъ, другіе выскажутся, что иногда и ложь во спасеніе (напр., обнадеживаніе умирающаго, что онъ можетъ еще выздоровѣть). Вы довѣряете людямъ, а они васъ обманываютъ, за добро платятъ зломъ. Вы готовы встрѣтить съ распростертыми объятіями каждаго человѣка, и въ ваши объятія лѣзутъ мазурики, лгуны, себялюбцы. Ваша, такъ хорошо наладившаяся трудовая жизнь вдругъ рушится отъ какихъ-нибудь случайныхъ, независящихъ отъ васъ обстоятельствъ, за которыми не трудно усмотрѣть работу чужой злой воли. Сами вы можете увлечься, поддаться страсти и въ результатѣ исковеркать свою семейную жизнь. Столкновеніе съ

людьми вообще можетъ обнаружить передъ вами, что въ жизни царятъ невѣжество, грубость, эгоизмъ, господство матеріальныхъ вкусовъ, и что ваши благородныя убѣжденія совсѣмъ не къ дому окружающей васъ среды. Ваша жизнь по убѣжденіямъ приходится многимъ не по-нутру и, чтобы заставить васъ не выходить изъ общей колеи, люди не постѣснятся прибѣгнуть къ насилію.

Не мало встрѣчается людей, которые съ легкимъ сердцемъ, безъ мучительной борьбы съ протестами своей совѣсти, отрекаются отъ убѣжденій, оказавшихся неудобными въ практической жизни. Причина такой неустойчивости можетъ лежать или въ низменности, узости міропониманія, или въ слабости воли. Возможенъ и другой исходъ уроковъ жизни. Человѣкъ отказывается не отъ убѣжденій, а отъ проведенія ихъ въ жизнь и даже отъ откровеннаго заявленія ихъ. Онъ какъ бы раздвояется. На людяхъ говоритъ одно; въ минуты уединенныхъ размышленій, въ бесѣдахъ съ друзьями — другое. Въ первомъ случаѣ онъ лицемѣритъ, во второмъ искрененъ.

Но это уже не убѣжденія, а мысли, мнѣнія, назовите какъ хотите. Убѣжденія это нѣчто почти органическое и дешево, безъ борьбы, не продается ни за какія блага жизни.

Человѣкъ съ убѣжденіями, однако, вовсе не рисуется намъ ангеломъ, или какою-то резонирующею машиною; это существо съ плотью и кровью, съ возможностью ошибокъ, заблужденій, временныхъ потемнѣній сознательности, съ приступами колебаній воли и т. п. Люди, стремящіеся къ соотвѣтствію дѣлъ съ ихъ убѣжденіями, часто испытываютъ, что въ мотивы, вытекающіе изъ ихъ убѣжденій, противъ воли врываются другіе мотивы, затемняющіе сознаніе и опредѣляющіе поступки, несогласные съ міровоззрѣніемъ. Гнѣвъ, обида, испытанное насиліе часто толкаютъ насъ на дѣйствія, противъ которыхъ протестуетъ совѣсть, когда наступаетъ для нее время произнести свой судъ. Нельзя отрицать того, что мотивы этого рода вполнѣ свойственны натурѣ живого человѣка, какимъ мы знаемъ его въ дѣйствительности, и, повторяя вслѣдъ за Пироговымъ, что воспитаніе должно стремиться къ образованію „человѣка“, мы разумѣемъ, что его сознательно усвоенныя убѣжденія служатъ прочной основой его совѣсти, предохраняютъ его, пока могутъ, отъ непослѣдовательныхъ

шаговъ и жестоко карають въ случаяхъ паденія или ложно, по низкимъ побужденіямъ выбраннаго пути. Человѣка съ убѣжденіями мы вовсе не рисуемъ себѣ ни непогрѣшимымъ, ни застывшимъ въ какой-либо формѣ, освобождающей его отъ самоконтроля, поисковъ истины, переработки своихъ убѣжденій. Увѣренность въ „человѣкѣ“ является тогда, когда мы убѣждены, что въ его совѣсти есть свой моральный фондъ, на который онъ опирается въ сужденіи о самомъ себѣ. Отъ своихъ убѣжденій, входящихъ въ этотъ фондъ, онъ не легко отступаетъ, не бросаетъ ихъ при первомъ столкновеніи ихъ съ дѣйствительностью, а расширяетъ и углубляетъ ихъ, пользуясь уроками жизни, и вѣритъ, что и для нихъ придетъ пора. Вспомнимъ, что и въ жизни Л. Толстого былъ моментъ, когда онъ, по его словамъ, убилъ-бы человѣка, если бы былъ свидѣтелемъ дѣйствій послѣдняго, хотя въ этихъ дѣйствіяхъ и не было проявленій личной злой воли, а была лишь служебная исполнительность, примѣненная къ такого рода мѣрѣ, которая обычно выбирается однимъ лицомъ, а исполненіе поручается другому, менѣе щепетильному.

Т. И. Полнеръ въ интересной статьѣ о „Войнѣ и мирѣ“ Л. Толстого *) даетъ такое сопоставленіе характеровъ кн. Андрея и Пьера Безухаго: „По преобладанію разума или чувства они являются натурами прямо противоположными... Одна черта у нихъ, однако, общая. Ихъ взгляды, убѣжденія, міросозерцаніе находятся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Въ каждую данную минуту можно ждать въ этой области рѣшительныхъ перемѣнъ. Такіе перевороты *всегда* связаны съ событіями чисто личнаго свойства — болѣзнью, измѣной жены, неудачами въ любви или общественной дѣятельности и тому подобномъ. Вдругъ въ головѣ свертывается тотъ главный винтъ, на которомъ держалась жизнь, связь между прежде понятными явленіями разсыпается, міръ заволакивается, наступаетъ хаосъ. Потомъ, постепенно разрушенный міръ начинаетъ снова возстанавливаться въ душѣ на иныхъ, (кажется) уже незыблемыхъ основаніяхъ. Но наступаетъ новая личная катастрофа и опять все разваливается.

---

*) Война и Миръ. Памяти Л. Н. Толстого. Сборникъ подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. М. 1912. Стр. 61.

Основы характеровъ остаются всегда неизмѣнными: нельзя представить себѣ кн. Андрея слабаго волею и безъ гордаго понятія чести и Пьера Безухаго безъ проявленія „золотого сердца“. Но нельзя также представить себѣ *послѣднюю* стадію развитія ихъ духовной жизни, *послѣднее* міросозерцаніе каждаго изъ нихъ. Смерть можетъ прекратить эти перевороты, но до самой смерти нельзя положиться ни на одно (на этотъ разъ уже самое достовѣрное!) рѣшеніе. И нельзя сказать, чтобы здѣсь мы имѣли дѣло съ постояннымъ душевнымъ хаосомъ, постояннымъ колебаніемъ, постояннымъ движеніемъ. Въ каждый данный моментъ убѣжденія категоричны и тверды, какъ скала. А на завтра, быть можетъ, обстоятельства сложатся въ личную катастрофу, и весь стройный душевный міръ предшествующей прочной постройки безнадежно завалится“.

Такимъ образомъ оказывается, что кромѣ возрастной эволюціи, благодаря которой моральная настроенность одного и того же лица въ молодости, въ зрѣлости и въ старости представляетъ нѣкоторыя различія, возможны явленія катастрофическаго характера, неожиданныя и сильныя, вслѣдствіе которыхъ въ убѣжденіяхъ человѣка происходятъ и болѣе рѣзкія перемѣны. Жизнерадостный обращается въ безнадежнаго пессимиста, энергичный—въ апатичнаго, а эти настроенія всегда отражаются и на убѣжденіяхъ. Справедливо говоритъ Pierre Janet, что нельзя довѣрять моральной цѣнности человѣка, высказывающаго высокіе и благіе принципы, если онъ не пережилъ испытаній въ практикѣ жизни. Жизнь всегда можетъ повернуться къ человѣку такою стороною, которую раньше онъ игнорировалъ, считая незначительною, временною. Уроки жизни въ этомъ направленіи бываютъ иногда очень внушительными.

Такого рода катастрофы, вызывающія пересмотръ своихъ убѣжденій, а иной разъ и всего міросозерцанія, бываютъ въ жизни каждаго. Неустойчивость взглядовъ у кн. Андрея и Пьера Безухаго въ художественномъ изложеніи Л. Толстого, только выразилась рѣзче, виднѣе, но она свойственна каждому изъ насъ и вполнѣ нормальна. Человѣкъ, живя, чувствуетъ и мыслитъ и самою жизнью наталкивается на пересмотръ своихъ взглядовъ и убѣжденій. Т. И. Полнеръ,

давая характеристику героевъ „Войны и Міра“, отмѣтилъ черту общечеловѣческую. Несогласны мы съ нимъ только въ томъ, что перевороты этого рода „всегда связаны съ событіями чисто личнаго свойства“; они могутъ вытекать и изъ катострофъ общественнаго характера. Не только личныя переживанія, но и научныя открытія, уроки жизни, могутъ ставить передъ отдѣльными личностями и цѣлыми обществами вопросы, побуждающіе ихъ пересматривать свои убѣжденія, признавать вѣрными легшіе въ основу ихъ принципы и ошибочными сдѣланные изъ нихъ выводы, выдвигать съ задняго плана на передній то или иное требованіе и проч.

Рисуя „человѣка“ въ идеалѣ, мы представляемъ его себѣ обладающимъ ясно поставленными, неподкупными убѣжденіями, связанными въ одно цѣльное міропониманіе, служащими ему руководствомъ въ жизни. При сношеніяхъ съ людьми, онъ постоянно помнитъ, что имѣетъ дѣло съ „человѣкомъ“, какъ бы убога ни была эта личность. Иное дѣло, когда мы видимъ передъ собою живого человѣка, особенно молодого. Мы знаемъ, что близкія сношенія съ людьми принесутъ ему много разочарованій, что жизнь точно намѣренно будетъ коверкать его душу, раскрывать ему прелести и побѣды злого себялюбія, такъ называемыхъ благъ земныхъ и пр. И не требуя отъ человѣка, чтобъ онъ удовлетворялъ нашему идеалу „человѣка“ въ полнотѣ и совершенствѣ, мы будемъ пытливо всматриваться, есть ли у него тотъ фондъ, о которомъ мы упоминали раньше. Если онъ есть у него, онъ будетъ спотыкаться, но не падать, отклоняться съ прямого пути и опять возвращаться на него, попавъ въ болото, онъ не завязнетъ въ немъ, а употребитъ всѣ усилія, чтобъ выбраться на твердую почву, гдѣ можно идти ровнымъ и увѣреннымъ шагомъ. Онъ, несовершенный, надѣленный человѣческими слабостями, будетъ совершенствоваться, крѣпнуть въ своихъ убѣжденіяхъ. Можно надѣяться, что онъ не сожжетъ всего, чему поклонялся, и не поклонится всему, что сжигалъ. При катастрофахъ, вызывающихъ такія превращенія у людей съ убѣжденіями, рушатся стѣны, но фундаментъ остается.

Въ этомъ фундаментѣ цементомъ, связующимъ всѣ части, служитъ признаніе человѣческаго достоинства и въ себѣ и въ

другихъ людяхъ. Зная натуру человѣческую, способную и на добро, и на зло, мы можемъ желать, но не можемъ требовать, чтобъ каждая личность олицетворяла собою „человѣка“, рисующагося въ идеалѣ. Можемъ желать, чтобы онъ возводилъ стѣны своего міропониманія не на пескѣ, а на этомъ твердомъ фундаментѣ, чтобъ онъ и при увѣренности, что онъ никогда не достигнетъ совершенства, все же совершенствовался. И такіе люди есть, и такихъ не мало. Къ сожалѣнію, можетъ быть, еще болѣе людей, воздвигающихъ свои жилища на пескѣ, не заботясь о прочности ихъ, успокаивая себя тѣмъ, что на ихъ вѣкъ хватитъ, а „послѣ насъ— хоть потопъ“.

Мы полагаемъ, что такое пониманіе идеала Пирогова отнюдь не противорѣчитъ его воззрѣнію. Онъ былъ требователенъ, когда писалъ о „Вопросахъ жизни“ и вызвалъ сужденіе, что онъ непримиримый идеалистъ. Но, когда онъ сталъ въ условія дѣйствительной жизни, онъ обнаружилъ извѣстную терпимость и къ заблужденіямъ молодежи, и къ непризнанію Христа евреями, и даже къ той инертности, тяжести на подъемъ, которыя онъ видѣлъ въ окружающихъ его педагогахъ.

Выдвинутое Пироговымъ требованіе самовоспитанія, самоусовершенствованія вызывалось условіями даннаго момента: вѣрилось, что устанавливается новый фазисъ жизни, который будетъ все болѣе повышать нравственный цензъ общественныхъ дѣятелей. Но когда оказалось, что въ мѣха новые вливается вино старое, все же это не могло послужить достаточнымъ поводомъ понижать цензъ человѣка. Наставнику, судьѣ, земцу надо быть трудоспособнымъ, справедливымъ, гуманнымъ, чтобы лучше использовать новыя учрежденія, хотя и не вполнѣ совершенныя. Съ хорошими людьми при всякихъ условіяхъ живется лучше, чѣмъ съ дрянными. Учрежденія могутъ отставать отъ требованій общественнаго мнѣнія, и тѣмъ болѣе желательно, чтобъ нравственное сознаніе общества не засыпало, а бодрствовало и вносило поправки въ несовершенныя формы жизни.

То, что справедливо для каждаго человѣка, справедливо

и для педагога. Только тотъ, кто цѣнитъ въ себѣ человѣческое достоинство, можетъ цѣнить его въ другомъ; наоборотъ, отъ человѣка, который себя не уважаетъ, нельзя ожидать, чтобы онъ уважалъ другихъ. Совершенствуясь самъ, наставникъ будетъ звать къ тому же и своихъ питомцевъ. Оказанное имъ ученику уваженіе, обязываетъ послѣдняго, рождаетъ самовнушеніе. Колеблющимся, неустойчивымъ слѣдуетъ внушать довѣріе къ голосу совѣсти, сознаніе пользы усилій, отнюдь не третируя ихъ поступковъ, какъ свидѣтельства окончательной, безнадежной испорченности. Почувствовавъ въ себѣ силу воли, юноша начинаетъ слѣдить за собою, самъ надѣваетъ на себя узду, сдерживается, цѣнитъ свою репутацію; попавъ въ безнадежные — махаетъ на все рукою, считаетъ себя отпѣтымъ и легко катится подъ-гору. Опускаются въ этомъ случаѣ и тѣ неустойчивые, которымъ нуженъ авторитетный голосъ нравственно-высокихъ личностей, чтобъ удерживать себя отъ распущенности и слабовольныхъ уступокъ передъ соблазнами жизни.

Внушать наставникамъ обязанность самовоспитанія, строгость къ себѣ и уваженіе къ своему человѣческому достоинству, Пироговъ имѣлъ право. Онъ самъ работалъ надъ собою и достигъ такой степени совершенства, что рисуется намъ почти идеаломъ. Это былъ великій гражданинъ-христіанинъ. Крупная научная сила, оставившая по себѣ глубокій слѣдъ въ наукѣ, опытный и талантливый хирургъ, сердечный и заботливый администраторъ госпиталей на поляхъ битвъ, трезвый и проницательный умъ, человѣкъ громаднаго нравственнаго авторитета въ роли попечителя учебнаго округа, не боявшійся выносить свои педагогическія воззрѣнія въ печать на общее обсужденіе всего общества, въ высшей степени простой въ обращеніи, прекрасно понимавшій молодежь въ ея увлеченіяхъ и заблужденіяхъ на почвѣ идеальныхъ стремленій,—таковы главнѣйшія черты нравственнаго облика Пирогова.

Мы привели уже замѣчаніе В. Я. Стоюнина, что педагоги и родители не обратили вниманія, что требованія Пирогова возлагали на нихъ трудную задачу самовоспитанія. Тогда же мы признали это требованіе существеннымъ и важнымъ. Въ подтвержденіе этого укажемъ, что и въ ближайшее къ намъ время нѣкоторые педагоги-писатели возвращаются къ во-

просу о самовоспитаніи педагоговъ, хотя и исходятъ не отъ Пирогова, а отъ Толстого.

Такъ, И. Накашидзе трактуетъ въ „Свободномъ воспитаніи“ (1908—1909 г., № 5), вопросъ „О самовоспитаніи“ педагога и о томъ крупномъ значеніи, которое оно имѣетъ для воспитанія юношества. По своему содержанію статья эта весьма близка не только къ основной темѣ Пирогова, но и къ ея разрѣшенію. Авторъ также признаетъ, что „цѣнность нашей внутренней жизни, все наше человѣческое достоинство, вся полнота нашей духовной природы зависитъ отъ того, насколько мы подчиняемъ себѣ свои низменныя побужденія, побѣждаемъ ихъ, властвуемъ надъ ними“. Онъ признаетъ существованіе постоянной, непримиримой вражды между нашими низшими инстинктами и высшими стремленіями. Человѣкъ, борящійся съ самимъ собою, твердо знаетъ, чѣмъ красна человѣческая жизнь, гдѣ кроется то вѣчное, незыблемое начало, на которомъ, какъ на твердомъ фундаментѣ, должно строиться истинно-человѣческое существованіе. Въ поступкахъ и словахъ такого человѣка чувствуется нравственная цѣнность. Слова его не пустой звукъ, не мертвая форма безъ содержанія, а полная внутренняго смысла живая дѣйствительность. Со словомъ его считаются, какъ съ нравственной силой, и эта сила „проявляется въ тонѣ и смыслѣ его рѣчи, въ его сужденіи и оцѣнкѣ жизненныхъ явленій, въ мѣткомъ опредѣленіи ихъ внутренней цѣнности, ихъ настоящаго значенія, въ улавливаніи во всемъ этомъ волнующемся вокругъ насъ житейскомъ морѣ явленій постояннаго, вѣчнаго характера, какъ проявленія дѣйствующаго въ основѣ мірозданія творческаго начала и отбрасываніи всего того, что мимолетно“.

Разобравшись въ своей человѣческой природѣ, одержавъ надъ собою нравственную побѣду, человѣкъ вырабатываетъ себѣ критерій для познанія и оцѣнки и другихъ людей, пріобрѣтаетъ способность чутко схватывать, къ чему стремится, что любитъ, чѣмъ живо стоящее передъ нимъ существо.

„Люди, замѣчаетъ И. Накашидзе, чутко относятся къ нравственно-твердому, духовно-сильному человѣку. Они точно чуютъ всю цѣнность происходящей въ немъ сложной духовной работы и тянутся къ ней, какъ растеніе къ солнечному

свѣту, какъ къ единственному просвѣту въ той тьмѣ, въ которой они ощупью блуждаютъ“. Тоже и дѣти. „Ребенка поучаютъ и наставляютъ, главнымъ образомъ, факты, дѣйствія, поступки окружающихъ людей. Поступки эти реальная, живая сила въ ихъ глазахъ, импонирующая имъ своимъ жизненнымъ характеромъ. Мораль, нравственное поученіе вытекаетъ тогда естественно изъ того, что дѣти видятъ воочію осуществляющимся въ реальной жизни“.

Л. Толстой тоже придаетъ громадное значеніе самовоспитанію педагоговъ. „Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было“. Для воспитанія другихъ надо самому жить хорошо и работать надъ собою. Тогда не придется скрывать отъ дѣтей свою жизнь, не придется дѣлать ничего только на-показъ. Воспитаніе и отношеніе къ людямъ сводятся въ одинъ вопросъ, именно въ послѣдній: какъ относиться къ людямъ не на словахъ только, а на дѣлѣ. „Все воспитаніе сводится къ тому, чтобы самому жить хорошо, т.-е. самому двигаться, воспитываться, только этимъ люди вліяютъ на другихъ, воспитываютъ ихъ, и тѣмъ болѣе на дѣтей, съ которыми они связаны. Быть правдивымъ и честнымъ съ дѣтьми, не скрывая отъ нихъ того, что происходитъ въ душѣ, — есть единственное воспитаніе“.

Первая статья Пирогова представляла собою не болѣе какъ голосъ одного изъ членовъ общества. Въ то время Пироговъ не былъ профессіональнымъ педагогомъ и не предполагалъ измѣнить свое врачебное поприще на педагогическое. Знаніе жизни и глубокое пониманіе ее произвели то, что статья его оказалась не только поучительной и широко содержательной, но и проникающею въ самую глубь воспитательнаго дѣла.

Тѣсная же связь происхожденія статьи Пирогова съ переломомъ въ нашей общественной жизни этимъ самымъ обрекала ее на то, что оцѣнка ея содержанія въ отношеніи примѣнимости будетъ мѣняться въ зависимости отъ мѣняющихся вѣяній общественной жизни.

Въ ближайшіе же годы въ основавшихся тогда педаго-

гическихъ журналахъ помѣщалось много статей по тѣмъ же вопросамъ, которые поднялъ въ своей статьѣ Пироговъ; объ отдѣленіи спеціальнаго образованія отъ общаго, о самовоспитаніи, о воспитаніи воли. Тутъ читатель встрѣчалъ имена П. Гурьева, Н. Вышнеградскаго, В. Стоюнина, Я. Невѣрова, П. Рѣдкина и др.

Въ статьяхъ, появлявшихся позже до послѣдняго времени, мы также часто встрѣчаемъ мысли и пожеланія, при чтеніи которыхъ невольно вспоминаешь, что Пироговъ въ свое время высказалъ такую же мысль или такое же пожеланіе, хотя иной разъ и ограничился одной фразою, почти намекомъ. Конечно, позднѣйшій писатель не повторяетъ Пирогова — хотя и это бываетъ нерѣдко, а разрабатываетъ его мысль, развиваетъ, научно обосновываетъ. Даже тѣ, что совсѣмъ отрицаютъ воспитаніе или ратуютъ за свободное воспитаніе, сходятся съ Пироговымъ въ желаніи видѣть человѣка возможно совершеннымъ, способнымъ пользоваться всѣми дарами природы, вложенными въ его натуру.

Мы и теперь часто слышимъ о національности школы, о нравственно воспитующемъ значеніи обученія религіи [1]), о томъ, мы-

---

[1]) Каждый разъ, когда въ части общества обнаруживается нравственная распущенность, чрезмѣрное свободомысліе, матеріализмъ и т. п., мы ищемъ врачеванія въ усиленіи преподаванія Закона Божія и подъемѣ значенія законоучителя. Когда Головнинъ въ 1866 г. внесъ въ комитетъ министровъ предложеніе подчинить церковно-приходскія школы Ю. З. края дирекціи М. Н. Пр.; то онъ встрѣтилъ энергичное противодѣйствіе со стороны бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ гр. Д. А. Толстого. Въ „отдѣльномъ мнѣніи“ онъ весьма одобрялъ дѣятельность духовенства въ этомъ краѣ и высказалъ такую общую мысль: „Коренныя начала, содержимыя нашею церковью, неизмѣнны, и ея служители посему всегда будутъ имѣть неоспоримое преимущество предъ всякими другими учителями народа, которые иногда могутъ увлекаться собственными воззрѣніями, не всегда полезными для правительства и государства“. Вскорѣ онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ должности оберъ-прокурора. (С. Татищевъ. Имп. Александръ II. Т. II, стр. 260 и слѣд.).

Мы не будемъ обсуждать здѣсь мысли гр. Д. А. Толстого. Замѣтимъ только, что Пироговъ, преклоняющійся передъ нравственными завѣтами, содержащимися въ Откровеніи, отнюдь не рисуется намъ единомышленникомъ министра. Во-первыхъ, онъ высоко цѣнилъ воспитующее значеніе науки, а во-вторыхъ, онъ говорилъ, какъ видно изъ послѣдующаго, не объ школьныхъ урокахъ Закона Божія, а о христіанской жизни.

слимъ ли авторитетъ педагога, когда этотъ педагогъ самъ несамостоятеленъ, а находится подъ опекой учебной администраціи и проч. Обо всемъ этомъ и о многихъ другихъ животрепещущихъ вопросахъ Пироговъ подумалъ и такъ или иначе высказался, и каждый, кто интересуется этими вопросами, найдетъ справку у Пирогова. Въ его рѣшеніяхъ, хотя бы и высказанныхъ мимоходомъ, всегда чувствуется большой умъ, способный навести васъ на правильный путь рѣшенія сложныхъ вопросовъ воспитанія. Вопросы, которые онъ затрогивалъ, одни—до сихъ поръ не рѣшены и вызываютъ споры, — другіе нашли себѣ осуществленіе, но такое, какое никого не удовлетворяетъ; но именно то, что мыслящимъ людямъ то и дѣло приходится возвращаться къ нимъ, говоритъ за то, что вопросы эти жизненны и настолько капитальны, что на усвоеніе ихъ обществомъ потребуется, можетъ быть, не одно поколѣніе. Это не тѣ вопросы, которые разрѣшаются министерскимъ циркуляромъ, и рѣшенія которыхъ вводятся въ практику на другой день по полученіи циркуляра. Это вопросы идейные, моральныя, изъ-за которыхъ одна часть общества борется съ другой на всемъ пространствѣ жизни: въ семьѣ, въ школѣ, государствѣ. Если слѣдить за этою борьбою только по отраженію ея въ литературѣ, то мы далеко не увидимъ всей картины ея, и исторія педагогическихъ идей, скупящаяся на сопоставленіе ихъ съ явленіями общественной жизни, можетъ оказаться недостаточно связною и послѣдовательною.

При такой борьбѣ совершенно естественно, что разныя общественныя группы: политическія партіи, само правительство, церковь, сословія, желая пріобрѣсти господствующее положеніе въ обществѣ, прежде всего хватаются за школу и начинаютъ перестраивать ее. Перестройка обыкновенно совершается по упрощенному плану. Насажденіе „направленія“ обыкновенно выражается въ изгнаніи изъ школы всѣхъ разномыслящихъ. Церковная школа удаляетъ не вѣрующихъ или просто не признающихъ церковной дисциплины, правительственная—людей оппозиціоннаго направленія и т. д. Нетерпимость, являющаяся слѣдствіемъ умственной узости—царитъ среди насъ, и благодаря ей школа, требующая отъ ея дѣятелей творческихъ силъ, часто лишается обладающихъ ими и остается съ одними шульмейстерами. По мысли Пирогова,

такого эксплоатированія школы не должно быть: ея задача— воспитаніе человѣка, прежде всего человѣка, а уже на этой почвѣ вырастетъ и спеціалистъ, и гражданинъ. „Дайте выработаться внутреннему человѣку, дайте время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ... граждане“.

Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ Пироговъ оставилъ педагогическое поприще и снова вернулся въ положеніе рядового гражданина отечества, самъ онъ имѣлъ возможность провѣрить, на сколько вѣрно вышеприведенное положеніе. Отбросивъ заботы о воспитаніи человѣка внутренняго, руководители народнаго просвѣщенія, принялись изготовлять прямо наружнаго, да еще утвержденнаго образца, и Пироговъ снова съ горечью въ сердцѣ могъ констатировать, что забвеніе основного требованія педагогики: въ общеобразовательной школѣ „надо воспитывать человѣка“—до добра не доводитъ.

Событіе 1 марта 1881 года произвело на него сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ пытался собрать во-едино мысли, рождавшіяся по разнымъ поводамъ о направленіи нашей внутренней политики за пережитое имъ время. Собранныя мысли у него сложились въ стройную систему, гдѣ вопросъ о человѣкѣ или, какъ онъ говоритъ, объ индивидуальной личности, самъ собою занялъ видное мѣсто.

„Шекспиръ, говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ произведеній—„Буря“—изобразилъ намъ наглядно, въ лицѣ Калибана, звѣрскую натуру человѣка, удерживаемую въ постоянномъ рабствѣ умомъ и при малѣйшемъ послабленіи всегда готовую войти въ заговоръ противъ властелина. Это прирожденное человѣку звѣрство есть одно изъ стадныхъ его свойствъ, уступающее и подчиняющееся только одному развитію индивидуализма въ обществѣ. Умъ, конечно, различнаго склада, есть свойство чисто индивидуальное, и потому, именно, онъ и различенъ, противенъ всегда и у всѣхъ одинакому стадному звѣрству“. (Пироговъ, II, 333). Правители сильно ошибаются, упуская изъ виду этотъ антагонизмъ, полагая, что со стаднымъ звѣрствомъ всегда можно справиться внѣшнею силою; они, ради своего авторитета, подавляютъ развитіе личности и индивидуальныхъ свойствъ. Но звѣрство не можетъ быть рабомъ несвободнаго и стѣсненнаго ума. Замѣтивъ слабость индиви-

дуальнаго ума, долго бывшаго подъ гнетомъ, звѣрство бунтуетъ и порабощаетъ себѣ умъ, заставляя его служить себѣ. Правительство лишается услугъ ума, которыя ему нужны, и имѣетъ передъ собою звѣря, вооруженнаго умственными силами, хотя бы и небольшими.

„Развитіе индивидуальной личности и всѣхъ присущихъ ей свойствъ,—говорилъ Пироговъ по поводу событія 1 марта 1881 года,—вотъ, по моему мнѣнію, талисманъ нашъ противъ недуговъ вѣка, клонящагося къ закату. Средствъ къ этому развитію не мало, была бы добрая и твердая воля". (II, 315).

Далѣе онъ указываетъ аналогію между такимъ представленіемъ человѣка и представленіемъ государства. Здѣсь правительство—умъ, народъ—звѣриное стадо. Пока народъ живетъ стадною жизнію, единовластіе вполнѣ достаточно для управленія народомъ. Выдѣляющіяся изъ общей массы даровитыя личности привлекаются къ пособничеству въ управленіи народомъ, для чего предварительно пропускаются черезъ учебныя заведенія, организованныя правительствомъ. Со временемъ, естественнымъ путемъ, или благодаря такимъ крупнымъ реформамъ, какою было у насъ освобожденіе крестьянъ, число индивидуализировавшихся личностей возрастаетъ, превышаетъ потребность въ нихъ правительства и остается въ средѣ общества. Народъ не представляетъ тогда сплошного стада, въ немъ являются личности, индивидуумы, сохраняющіе еще звѣриныя свойства, но обладающіе умомъ, который и держитъ звѣря въ повиновеніи себѣ. Съ другой стороны, этотъ же умъ служитъ человѣку въ его стремленіи уразумѣть общественную жизнь, ея выгодныя и невыгодныя стороны и рождаетъ критическое отношеніе къ правительству, берущемуся устроять эту жизнь. Такая критика непремѣнно найдетъ нѣчто, неодобряемое ею въ распоряженіяхъ правительства, потому что государство, представляя высшую коллективную единицу, чѣмъ разныя общественныя группы, всегда склонно подчинять ихъ интересы своимъ. Если государство сознаетъ, что при всемъ томъ въ интересахъ той и другой стороны есть нѣчто общее и что взаимныя недоразумѣнія желательно разрѣшать мирнымъ путемъ, оно заботится о распространеніи и углубленіи просвѣщенія среди индивидуали-

зирующихся личностей, чтобы быть обезпеченнымъ большимъ числомъ лицъ, держащихъ своего звѣря въ уздѣ, поступающихъ по велѣніямъ разума, чуждающихся какого бы то ни было насилія. Но правители могутъ вступить на иной путь: не считаться съ тѣмъ, что народъ уже больше не стадо, или, почему либо, считать это измѣненіе нежелательнымъ и, вѣря, что оно обладаетъ силами укротить звѣря, обратить свои заботы на то, чтобы сдерживать индивидуализацію, не допускать критики своихъ дѣйствій и проч.

„Всякая государственная власть, держащая кормило правленія, замѣчаетъ Пироговъ, говоритъ если не вслухъ, то про себя: „государство—это я“, если же и не говоритъ, то всегда хотѣла бы это сказать“. (II, 311). Конечно, такое положеніе вещей обнаруживаетъ еще рѣзче рознь интересовъ и создаетъ враждебное настроеніе.

Возникаетъ борьба между правительствомъ и обществомъ, и всегда между членами послѣдняго найдутся такіе, въ которыхъ звѣрь побѣдитъ разумъ и толкнетъ его воспользоваться стаднымъ чувствомъ народа, чтобы вызвать его на насиліе и всякія злыя дѣла.

Такимъ образомъ, разбираясь въ общественныхъ явленіяхъ періода нашей исторіи, предшествовавшаго 1881 году, Пироговъ опять-таки пришелъ къ выводу о необходимости признанія за каждымъ права быть индивидуумомъ, т.-е. человѣкомъ.

Эти размышленія Пирогова и по сіе время не потеряли своего значенія. Въ нихъ онъ объединилъ мораль личную съ моралью общественной, поставивъ „человѣка“ въ центрѣ всего вопроса. Уваженіе человѣческаго достоинства въ себѣ и въ другихъ должно руководить нами въ личныхъ и общественныхъ сношеніяхъ. Надо желать развитія разумной индивидуальности въ людяхъ, если хотимъ достигнуть мирнаго преуспѣянія общества. То же слѣдуетъ сказать и относительно учебныхъ заведеній. Школа, видящая передъ собою только стадо учениковъ и заботящаяся прежде всего о томъ, чтобы являться передъ ними во всеоружіи наказаній и строгостей, этимъ самымъ будитъ и питаетъ въ своихъ воспитанникахъ звѣриные инстинкты, отвлекаетъ ихъ вниманіе отъ учебной работы къ выходкамъ противъ учителей. Только человѣчныя

отношенія къ учащейся молодежи и заботы школы о серьезной постановкѣ преподаванія установляютъ въ школѣ мирное теченіе учебно-трудовой жизни. Старые педагоги и родители учащихся прекрасно знаютъ, что гдѣ учатся хорошо, тамъ и ведутъ себя хорошо.

III.

Мы уже указывали, что педагогическое движеніе 60-хъ годовъ стояло въ тѣсной связи съ общимъ движеніемъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Пегагоги раздѣляли съ обществомъ то повышенное настроеніе, которое охватило всѣхъ подъ впечатлѣніемъ предпринятыхъ правительствомъ реформъ.

Реформы касались весьма существенныхъ практическихъ вопросовъ общественнаго устройства „и вмѣстѣ, прибавляетъ А. Н. Пыпинъ, удовлетворяли нравственное чувство общества“, онѣ вызывали общій интересъ и порождали весьма оживленную полемику, съ одной стороны, между сторонниками и противниками реформъ, а съ другой—между тѣми, кто разрабатывалъ ихъ только теоретически, и тѣми, кому привелось быть членами разныхъ комиссій, выработывавшихъ уставы и положенія, подлежавшіе затѣмъ законодательному утвержденію.

Такимъ образомъ лицамъ, строившимъ новую жизнь, приходилось выслуживать упреки и за то, что они вели жизнь впередъ, и за то, что ихъ шаги въ этомъ направленіи казались недостаточно рѣшительными, и осуществленіе реформъ не отвѣчало теоретически выработанному идеалу ихъ. Новыя идеи, изъ книгъ переходя въ жизнь, неизбѣжно должны были считаться съ реальными условіями и утратить часть своей идеальной чистоты.

Впослѣдствіи стало не трудно указывать заблужденія, увлеченія и крайности литературы шестидесятыхъ годовъ. Ихъ указывали и въ свое время, но критики, осуждавшіе эти ошибки съ различныхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ они стояли, въ огромномъ большинствѣ сошлись на признаніи этой эпохи выдѣляющеюся изъ другихъ интенсивностью ра-

боты, совершаемою въ доброжелательномъ духѣ и съ радостнымъ настроеніемъ, при которомъ совершенно естественны и увлеченія и крайности. Нѣкоторая восторженность отзывовъ о 60-хъ годахъ особенно замѣтна въ тѣхъ статьяхъ, которыя писались много лѣтъ спустя, когда эти годы отошли уже въ область воспоминаній.

„Освобожденіе крестьянъ, писалъ, напримѣръ, кн. Мещерскій [1]), созданіе безцензурной печати, отдѣленіе административной и судебной властей, городское и земское самоуправленіе — все это представляло одну стройную спстему, одно начало, проведенное черезъ всѣ реформы. Это — преддверіе конституціоннаго образа правленія. Въ складкахъ этихъ реформъ несомнѣнно заключалась и свобода. Она вѣяла, она чувствовалась, она носилась въ воздухѣ. И въ частной жизни, и въ общественной, и въ государственной замѣчался сильный подъемъ духа. Воспрянуло, заговорило и поднялось все лучшее въ обществѣ, всѣ лучшія стремленія, всѣ лучшія проявленія души лучшей части общества. Словно Духъ Божій, внѣдряющійся въ душахъ лучшихъ людей Россіи, запертый тамъ какъ въ темницахъ и проявляющій себя по временамъ въ чудныхъ твореніяхъ колоссовъ русской литературы, словно онъ явился въ свѣтъ, носился въ атмосферѣ и воспроизводилъ тотъ удивительный подъемъ духа, который окружалъ освободительныя реформы императора Александра II. И что же. Теперь даже какъ-то странно вспоминать этотъ подъемъ духа. Теперь, когда мы присутствуемъ на похоронахъ всѣхъ этихъ реформъ, когда мы видимъ затоптанными въ грязь всѣ высшіе идеалы 60-хъ годовъ, когда мы видимъ главенство толпы съ ея отвратительными, чисто животными инстинктами— становится жутко на душѣ, слезы душатъ горло, словно стоите вы передъ не засыпанной еще могилой, въ которой лежитъ похороненнымъ все дорогое вашему сердцу, вся ваша духовная жизнь“ [2]).

---

[1]) Гражданинъ, 1896 г. № 34.

[2]) Причину всего этого крушенія Мещерскій видитъ въ томъ, что крестьянская реформа разорила помѣщика-дворянина, единственнаго представителя въ то время интеллигентной Россіи. Отсюда — пониженіе общаго духовнаго уровня русской интеллигенціи и т. д.

„Память о 60-хъ годахъ, пишетъ Н. Котляревскій [1]), была дорога русскому прогрессисту почти какъ греза о какой-то героической эпохѣ. Героизма было дѣйствительно не мало въ этотъ замѣчательный періодъ нашей исторіи, и на *извѣстномъ разстояніи* онъ сильно выигрывалъ. Все повседневное, прозаическое, сѣрое и мрачное отступало на задній планъ и на фонѣ нашей дореформенной жизни необычайно ярко обрисовывался обликъ молодой, обновленной Россіи съ новыми скрижалями законовъ въ рукахъ, съ разбитыми цѣпями у ея ногъ, со взоромъ, устремленнымъ увѣренно навстрѣчу восходящему солнцу новой жизни. Вокругъ этого символическаго облика мощи и здоровья размѣщалась цѣлая толпа лицъ, съ которыми молодая Россія—поборница правды и справедливости—вступила на новый широкій путь жизни.

Въ этихъ воспоминаніяхъ рѣчь идетъ не о литературѣ только, а о всемъ тогдашнемъ обществѣ, объ одушевленіи, охватывавшемъ всю жизнь, объединившемъ правительство и общество.

„Есть эпохи монотеистическія, суровыя, какъ древній Израиль, есть эпохи политеисческія, свѣтлыя какъ Эллада и разнообразныя, какъ она. Судить одну въ свѣтѣ принциповъ другой — едва ли основательно... пишетъ В. Розановъ [2]). Шестидесятые годы были такою монотеистическою эпохою, „объ одномъ богѣ“. Пишемъ съ маленькой буквы, потому-что мы говоримъ, конечно, объ идеалѣ, но чрезвычайно страстно вѣруемомъ — объ идеалѣ „обожествленномъ“. Такимъ идеаломъ въ 60-ые годы была „польза“. Но какая польза? Не меркантильная, не американская, не польза своего „я“, не польза, какъ сумма удобствъ жизни. Предносился взору людей того времени „золотой сонъ“ будущаго; но „сонъ“, который долженъ настать для всего человѣчества, и притомъ разомъ, а именно матеріально, вещественно, здѣсь на землѣ. Люди неимущіе, люди зависимые сгорали въ идеѣ имѣющаго наступить братства людей, имѣющей осуществиться свободы людей, имѣющаго наступить довольства людей“. (Стр. 136).

„Итакъ, идеалъ 60-хъ годовъ былъ „утилитарный“, но

---

[1]) Н. Котляревскій. „Вѣст. Европы“, 1910 г. № 8, стр. 190.

[2]) „Шестидесятые годы и утилитарная критика“,. В. Розановъ. Новый путь. февраль, 1902 года. Стр. 136—141.

въ какомъ-то пророческомъ, священномъ смыслѣ. Сообщилъ ли онъ колоритъ всей эпохѣ и именно поэтическій? Да... Великая эпоха была истинно поэтическая, и она вздымала крылья индивидууму... Кажущіяся „утилитарныя“ оцѣнки литературныхъ произведеній въ 60-е годы были только съ виду такими, а на самомъ дѣлѣ это были оцѣнки, вытекавшія изъ общей братской одушевленности однимъ идеаломъ, монотеистическимъ, и полныя ревности къ инымъ богамъ“. Этихъ „иныхъ боговъ“ казнили въ ту пору, какъ Израиль казнилъ „ваала“... Та эпоха только казалась грубою. На самомъ дѣлѣ это была деликатнѣйшая эпоха, съ деликатнѣйшимъ отношеніемъ къ ближнему, къ человѣку, къ женщинѣ, къ народу, къ ребенку. Я, не придумывая, а на удачу назвалъ цѣлую рубрику предметовъ, а когда вдумаешься въ каждое поименно, увидишь, что въ 60-ые годы родилось и выросло истинно доброе и впервые доброе отношеніе ко всему названному“.

Слишкомъ тягостенъ былъ тотъ гнетъ, который въ предшествующіе годы приходилось испытывать почти каждому въ той или иной сферѣ жизни; слишкомъ несомнѣнно и обидно рушился фантастическій образъ могущественной державы, въ который такъ долго вѣрили. Немудрено, что люди одушевлялись при мысли о раскрѣпощеніи людей, объ очеловѣченіи жизни, которое сулили реформы. Вопросы о человѣкѣ, человѣческомъ достоинствѣ, его правѣ имѣть свои убѣжденія и поступать по своимъ убѣжденіямъ занимали въ литературѣ видное мѣсто. Пульсъ жизни бился усиленно, а вмѣстѣ съ нимъ и мысль усвоивала быстрый темпъ, иной разъ перегоняя жизнь и все болѣе повышая свои требованія отъ нея.

Тогда искренно вѣрилось, что реформы уже выполнили половину дѣла, что на этой половинѣ нельзя останавливаться, надо продвигаться дальше. Мысль людей, не обладавшихъ большимъ житейскимъ опытомъ, легко переходила въ мечту. Будущее, рисовавшееся осуществленіемъ этой мечты, казалось такъ близко, такъ легко осуществимо.

„Подъ впечатлѣніемъ раскрывавшихся тайныхъ сторонъ національной жизни, говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]), и въ мель-

---

[1]) Исторія русской литературы. Т. IV, стр. 557.

кавшей надеждѣ на ея возрожденіе—надеждѣ, которая отъ самой силы ожиданій становилась въ глазахъ молодыхъ мечтателей увѣренностью, они убѣждались, что всѣ лучшія силы общества и въ томъ числѣ ихъ представительство—литература, должны быть направлены именно на служеніе приближающемуся будущему...“.

Современники 60-хъ годовъ видѣли, что на работу вышла масса крупныхъ личностей, недостатка въ силахъ не было, за работу принялись дружно, и это общее одушевленіе, въ свою очередь, подымало духъ у людей со скромными силами, какъ и у тогдашней молодежи; рождало въ нихъ вѣру въ свои силы и давало увѣренность, что новая жизнь вскорѣ же осуществится, такъ какъ отъ такихъ силъ, которыя собрались на общую работу, можно было ожидать, что будетъ сдѣлано нѣчто большое, крупное.

Намъ нѣтъ надобности входить во всестороннее разсмотрѣніе движенія 60-хъ и послѣдующихъ годовъ, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время стали появляться въ печати составленные болѣе меня компетентными лицами обзоры разныхъ сторонъ этого движенія [1]). Насъ интересуетъ лишь то, что такъ или иначе касается пониманія правъ личности, положенія ея въ обществѣ и государствѣ, морали, роли школы въ воспитаніи личности и т. п.

Самой важной, по своему внутреннему значенію, реформой было, конечно, освобожденіе крестьянъ: оно дѣлало необходимыми другія реформы и давало имъ тонъ; изъ него вытекали и съ нимъ были связаны земство, народныя школы, воинская повинность, судъ. Всякій дефектъ въ постановкѣ освобожденія крестьянъ неминуемо долженъ былъ отразиться на остальныхъ реформахъ. И тогдашнее передовое общество

---

[1]) Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. 1909. 3 части.

Л. Юшкевичъ. Новыя вѣянія. (Очерки современныхъ религіозныхъ исканій). 1910.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. 2 тома. 1911.

П. Алешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи (XVIII и XIX вѣкъ). 1912.

Чеховъ, Н. В. Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ XIX вѣка. 1912. (Педагогическая академія въ очеркахъ и монографіяхъ) и др.

вполнѣ понимало это и съ особеннымъ вниманіемъ отнеслось къ устройству быта освобождаемыхъ крестьянъ.

Крѣпостное право уже въ предшествовавшія десятилѣтія дѣйствовало угнетающимъ образомъ на сознаніе людей. Но тогдашнія поколѣнія могли только мечтать объ освобожденіи крестьянъ. Высказываться они имѣли возможность лишь въ литературѣ, да и то съ осторожностью, часто намекомъ. Современникамъ реформъ открывалась возможность принять активное участіе въ заявленныхъ правительствомъ преобразованіяхъ. Вчерашнимъ мечтателямъ приходилось обращаться въ практиковъ. Почти на первыхъ же порахъ среди общества обозначилась группа людей, желавшихъ ограничить реформу дарованіемъ крестьянамъ свободы личности и труда, оставивъ землю, какъ собственность помѣщиковъ, во владѣніи послѣднихъ. Крестьянамъ предстояло бы работать на помѣщичьей землѣ по найму, т.-е. изъ одной кабалы перейти въ другую. И часть литературы выступила съ защитой земельнаго надѣла. Она напоминала, что независимымъ можетъ быть только тотъ, кто обезпеченъ кускомъ хлѣба, кто не ищетъ работодателя и, кромѣ рукъ, имѣетъ нѣчто свое, къ чему можетъ приложить свой трудъ. Литературѣ приходилось говорить о надѣлѣ крестьянъ землею, о размѣрѣ надѣла, объ юридическомъ обезпеченіи крестьянина и въ личномъ, и въ имущественномъ отношеніи, объ общинѣ, выборномъ началѣ, мировомъ судѣ и всѣхъ другихъ сторонахъ жизни.

Теперь, вдумываясь въ трудовой характеръ той эпохи съ ея практическими, дѣловыми задачами, невольно чувствуешь, что сама жизнь, влекла дѣятельныхъ участниковъ тогдашней общей работы къ утилитаризму и позитивизму, не убившему, но оттѣснившему на второй планъ и Гегеля и Канта.

Не будучи сами ни эгоистами, ни матеріалистами, оставаясь сами по натурѣ идеалистами, эти дѣятели хлопотали о доставленіи матеріальныхъ благъ той массѣ народной, въ благосостояніи которой сами не были непосредственно заинтересованы. Заботы о матеріальныхъ нуждахъ и пользахъ народныхъ шли параллельно съ удовлетвореніемъ поставленнаго Пироговымъ требованія признанія въ человѣкѣ — „человѣка“. Къ этой задачѣ прилагали свои силы и политико-экономы, и юристы; каждый вносилъ въ общую работу свою ленту, за-

ботясь о существенно необходимыхъ мѣрахъ къ обезпеченію личности въ ея и духовныхъ, и матеріальныхъ благахъ. Общими усиліями интересы личности разсматривались всесторонне. Не о хлѣбѣ единомъ заботились люди, заботились они и о благахъ духовныхъ.

Становясь на практическую точку зрѣнія, естественно было перевести рѣчь съ „человѣка“ вообще на „реальную личность“, съ ея матеріальными интересами и съ бытовыми условіями ея существованія. Для устроенія ея жизни считалось недостаточнымъ возлагать надежды на добрыхъ людей (въ широкомъ смыслѣ слова); выражалась потребность, чтобы правительство законодательными мѣрами оградило крестьянъ отъ покушеній „недобрыхъ людей“ эксплоатировать въ своихъ личныхъ интересахъ незнаніе и неопытность гражданъ. Общество довѣряло доброжелательству правительства и ждало отъ него, что это доброжелательство приведетъ его къ обращенію въ законъ тѣхъ экономическихъ и правовыхъ отношеній, которыя литература считала принадлежностью новой жизни.

Перечитывая теперь тогдашнія „литературныя мечтанія“, невольно чувствуешь, что рѣчи часто велись въ повышенномъ тонѣ, что люди не хотѣли размѣниваться на мелочи, не шли на компромиссы, желали не „улучшенія быта“, а дѣйствительнаго переустройства жизни.

„Выше человѣческой личности, писалъ Чернышевскій, мы не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего“. Въ своихъ статьяхъ объ общинѣ, народномъ хозяйствѣ и пр. онъ вездѣ выдвигалъ интересы и права личности. „Благо реальной личности“ было для него той точкой зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на вещи. „Общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности, говорилъ онъ,— благо человѣка“. „Справедливо то, что благопріятно правамъ человѣческой личности“. „Государство существуетъ для блага индивидуальной личности“. Народному благу надо отдать предпочтеніе передъ національнымъ богатствомъ. Общество не организмъ, а арифметическая сумма личностей.

Точно также и Добролюбовъ высказывался за права личности, за ея счастье. Разбирая литературныя произведенія, изображавшія дореформенное время, онъ не разъ имѣлъ по-

водъ рисовать то обезличеніе, до какого доводилъ людей крѣпостной режимъ. Въ людяхъ того времени онъ находилъ жалкую безцвѣтность, узость понятій и плоскость чувствъ; эти люди тяжелы на подъемъ, неподвижны и тупо вѣрны разъ заученному правилу, разъ принятому авторитету. Убѣжденій и принциповъ у нихъ нѣтъ; есть только правила и формы. Отсутствіе всякой самостоятельности, лѣнивая апатія и увлеченіе внѣшностію. Для новой жизни надо было устранить все то, что пригнетало личность, внушить ей уваженіе къ себѣ, дать возможность развернуть всѣ свои духовныя силы и разумно пользоваться ими на благо себѣ.

Вышеприведенные тезисы Чернышевскаго и Добролюбова въ свое время производили впечатлѣніе, увлекали своею гуманностію однихъ и вызывали рѣзкій протестъ—у другихъ, и во всякомъ случаѣ заставляли весьма многихъ серьезно задуматься надъ жизнью. Въ дѣйствительной жизни они не осуществлялись, но чувство справедливости было за нихъ, въ нихъ чуялась правда.

Конечно, высказывая пожеланія свободы личности, писатели 60-хъ годовъ отнюдь не проповѣдовали жизни по всей своей волюшкѣ, игнорируя, что человѣкъ живетъ въ обществѣ и государствѣ, и все же имъ часто казалось, что проэктируемыя реформы могли бы дать больше, чѣмъ онѣ сулили въ дѣйствительности. Отсюда, какъ мы упоминали, рождалась полемика, часто весьма рѣзкая, съ тѣми, кто могъ вліять на тотъ или иной исходъ реформъ. Голосъ литературы въ то время имѣлъ значеніе. Къ нему прислушивались. Привлеченные къ законодательной работѣ люди не отказывались отъ полемики на страницахъ журналовъ, сознавая, что они и ихъ критики стоятъ на одной почвѣ. Эту почву составляла литература тридцатыхъ и, главнымъ образомъ, сороковыхъ годовъ.

„Эта литература, говоритъ А. Н. Пыпинъ (Исторія русск. литер., IV, 599), въ своихъ лучшихъ представителяхъ въ искусствѣ и въ наукѣ именно научала высокому пониманію общественнаго долга, внушала вѣру въ нравственное достоинство народа и въ народныя силы, развивала благородный идеализмъ, стремленіе къ просвѣщенію и общественной справедливости“. „Литература въ тѣ времена была единственнымъ поприщемъ и орудіемъ общественной мысли“.

Не забудемъ, что въ тѣ же годы молодая интеллигенція почти за-ново знакомилась съ Бѣлинскимъ. Пока статьи его оставались въ книжкахъ старыхъ журналовъ, онѣ читались развѣ немногими изъ тѣхъ, кто не засталъ его въ живыхъ. Въ 60-хъ годахъ онѣ стали выходить въ отдѣльномъ изданіи его сочиненій, сдѣлались общедоступными и сразу же получили широкое распространеніе въ публикѣ. Въ то же время люди всѣхъ возрастовъ и положеній зачитывались Герценомъ. На сторонѣ движенія стояли большіе литературныя силы. Добавимъ, что въ эти же годы совершались такія крупныя событія, какъ внутренняя война С.-Ам. Штатовъ за освобожденіе невольниковъ и подвиги Гарибальди, стоявшаго во главѣ народнаго движенія для объединенія Италіи. Все звало на работу, и работа шла съ тѣмъ одушевленіемъ, преданіе о которомъ живетъ и понынѣ.

Старая литература, можно сказать, была кантовская; она высоко ставила его принципъ, что человѣческая личность сама по себѣ цѣнна и не можетъ быть трактуема, какъ средство для цѣлей, не связанныхъ съ ея благомъ. Новая литература, позитивная, выдвигала реальную личность съ ея реальными благами, искала опоры своихъ разсужденій въ фактахъ дѣйствительной жизни. Наблюденія этой жизни показывали, что принципъ Канта не осуществляется въ дѣйствительности: права личности принесены въ жертву исторически сложившимся условіямъ общежитія. На такой выводъ наталкивала прежде всего основная реформа — освобожденіе крестьянъ. Въ дореформенное время крестьянинъ былъ именно средствомъ въ рукахъ помѣщика для поддержанія и увеличенія благосостоянія послѣдняго. Освобожденіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости и значило прекращеніе эксплоатаціи одного человѣка другимъ. Лица, сочувствовавшіе освобожденію, не могли не придать значенія тому, что, становясь въ одинаковое положеніе съ людьми другихъ сословій и классовъ, крестьяне, вмѣстѣ съ этими другими, все же оставались средствами для достиженія цѣлей, которыя ставили себѣ коллективныя единицы: семья, общество, государство, церковь. Естественно вызывался интересъ къ общему вопросу о границахъ правъ этихъ единицъ на личность, и

такая широта задачи литературы въ свою очередь поддерживала возбужденіе и энергію ея дѣятелей.

Духъ крѣпостного права, его образъ и подобіе, по удачному выраженію Н. Михайловскаго, отражались и во всемъ строѣ государственной жизни. „Отношенія государства къ личности и ко всѣмъ функціямъ умственной, нравственной, политической, промышленной, гражданской жизни, отношенія начальства къ подчиненнымъ, суда и слѣдствія къ преступнику, мужей къ женамъ, отцовъ и воспитателей къ дѣтямъ,— все было окрашено тѣмъ же цвѣтомъ. Поэтому обществу и литературѣ приходилось вырабатывать цѣлое новое міросозерцаніе, которое обнимало бы и отвлеченные вопросы теоріи и насущные вопросы практики“. Все величіе задачи, выпавшей на долю тѣхъ годовъ, все счастье видѣть передъ собою „путеводную звѣзду, сіявшую ослѣпительно яркимъ блескомъ идеала и указывавшую обязательную практическую задачу, подлежащую немедленному рѣшенію — освобожденію милліоновъ рабовъ“, трудно оцѣнить не участвовавшему въ этой работѣ. И сознаніе величія работы было причиною, что такъ скоро прошла печаль о крымскихъ потеряхъ и стыдъ за крымскій позоръ.

Понятно поэтому, что критическое отношеніе литературы распространялось и на области, вѣдавшіяся церковью и государствомъ, такъ какъ и здѣсь личность человѣка играетъ почти исключительно служебную роль. Ради спасенія душъ церковь требуетъ отъ своихъ сыновъ обязательнаго выполненія обрядовъ и таинствъ, преслѣдуетъ еретичество. Государство требуетъ отъ подданныхъ подчиненія государственнымъ и общественнымъ интересамъ, требуетъ жертвъ и матеріальныхъ и самою жизнью, если признаетъ это нужнымъ ради величія государства.

Послѣдовательное проведеніе каптовскаго принципа приводило къ заключенію, что и здѣсь личность должна оставаться самоцѣлью, такъ какъ эти коллективныя единицы суть только отвлеченныя понятія и реально немыслимы безъ живыхъ людей; живые же люди имѣютъ право смотрѣть на выгоды, доставляемыя всякаго рода общежитіями,—какъ на средства улучшить свое благосостояніе. Эта точка зрѣнія привела къ различенію національнаго богатства отъ народ-

наго благосостоянія. Высказывался взглядъ, что ростъ перваго допустимъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не служитъ ущербу второго. При критикѣ тѣхъ случаевъ, когда сталкивались интересы личности съ интересами государства и общества, все то, что служило къ возвеличенію государства, осуждалось, если оно вызывало обѣдненіе народа и стѣсненіе его правъ.

Вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, церкви, государству труденъ и для теоретическаго его рѣшенія. Герценъ признавалъ „труднѣйшею, задачею поставленною современнымъ мышленіемъ“—сочетаніе личности и государства такъ, чтобы соблюсти „всю святость правъ личности и не раздробить на атомы общество“. Тѣмъ болѣе труденъ онъ для практическаго разрѣшенія, такъ какъ для этого приходится считаться, кромѣ пользы и справедливости съ такъ называемымъ „соотношеніемъ реальныхъ силъ“. Много явленій дѣйствительной жизни объясняются именно тѣмъ, что заинтересованныя въ исходѣ этихъ явленій стороны разно толкуютъ предѣлы своихъ правъ и опредѣляютъ ихъ не на основѣ справедливости, не ради взаимной пользы, а въ силу традиціи, права сильнаго и т. п.

Естественно, что къ нему возвращались не разъ и послѣ 60-хъ годовъ, когда условія жизни особенно внушительно напоминали, что вопросъ на практикѣ все еще не разрѣшенъ. И достойно вниманія то, что, начиная съ провѣрки теоретическаго рѣшенія, кантовскій принципъ постоянно кладется фундаментомъ, на которомъ строится все зданіе.

„Общественность свойственна и человѣку и животнымъ, писалъ позже Вл. Соловьевъ [1]), и человѣческое общество отличается отъ общежитія животныхъ тѣмъ, что въ немъ „каждый человѣкъ, какъ такой, есть нравственное существо или лицо, имѣющее—независимо отъ своей собственной полезности—безусловное достоинство и безусловное право на существованіе и на свободное развитіе своихъ положительныхъ силъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что *никакой человѣкъ, ни при какихъ условіяхъ и ни по какой причинѣ, не можетъ разсматриваться только какъ средство* для какихъ бы то ни

---

[1]) Нравственныя основы общества. Вѣстн. Европы, дек. 1894, стр. 807.

было посторонних цѣлей, — онъ не можетъ быть *только* средствомъ или *орудіемъ ни для блага другого лица*, ни для блага *цѣлаго класса*, ни, наконецъ, для такъ называемаго *общаго блага*, т.-е. блага большинства другихъ людей. Это „общее благо“ или „общая польза“ имѣетъ право не на человѣка, какъ на лицо, а на его дѣятельность или трудъ въ той мѣрѣ, въ какой этотъ трудъ, служа на пользу общества, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ трудящемуся достойное существованіе.“

Въ этихъ словахъ Соловьева чуется, что онъ занялъ т. ск. оборонительное положеніе, защищая права индивидуальности противъ чрезмѣрныхъ притязаній на нее общества. Въ болѣе положительной формѣ взаимоотношенія ихъ выразилъ М. Ковалевскій [1]): „Индивидъ не можетъ быть принесенъ въ жертву государству и даже международному союзу, какъ не могъ и не можетъ онъ стушеваться передъ семьею, родомъ, сословіемъ или классомъ. Но его дѣятельность, въ то же время, должна быть координирована съ дѣятельностью другихъ равныхъ ему единицъ, и ихъ совокупныя усилія должны быть направлены къ обезпеченію общаго благополучія“.

Надо однако сказать, что такое положеніе вещей остается и до сихъ поръ мыслимымъ только въ идеалѣ: въ дѣйствительности такія взаимоотношенія не осуществлены и едва ли скоро облекутся въ реальныя формы. Если разсудокъ и говоритъ, что идеалъ всегда останется идеаломъ, а жизни свойственно лишь большее или меньшее приближеніе къ нему, то столь часто высказываемая тоска по идеалу, говоритъ о томъ, что жизнь далека отъ него, гораздо дальше, чѣмъ то допускаетъ чуткость къ нарушеніямъ человѣческихъ правъ.

Мы интересуемся Добролюбовымъ предпочтительно передъ другими писателями 60-хъ годовъ не только вслѣдствіе его прямого участія въ педагогической литературѣ, но и потому что вопросы, которые онъ разработывалъ въ общихъ статьяхъ, были близки педагогамъ, и въ этомъ лежали причины его несомнѣнно большого вліянія на нравственное самосознаніе

---

[1]) Двѣ жизни. Ст. М. Ковалевскаго. Вѣстн. Евр. 1909, № 7, стр. 22.

всего общества, а съ нимъ и педагоговъ. Человѣкъ безупречной нравственности, строгій къ самому себѣ, онъ хотѣлъ служить обществу тѣмъ талантомъ, который дала ему природа—словомъ. А время указало ему задачу: воспитывать въ людяхъ сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, призывать къ устраненію изъ жизни всего, что гнететъ личность, что лишаетъ возможности мыслить и дѣйствовать самостоятельно, что связываетъ мысль: преданія, авторитетныя мнѣнія, ходячая мораль долга и обязанностей, навязанныхъ извнѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ вооружился и противъ извѣстнаго изреченія Тургенева: „жизнь есть трудъ, тяжелый трудъ...“. Трудъ и жертвы, по его понятію, допустимы лишь тогда, когда они приняты добровольно, по собственному побужденію...

Предоставивъ другимъ разработку экономической и юридической сторонъ дѣла, онъ посвятилъ свои силы бытовымъ явленіямъ, разбирался въ нихъ и въ уродливостяхъ ихъ — указывалъ отступленія отъ идеала человѣческой жизни. Онъ совершалъ ту же работу, какая выпадаетъ на долю педагога въ его ежедневной дѣятельности. Добавимъ къ этому, что особливое мѣсто, какое выбралъ себѣ Добролюбовъ въ современной ему литературѣ, свидѣтельствуетъ, что тогдашніе дѣятели не только думали о созданіи внѣшнихъ условій благопріятныхъ для человѣческихъ отношеній, но и признавали, вмѣстѣ съ Пироговымъ, что личныя усилія каждаго „реальнаго“ человѣка имѣютъ существенное значеніе для успѣха дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ Добролюбовъ не упускалъ случая указать, что эти „внѣшнія условія“ часто могутъ портить вовсе не дурную, но слабую натуру человѣка.

Въ основѣ разсужденій Добролюбова лежитъ вѣра въ добрую натуру человѣка. „Естественно требованіе человѣка, говоритъ Добролюбовъ, чтобы его никто не стѣснялъ, чтобы предоставили ему пользоваться его личными неотъемлемыми средствами и безмездными, никому непринадлежащими благами природы, а съ другой стороны—столь же естественно сознаніе, что и ему не нужно посягать на права другихъ и вредить чужой дѣятельности“ (III, 322) [1]).

„Сдѣлайте такъ, чтобы чиновнику было равно выгодно—

---

[1]) Ссылки на изданіе Сочиненій Добролюбова 1896 г.

рѣшать ли дѣло честно или не честно, неужели вы думаете, что онъ все-таки сталъ бы кривить душой по какому-то темному дьявольскому влеченію натуры“ (III, 329). „Каждый хотѣлъ бы жить счастливо, свободно проводить въ жизнь свои благородные взгляды, и если такъ часто приходится сталкиваться со зломъ и терпѣть въ борьбѣ съ нимъ, то причины этого лежатъ внѣ человѣка, въ жизни и въ воспитаніи, строящемъ загородки для мысли, приводящемъ людей къ узости пониманія вещей, внушающемъ и пріучающемъ къ привычкѣ послушанія, покорности судьбѣ и т. д., всему тому, что мѣшаетъ человѣку вполнѣ развернуться въ „человѣка“.

„Въ сдѣлкахъ съ совѣстью не личности виноваты, а тѣ понятія, которыя имъ вбиты въ голову съ малолѣтства и которыя такъ часто противны бываютъ естественному ходу живыхъ стремленій души. Пока эти понятія не выгнаны изъ общества, пока полная гармонія идей и потребностей природы не возстановлена въ человѣческомъ существѣ, до тѣхъ поръ подобныя сдѣлки неизбѣжны“. (III, 477).

Вѣруя въ натуру человѣка и признавая за внѣшними условіями способность портить человѣка, онъ, естественно, выдвигалъ на первый планъ улучшеніе „внѣшнихъ условій“ существованія людей.

И самодуры, которымъ Добролюбовъ удѣлялъ столько вниманія, и угнетаемые ими люди, лгущіе, плутующіе, и, въ свою очередь, угнетающіе тѣхъ, кто зависитъ отъ нихъ, суть продукты жизни. Искра Божія есть и въ нихъ, совѣсть говоритъ и въ нихъ, но имъ часто приходится вступать въ сдѣлки съ совѣстью подъ напоромъ дурно сложившейся жизни. Добролюбовъ былъ убѣжденъ, что борьба со зломъ вполнѣ возможна. Случаи безплодности ея онъ объясняетъ тѣмъ, что мы поднимаемся на борьбу противъ мелочныхъ, частныхъ явленій, противъ личностей, тогда какъ слѣдуетъ стремиться къ измѣненію самаго строя жизни, и созидающаго самодуровъ, и дающаго имъ силу. Чаще всего воспитаніе и жизнь надѣляютъ насъ массою ложныхъ взглядовъ и привычекъ, и, перевоспитывая себя вслѣдствіе уроковъ жизни, мы надрываемъ свои силы и когда приходимъ къ пониманію, въ чемъ зло жизни, у насъ не оказывается силъ на борьбу съ нимъ. Встрѣтивъ на пути препятствія, мы не устраняемъ ихъ, а

обходимъ, оставляя ихъ на прежнемъ мѣстѣ. Нуженъ „рѣшительный разрывъ со старыми нелѣпыми и насильственными отношеніями жизни“ (III, 460), а на это не хватаетъ у людей ни яснаго пониманія причинъ зла, ни рѣшимости бороться. И не ироніей надъ этими простыми людьми звучитъ рѣчь Добролюбова, а сочувствіемъ къ нимъ.

Мысль, что люди часто инстинктивно, какимъ-то чутьемъ различаютъ добро отъ зла, думается намъ, и привела Добролюбова къ тому, что онъ избралъ средствомъ для просвѣщенія общества толкованіе жизненныхъ явленій, изображенныхъ во всѣмъ доступной формѣ беллетристическихъ произведеній. Надо отдать ему справедливость, онъ часто обнаруживалъ большое мастерство въ своихъ критико-публицистическихъ статьяхъ. Эти же статьи даютъ богатый матерьялъ для сужденія о тѣхъ моральныхъ истинахъ, которыя онъ желалъ провести въ сознаніе общества.

Нельзя обвинять Добролюбова за то, что онъ не бралъ во вниманіе наслѣдственности, значенія подсознательной сферы, внушеній коллективнаго сознанія и другихъ психологическихъ законовъ, получившихъ общее признаніе въ наукѣ уже послѣ его смерти. Онъ дѣйствительно переоцѣнивалъ и доброе начало въ человѣкѣ и его воспріимчивость къ идеямъ. Повидимому, Добролюбовъ упускалъ изъ виду, что зло, вызываемое общественными условіями, не единственное, что не всѣ люди здоровы, и злыя побужденія могутъ рождаться въ больномъ организмѣ, въ привычномъ складѣ мыслей и традиціяхъ самой жизни. Говоря о борьбѣ съ самодурствомъ, Добролюбовъ высказывалъ увѣренность, что стоитъ поговорить толкомъ съ самодуромъ или оказать ему серьезную оппозицію, и онъ сдастся, понявъ, что его собственная польза требуетъ установленія между людьми болѣе человѣческихъ отношеній. Въ этомъ сказался послѣдователь „утилитарной этики“ и отчасти раціоналистъ, вѣрящій въ царственное могущество разума. Онъ ошибался въ настроеніи общества, судилъ о людяхъ по себѣ и по окружающимъ его, сочувствующимъ ему лицамъ. Дѣйствительность рисовалась ему лучше, люди серьезнѣе, убѣжденнѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Мысли Добролюбова о добромъ началѣ, лежащемъ въ натурѣ человѣка и о податливости его къ убѣжденіямъ, въ основѣ

своей вѣрны, и не педагогу отрицать ихъ. Безъ вѣры въ эти начала ему нечего и браться за воспитаніе. Добролюбовъ грѣшилъ только тѣмъ, что подчеркивалъ одну сторону, замалчивая другую. Въ дѣйствительности приходится и видѣть въ человѣкѣ возможность злыхъ побужденій и встрѣчаться съ убѣжденіями, идущими не отъ разума, а отъ эгоизма, честолюбія, корысти, родившихся вслѣдствіе обиды, лишеній, безсилія и т. п. Можно предполагать, что такое воззрѣніе Добролюбова сложилось какъ антитеза тому, что онъ видѣлъ въ нашей прошлой жизни: недовѣріе къ натурѣ человѣка, чрезмѣрную подозрительность къ людямъ, признаніе необходимости опеки, строгихъ карательныхъ мѣръ. Но намъ кажется несомнѣннымъ, что въ данномъ случаѣ сыграла свою роль и молодость и житейская неопытность Добролюбова.

Тѣ же черты молодой довѣрчивости видятся намъ и въ оцѣнкѣ Добролюбовымъ тѣхъ результатовъ, которыхъ достигло освободительное движеніе. Одинъ писатель замѣтилъ, что дѣятели 60-хъ годовъ не то что не видѣли дѣйствительности, а признавали нѣкоторыя ея явленія уходящими остатками стараго. Между тѣмъ „четверть столѣтія по совершеніи реформъ не въ состояніи была совсѣмъ заслонить порядка вещей, воспитаннаго передъ тѣмъ цѣлыми столѣтіями“ („Вѣст. Евр.“, май, 1891, стр. 221 и 239). Добролюбовъ раздѣлялъ этотъ оптимизмъ своихъ современниковъ.

„Куда ни оглянитесь, вездѣ вы видите пробужденіе личности, предъявленіе ею своихъ законныхъ правъ, протестъ противъ насилія и произвола, большей частью еще робкій, неопредѣленный, готовый спрятаться, но все-таки уже дающій замѣтить свое существованіе“ (Добр., III, 440).

„Тѣ понятія и стремленія, говоритъ онъ, которыя прежде давали титло передового человѣка, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности. Отъ гимназиста, отъ посредственнаго кадета, даже иногда отъ порядочнаго семинариста вы услышите нынѣ выраженіе такихъ убѣжденій, за которыя въ прежнее время долженъ былъ спорить и горячиться, напримѣръ, Бѣлинскій“ (III, 261).

Онъ былъ убѣжденъ, что жизнь уже начала перестроиваться и что пришла пора переводить убѣжденія въ дѣло.

„Русская жизнь дошла, наконецъ, до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безразличныя существа не удовлеворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагательная потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ“ (III, 456).

Въ современномъ ему обществѣ онъ видѣлъ живыми и самодуровъ, и Чичиковыхъ и многихъ другихъ героевъ недавнихъ литературныхъ произведеній. Съ особой охотой онъ останавливался на лишнихъ людяхъ, которымъ посвятилъ особую статью. Благородныхъ мыслей у нихъ хоть отбавляй, но грѣхъ ихъ въ безволіи, жизненной неумѣлости. Этихъ, терпящихъ за свои убѣжденія проповѣдниковъ хорошихъ идей онъ назвалъ какъ-то пропагандистами и считалъ ихъ людьми, ставшими уже совсѣмъ непужными для его времени. Онъ пронизировалъ надъ ихъ жалобами на заѣдающую среду, надъ сантиментальностью, страдающею полнотою чувствъ, и неспособностью къ активному проявленію этихъ чувствъ, надъ платоническою любовью къ общественной дѣятельности и проч.

Онъ пронизировалъ надъ ними потому, что какъ ему казалось, убѣжденія были для нихъ нѣчто внѣшнее, что при всякой неудачѣ эти люди либо тотчасъ перестраиваютъ свои убѣжденія, либо скрываютъ ихъ.

„Убѣжденіе и знаніе, говоритъ Добролюбовъ, только тогда и можно считать истиннымъ, когда оно проникло внутрь человѣка, слилось съ его чувствомъ и волею, присутствуетъ въ немъ постоянно, даже безсознательно, когда онъ вовсе о томъ и не думаетъ. Такое знаніе, если оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушаемая, неотлагаемая “(III, 327).

Признавая за убѣжденіями силу только тогда, когда они срастаются съ самою натурою, какъ у Инсарова въ противоположность Берсеневу, Добролюбовъ высоко цѣнитъ и такую личность, какъ Катерина въ „Грозѣ“, которая хотя и совсѣмъ необразована, не можетъ разсудить, не можетъ даже выразить словами, что она думаетъ, какъ понимаетъ себя, но обладаетъ способностью претворять свои впечатлѣнія въ свою натуру. „Она водится не отвлеченными принципами, не практическими

соображеніями, не мгновеннымъ пафосомъ, а просто натурою, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила (III, 459).

„Натура замѣняетъ здѣсь (въ женской средѣ Кабановыхъ) и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы“ (III, 463).

Добролюбовъ не переоцѣниваетъ, однако, натуры. Она одна, какъ у Катерины, приводитъ лишь къ неудачному протесту и самоубійству.

Вопросъ о томъ, какія именно убѣжденія желательно, чтобы вырабатывались людьми, упраздняется соображеніемъ что новая жизнь сама сдѣлаетъ выборъ, что считать хорошимъ, полезнымъ, что—дурнымъ, вреднымъ. Конечно, лично для Добролюбова убѣжденія были не безразличны, но какъ публицистъ переходнаго времени онъ считалъ главною своею задачею расчищать дорогу для самостоятельно мыслящихъ людей; онъ неоднократно повторялъ: вырабатывайте свои убѣжденія сами и не мѣшайте другимъ вырабатывать свои: новая жизнь не за горами, и когда она сложится, тогда само собою выяснится, что для нея надо считать полезнымъ, что—вреднымъ.

„Сохраните же свою личную самостоятельность противъ всякаго авторитета, говоритъ Добролюбовъ, сохраните свою внутреннюю *нравственность* противъ всякихъ внѣшнихъ внушеній, противъ всего, что *насильственно захотятъ* навязать вамъ подъ ложнымъ названіемъ долга. Старайтесь не входить въ разладъ съ собою и сохранить *всю чистоту души*, какою васъ *надѣлила природа*“ (II, 324).

Широкой гуманностью, теплымъ участіемъ къ людямъ, вѣрою въ конечное торжество добра и правды вѣяло отъ этихъ убѣжденныхъ словъ видпаго представителя молодой Россіи. Онъ вѣрилъ въ людей, вѣрилъ, что новая жизнь установится вскорѣ же. Эта вѣра увлекала Добролюбова къ признанію за истину того, въ чемъ сомнѣвались люди болѣе его наблюдательные и опытные. Ему человѣкъ рисовался чуть ли не tabula rasa, съ которымъ стоитъ потолковать серьезно и съ участіемъ, и, убѣдившись, что ему полезнѣе быть честнымъ, чѣмъ безчестнымъ, онъ станетъ и самъ проявлять разумность и своего рода расчетливость.

Увлеченія тогдашнихъ литературно-общественныхъ руководителей, а въ ихъ числѣ и Добролюбова, не разъ учитывались ихъ критиками, и чѣмъ дальше отходимъ мы отъ того времени, тѣмъ чаще находимъ и оправданія тогдашнихъ увленій и хорошія стороны ихъ.

Даже въ тѣхъ увлеченіяхъ, которыя обычно оправдываются лишь съ нѣкоторою робостью, какъ „отрицаніе“ и рѣзаніе лягушекъ, заключалось здоровое зерно, которое и замѣтили люди, взглянувшіе на дѣло въ исторической перспективѣ:

Овсянико-Куликовскій, напримѣръ, по поводу Базарова говоритъ.

„И надо сказать правду; отрицаніе и наука въ самомъ дѣлѣ являются всегда и вездѣ живымъ источникомъ оздоровленія умственныхъ и нравственныхъ силъ общества, а въ 50—60-хъ годахъ нарождающаяся „молодая Россія“ въ особенности нуждалась въ такомъ оздоровленіи, въ воспитаніи сознательной и самостоятельной критической мысли, которое безъ отрицанія и безъ науки невозможно. Пусть въ то время это отрицаніе было слишкомъ неосмотрительно и часто направлялось не туда, куда нужно, — пусть область науки искусственно и произвольно съуживалась предѣлами естествознанія—пусть матеріалистическая философія была поверхностна и недолговѣчна,—въ основѣ своей и по результатамъ это движеніе умовъ было здоровое и благотворное. Оно воспитывало умы въ научныхъ интересахъ и серьезныхъ занятіяхъ, оно увлекало молодежь въ лабораторіи, оно создавало дисциплину мысли“ (VIII, 70).

Къ сказанному добавимъ, что тогдашнее пристрастіе общества къ естествознанію опредѣлялось соображеніями и педагогическими (вспомнимъ дебаты о классическомъ и реальномъ образованіи) и политико-экономическими (вспомнимъ ст. Ю. Г. Жуковскаго: „Вопросъ молодого поколѣнія“). Протекшіе съ тѣхъ поръ годы выдвинули многихъ русскихъ натуралистовъ съ европейской извѣстностью, въ чемъ мы видимъ подтвержденіе мысли Щапова, что русскій народъ талантливѣе на изученіе природы, чѣмъ на филологію. Съ другой стороны, мы и до сихъ поръ чувствуемъ недостатокъ въ массѣ знаній гигіеническихъ, испытываемъ неизбѣжность выписки техни-

ковъ изъ-за границы и т. п. явленія, которыя не носили бы такого досаднаго характера, еслибъ на естествознаніе въ школѣ было обращено своевременное и въ должной мѣрѣ вниманіе.

Другой писатель замѣтилъ по поводу — можетъ быть и неумѣреннаго — отрицанія всего устарѣвшаго, неразумнаго и т. п.: да вѣдь и самые реформы, предпринятыя правительствомъ, были отрицаніемъ прошлаго.

Надо замѣтить, что и той короткой жизни, какая досталась на долю Добролюбова, было достаточно, чтобы разочаровать его кое въ чемъ изъ того, съ чѣмъ онъ пришелъ въ жизнь, чѣмъ увлекался и что преувеличивалъ.

Немудрено, что высокій подъемъ духа настраивалъ людей чувствовать себя гигантами. Казалось, для разума и сильной воли нѣтъ задачъ неразрѣшимыхъ, тѣмъ болѣе—трудныхъ. И задачи ставились большія, яркія; изъ области идеаловъ ихъ притягивали къ дѣйствительности. За гигантами двинулись и люди ординарнаго ума и болѣе слабыхъ силъ. Но имъ не поспѣть было за тѣми, кто двигался быстро впередъ и впередъ. И люди, ушедшіе впередъ, вскорѣ замѣтили, что ряды слѣдующихъ за ними рѣдѣютъ, примыкаютъ къ другимъ вождямъ, мѣняютъ путь. Суждено было и Добролюбову почувствовать, что жизнь не двигается съ нимъ, а плетется гдѣ-то сзади.

„Не говоря о массѣ народа, даже въ среднихъ слояхъ нашего общества, писалъ онъ, мы видимъ гораздо больше людей, которымъ еще нужно пріобрѣтеніе и уясненіе правильныхъ понятій, нежели такихъ, которые съ пріобрѣтенными идеями не знаютъ, куда дѣваться“ [1]).

„Очевидно, писалъ онъ въ другой разъ, что характеры, сильные одной логической стороной, должны развиваться очень убого и имѣть весьма слабое вліяніе на общую дѣятельность тамъ, гдѣ всею жизнью управляетъ не логика, а чистѣйшій произволъ [2]).

Позже, говоря о Робертѣ Овэнѣ и его опытѣ общественной реформы въ Нью-Ленаркѣ, Добролюбовъ выразился еще

---

[1]) Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изд. 1896 г., т. II, стр. 438.
[2]) Idem, т. II, стр. 459.

рѣзче. „Не мѣсяцы и не годы нужны для того, чтобы пересоздать общественныя привычки“. Р. Овенъ считалъ нелѣпыми исторически создавшіяся условія жизни; „но онъ самъ былъ нелѣпъ, воображая, что эти освященныя вѣками нелѣпости можно разрушить экспромтомъ“. (IV, 44).

Впослѣдствіи и преемникъ Добролюбова по вліянію на интеллигенцію, Н. К. Михайловскій высказался приблизительно въ этомъ же духѣ: „Страшное дѣло строиться въ пустынѣ: сколько предстоитъ блужданій, напрасной траты силъ, сколько риску и опасностей“.

Тяжелое это положеніе для писателя, „положеніе мучительнаго сознанія ненужной правоты своей“. Его испыталъ и описалъ со свойственною ему яркостью Герценъ. ...„Всего обиднѣе, что люди будто понимаютъ васъ, соглашаются, но мысли ваши остаются въ ихъ головѣ чужими, не идущими къ дѣлу, не становятся той непосредственностью сознанія и нравственнаго быта, которая вообще лежитъ въ безспорной основѣ нашихъ мнѣній и поступковъ“. Писатель, которому казалось, что его слово завоевало ему широкій кругъ единомышленниковъ, твердыхъ и убѣжденныхъ, видитъ, какъ много среди этихъ единомышленниковъ людей ненадежныхъ, повѣрившихъ ему на-слово и вовсе не стойкихъ, легко переходящихъ въ болѣе умѣренный лагерь, а нерѣдко и къ его противникамъ, сторонникамъ т. наз. „трезвой мысли“. Приходится сдѣлать и другое наблюденіе. Вѣдь то была эпоха линянья, по выраженію того же Герцена, а „эпоха линянья самая трудная; новая шкура едва показывается, а старая окостенѣла, какъ у носорога—тамъ трещина, тутъ трещина, но en gros она держится крѣпко и приросла глубоко. Это положеніе двухъ шкуръ необычайно тяжело. Все сильное страдаетъ, все слабое выбивавшееся на поверхность портится; процессъ обновленія идетъ рядомъ съ процессомъ гніенія, и который возьметъ верхъ—неизвѣстно“.

Тотъ недостатокъ, который Добролюбову часто ставился на счетъ — его малая опытность, его молодая горячность — быстро смѣнялись зрѣлостью сужденій о дѣйствительной жизни, надежды утрачивали колоритъ зеленой мечты. Рано умеръ Добролюбовъ, умеръ, когда отъ него можно было ждать многолѣтней работы. Его почитателямъ, пережившимъ послѣдую-

щія событія, приходилось не разъ сожалѣть, что среди сумятицы мнѣній не слышно разумнаго и искренняго голоса Добролюбова.

Выработка убѣжденій, годныхъ для новой жизни, затягивалась, потому что и наступленіе новой жизни задерживалось. Ожиданіе, что съ улучшеніемъ общественныхъ учрежденій и люди станутъ лучше, нравственнѣе, не подтверждалось и не опровергалось, потому что правящія сферы вскорѣ же начали урѣзывать реформы, ими же введенныя.

„Уже въ самые годы дарованія реформъ, и тѣмъ болѣе въ годы, за ними слѣдовавшіе, стало ясно, что реформы отчислены въ разрядъ явленій очень опасныхъ, дѣйствіе которыхъ подлежитъ строжайшему контролю и послѣдовательнымъ ограниченіямъ“ [1]).

Настроеніе же общества было таково, что стремленіе расширить реформы и послѣ указанныхъ мѣръ не ослабѣло, а только увлекло нѣкоторую часть общества на иной путь: путь нелегальной литературы, хожденія въ народъ, террора и проч.

И „масса ума, таланта, труда и энергіи ушла на междоусобную гражданскую войну вмѣсто того, чтобы уйти на согласное строительство“ [2]).

Что касается того вопроса о „человѣкѣ“, которому мы посвятили настоящій очеркъ, то судьба его стала весьма печальной съ переходомъ отъ дружной совмѣстной работы правительства съ обществомъ—къ гражданской войнѣ. Стала обиднѣе чувствоваться опека одной стороны, строже стала критика съ другой стороны. Забылись слова Пирогова: „борись, но не враждуй“.

Шестидесятые годы составляютъ яркую страницу въ исторіи русской общественной мысли. Люди были полны надеждъ и упованій, и оттого и работа ихъ была интенсивной. Ярки были принципы, ярки были и увлеченія и крайности. Послѣднія, частью благодаря житейскимъ урокамъ, частью благодаря работѣ литературы съ теченіемъ времени утратили свою остроту. Съ уродливостями мысли, съ извращеніями и логики и чувства мы и теперь встрѣчаемся, но никто не ста-

---

[1]) Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Н. Котляревскій. „Вѣстн. Евр.“ 1910, № 8, стр. 192.

[2]) Idem. Стр. 193.

витъ ихъ на счетъ 60-хъ годовъ; они дѣти другихъ родителей. Но мысль наша безпрестанно обращается къ этимъ 60-мъ годамъ, когда приходится вести рѣчь о такихъ принципахъ, какъ „человѣкъ“ и „человѣческое достоинство“, уваженіе „личности“, уваженіе чужихъ убѣжденій и вѣрованій. Жизнь принесла много разочарованій, заставила отказаться отъ многихъ надеждъ, но она не могла вытравить въ людяхъ „съ претензіей на умъ и чувство“ чутья твердо различающаго, гдѣ правда и справедливость. Многое, къ чему люди питали уваженіе въ дореформенную эпоху, утратило въ ихъ глазахъ авторитетъ, когда они увидѣли, что оно ушло на борьбу съ тѣмъ, что всего дороже человѣку,—съ человѣческимъ достоинствомъ. И чѣмъ рѣзче противорѣчила жизнь ихъ идеаламъ, тѣмъ дороже для нихъ становились самые идеалы. Пусть приходилось признать ихъ недостижимыми въ данный историческій моментъ, люди съ трезвымъ идеализмомъ все же хранили вѣру въ лучшее будущее, которое снова пробудитъ въ насъ стремленіе къ идеалу „человѣка“.

IV.

Н. А. Добролюбовъ едва ли не ранѣе всѣхъ откликнулся въ печати на статью Н. И. Пирогова [1]); и, какъ публицистъ, онъ прежде всего и оцѣнилъ ее съ этой точки зрѣнія. „Статья Пирогова, говоритъ онъ, поразила всѣхъ—и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса“ (I, 198) [2]). Самъ ведшій борьбу съ рутиной, Добролюбовъ съ особымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ, что Пироговъ „вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ“ (199).

---

[1]) Раньше была напечатана замѣтка Н. Г. Чернышевскаго.

[2]) Ссылки на сочиненія Н. А. Добролюбова, т. I, изд. 1871 г.

Подробнѣе Добролюбовъ остановился на томъ недостаткѣ общественнаго строя, вліяніе котораго чувствовалось и въ школѣ, и въ жизни, подрывая самую возможность истинно моральнаго воспитанія. Это—требованіе безусловнаго повиновенія учащихся—наставникамъ, какъ взрослыхъ—властямъ. Добролюбовъ признаетъ, что Пироговъ „указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои положенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла, преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка“ (201). Добролюбовъ останавливается на такъ формулированной имъ мысли Пирогова и доказываетъ, что безусловное повиновеніе не воспитываетъ ни совѣсти, ни воли; въ душѣ воспитанника мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету. „Нельзя не пожалѣть мальчика, говоритъ Добролюбовъ (II, 316), въ которомъ убиты всѣ молодые порывы, всякое свободное чувство, всякое человѣческое чувство своихъ правъ, своего достоинства, всякая надежда на себя, и въ которомъ все это замѣнено малодушнымъ робкимъ страхомъ передъ мнѣніемъ своего учителя, желаніемъ получить баллъ повыше и похвастаться своею исполнительностью и скромностью“. Понятно, что вступающіе въ жизнь съ такимъ багажемъ молодые люди не выдерживаютъ того испытанія, о которомъ говоритъ Пироговъ, и легко отдаются теченію, какое застаютъ въ обществѣ. А, между тѣмъ, жизнь того времени питала надежды на обновленіе общества и рождала мысль, которая въ подобныхъ же обстоятельствахъ рождалась у Руссо, Канта и др., мысль объ измѣнчивости жизненныхъ условій, о необходимости стоять на своихъ ногахъ, чтобы сумѣть и быть въ силахъ приспособляться къ новой жизни. „Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, замѣчаетъ Добролюбовъ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель“ (203).

Добролюбовъ предвидитъ, что читатель напомнитъ ему, что „вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбѣжно и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что при дурныхъ сторонахъ оно имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныя въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно

подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человѣка на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человѣчествомъ“ (204). Добролюбовъ отвѣчаетъ на это, что никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины, и онъ ратуетъ только за замѣну безусловнаго повиновенія разумнымъ. „Всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка“; воспитатели должны питать „уваженіе къ человѣческой природѣ и стараться о развитіи, а не о подавленіи внутренняго человѣка“. Они обязаны „сообщить дитяти сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ“, познанія должны пріобрѣтаться аналитическимъ путемъ. Воспитатель „предоставляетъ ребенку свободное, нормальное развитіе, стараясь внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды. Исполнить это трудно, но не невозможно“ (218). Для такого рода воздѣйствія у ребенка есть на лицо всѣ данныя, всѣ способности.

Все приведенное въ послѣднихъ строкахъ касается метода воспитанія, но не содержанія сообщаемыхъ моральныхъ идей; относительно послѣдняго Добролюбовъ ограничивается общимъ указаніемъ—уваженія къ добру и правдѣ. Что разумѣлъ подъ этимъ Добролюбовъ, мы можемъ судить по его статьямъ, но къ чему придетъ молодежь при самостоятельной выработкѣ убѣжденій, этого предугадать нельзя. Добролюбовъ полагаетъ, что это ихъ дѣло, а не наше, и онъ твердо настаиваетъ на этой самостоятельности, именно потому, что при ней-то и выработаются свои взгляды.

По нашему мнѣнію, въ этой статьѣ Добролюбовъ взялъ только одно изъ условій, необходимыхъ для образованія „человѣка“, и не исчерпалъ всего вопроса, поднятаго Пироговымъ. Выражаясь языкомъ логики, онъ взялъ условіе необходимое, но нельзя сказать—и достаточное. Несомнѣнно, что при желаніи содѣйствовать образованію „человѣка“ необхо-

димо устранить безусловный, такъ сказать, властный авторитетъ, но вѣдь возможность самостоятельнаго развитія еще не гарантируетъ, что это развитіе приведетъ субъекта къ человѣческому, а не къ звѣриному образу. Пожеланія Пирогова въ этомъ отношеніи опредѣленнѣе. Вмѣстѣ съ устраненіемъ гнета онъ желалъ бы, чтобы молодежь самостоятельно, самою жизнью была приведена къ убѣжденію въ необходимости работать надъ собою въ цѣляхъ достиженія идеала, и не какого-нибудь, а опредѣленнаго—человѣка съ божьей искрой въ душѣ. Можно не соглашаться съ Пироговымъ, спорить съ нимъ, потому что онъ высказался, но мысль его ясна. Возражать противъ сознательнаго послушанія и самостоятельнаго развитія, защищаемаго Добролюбовымъ, не приходится, но недоумѣвать можно, сколько угодно. О нихъ намъ придется сказать два слова нѣсколько позже.

Со статьею объ авторитетѣ, кажется, вышло серьезное недоразумѣніе, касающееся самой идеи ея.

Впослѣдствіи не разъ высказывалось мнѣніе, что уже въ этой статьѣ о Пироговѣ, въ которой Добролюбовъ далъ высокую оцѣнку его мыслямъ, его независимымъ убѣжденіямъ, онъ въ то же время обнаружилъ рѣшительное несогласіе съ нимъ по одному изъ коренныхъ вопросовъ воспитанія—объ авторитетахъ. Добролюбовъ высказался будто бы противъ авторитетовъ, тогда какъ Пироговъ признавалъ необходимость ихъ. Это не совсѣмъ такъ. Кромѣ того, что сказано Добролюбовымъ въ самой статьѣ, гдѣ говорится не столько объ авторитетѣ, сколько о безусловномъ повиновеніи, и въ автобіографіи онъ упоминаетъ только о „гордомъ вызовѣ *ложнымъ* авторитетамъ“. И, конечно, Добролюбовъ не могъ не понимать, что власть и авторитетъ не одно и то же, какъ, съ другой стороны, каждый понимаетъ, что авторитеты бываютъ разные: и заслуженные, и ложные. Къ мнѣнію авторитетныхъ представителей науки прислушиваются, оказываютъ имъ особое вниманіе, но отъ нихъ требуютъ доказательности, ихъ провѣряютъ и критикуютъ. Авторитетъ остается авторитетомъ и тогда, когда съ нимъ спорятъ, признаютъ его ошибки; онъ не идолъ, не кумиръ. То же и въ толкованіи житейскихъ явленій. Власть же не излагаетъ своихъ мнѣній, не совѣ-

туетъ, а приказываетъ, требуетъ исполненія, караетъ за непослушаніе.

Во всякомъ случаѣ — ст. объ авторитетѣ въ воспитаніи была признана дѣльною и разумною. Въ то время на педагогическихъ совѣщаніяхъ въ разныхъ школахъ уже дебатировались вопросы о школьной дисциплинѣ, наказаніяхъ, авторитетѣ наставниковъ и пр. и тѣ многіе практики-педагоги, которые не были знакомы съ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ въ иностранной педагогической литературѣ, прочли статью Добролюбова съ несомнѣнною пользою для себя. Но именно у людей, непосредственно знакомыхъ съ практикою дѣла, статья Добролюбова возбудила рядъ вопросовъ. Онъ утверждаетъ, что *всѣ* мѣры воспитанія должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть *вполнѣ* и *ясно* оправданы въ собственномъ сознаніи *ребенка*. Такъ ли это? Примѣнимо ли это только къ семьѣ или и къ школѣ, хотя бы послѣдняя была пятисотеннаго состава? О какого возраста дѣтяхъ говорилъ Добролюбовъ? Всѣ ли мѣры можно вполнѣ и ясно мотивировать ребенку? Упраздняется ли вовсе власть изъ школьнаго обихода? И т. д., и т. д. Практика, особенно въ небольшихъ частныхъ школахъ, въ то время, уже стремилась сдѣлать подчиненіе учащихся порядкамъ и привиламъ школы сознательнымъ, но видѣла, что провести это послѣдовательно не удается. Дѣло въ томъ, что въ школѣ встрѣчаются вопросы и дисциплинарные, и воспитательные; въ этихъ вторыхъ особенно желательно держаться рекомендуемаго Добролюбовымъ принципа. Примѣненіе же его къ школьной дисциплинѣ и трудно, и спорно, особенно, когда онъ высказанъ лишь въ общей формѣ. Въ многообразныхъ случаяхъ, встрѣчающихся въ практикѣ, серьезное значеніе имѣетъ индивидуальность и наставника, и питомца.

Самъ Добролюбовъ объяснялъ, что писалъ свою статью безъ малѣйшаго намѣренія полемизировать съ Пироговымъ. Онъ просто говоритъ, что имѣлъ въ виду разъяснить, „какимъ именно образомъ убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ немъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными“. „Этого, замѣчаетъ онъ, Пироговъ не разбираетъ подробно, а предоставляетъ только угадывать“.

Но если Добролюбовъ явно не обнаружилъ въ статьяхъ своего несогласія съ Пироговымъ о значеніи авторитета, то вѣдь могло быть, что въ мысляхъ своихъ онъ имѣлъ что сказать противъ Пирогова.

Были же основанія, по которымъ читатели приходили къ заключенію, что Пироговъ упоминалъ о необходимыхъ на землѣ авторитетахъ, а Добролюбовъ показывалъ въ своей статьѣ о вредѣ авторитетовъ, и А. М. Скабичевскій даже указывалъ, какіе авторитеты могли особенно тревожить Добролюбова. „Пироговъ, говоритъ онъ, разумѣлъ подчиненіе человѣка такимъ отвлеченнымъ, заоблачнымъ принципамъ, изъ которыхъ непосредственно вытекаетъ подчиненіе авторитету. Добролюбовъ же въ слѣпомъ подчиненіи авторитету полагалъ главную причину убійства въ дѣтяхъ внутренняго человѣка“.

Мы вполнѣ понимаемъ, что въ вопросѣ о значеніи религіи какъ въ жизни, такъ и въ нравственномъ воспитаніи, между Пироговымъ и Добролюбовымъ могло быть крупное разногласіе. Это разногласіе могло бы привести къ тому, что у каждаго изъ этихъ двухъ лицъ сложилась своя теорія воспитанія. И если справедливо, что Добролюбову рисовалось уже тогда воспитаніе, устраняющее религію, то приходится очень пожалѣть, что цензурныя условія и рановременная смерть помѣшали ему высказаться опредѣленно. Было бы интересно разобраться въ томъ, въ чемъ выражаются религіозныя вліянія на обиходѣ школьнаго устройства: на дисциплинѣ, наказаніяхъ, или на чемъ другомъ, предполагается ли при этомъ, что и учитель исторіи выбрасываетъ изъ курса религіозныя движенія, игравшія такую крупную роль въ судьбахъ народовъ, или сообщаетъ о нихъ учащимся съ безпристрастіемъ историка, не обнаруживая въ сужденіяхъ о нихъ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

А. Скабичевскій, отмѣчая появленіе въ печати статьи Добролюбова, идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что она выражаетъ не разногласіе въ рѣшеніи одного частнаго, хотя и важнаго вопроса, а нѣчто большее. „Статья Пирогова, гово-

---

[1]) Участіе Н. А. Добролюбова въ педаг. движеніи 60-хъ годовъ. Ст. А. Скабичевскаго. „Вѣстникъ Воспитанія“, 1896, VI.

ритъ онъ, послужила Добролюбову лишь точкой отправленія для изложенія своихъ собственныхъ взглядовъ на воспитаніе, родившихся въ немъ по прочтеніи статьи знаменитаго хирурга“, и что статья эта „послужила еще въ большей степени программой всѣхъ взглядовъ людей 60-хъ годовъ на воспитаніе и всѣхъ послѣдовавшихъ педагогическихъ преобразованій, чѣмъ статья Пирогова“. Это послѣднее замѣчаніе въ значительной мѣрѣ справедливо, но, конечно, относительно не того поколѣнія, которое производило „преобразованія“, а тогдашней молодежи, притомъ, независимо какихъ-либо преимуществъ одной статьи передъ другою, а потому что „Современникъ“ для массы читателей былъ доступнѣе „Морского Сборника“, который былъ очень мало распространенъ въ публикѣ. О статьѣ Пирогова нѣкоторые только и узнали изъ статьи о ней Добролюбова.

Нельзя говорить о педагогическихъ взглядахъ Добролюбова, какъ о чемъ-то цѣльномъ, такъ какъ матерьяловъ для этого нѣтъ. Составить понятіе о нихъ по нѣкоторымъ рецензіямъ значитъ пойти ощупью, вступить въ область догадокъ. Да у насъ нѣтъ и основаній ожидать отъ Добролюбова какого нибудь цѣльнаго педагогическаго міровоззрѣнія, чего-нибудь вродѣ системы. У него была своя крупная роль въ общей литературѣ, и въ качествѣ дѣятеля таковой онъ могъ высказать только общую мысль о чувствуемой обществомъ потребности въ работникахъ мыслящихъ самостоятельно, а не по указкѣ авторитетовъ, и поставить сообразно этому задачу школѣ, а какими средствами дѣятели школы, признавшіе эту задачу, выполнятъ ее, это уже дѣло спеціально педагогической литературы. Добролюбовъ педагогомъ не былъ; онъ, какъ и всѣ мы, былъ автодидактъ; практика же у него была необширна, да и журнальная работа по болѣе близкимъ ему вопросамъ едва ли давала ему время глубже вникнуть въ наше дѣло.

Необходимо обратить вниманіе на то, что въ то время, когда Добролюбовъ писалъ объ авторитетѣ и велъ полемику съ Пироговымъ, въ его настроеніи, какъ видно изъ его

---

[1]) А. М. Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества. „Отеч. Зап.“, т. CCII, стр. 407; и т. CCI, стр. 394.

Дневника и писемъ, проглядывала вѣра въ свои молодыя силы и нѣсколько по юношески преувеличенная оцѣнка ихъ. „Мы, пишетъ онъ (1859 г.), еще чисты, свѣжи и молоды, силъ въ насъ много; впереди еще двѣ трети жизни... мы можемъ *овладѣть настоящимъ* и удержать за собою будущее“. Когда ему показалось, что онъ готовъ влюбиться, онъ записалъ (1857): „а я, дурачокъ, думалъ въ своей *педагогической* и метафизической *отвлеченности*, въ своей *книжной сосредоточенности*, что уже пережилъ свои желанія и разлюбилъ свои мечты“.

„Вопросы о судьбѣ нашей родины поглощали всѣ наши мысли и чувства, пишетъ Сциборскій, товарищъ Добролюбова по Педагогическому Институту. Надъ нами еще не тяготѣло сознаніе своего безсилія въ борьбѣ за честныя убѣжденія; мы вѣрили, что наше вступленіе на поприще общественной дѣятельности ознаменуется переворотомъ, который поведетъ общество по пути разумному; мы думали, что наскажемъ міру много-много новыхъ истинъ, выработанныхъ нами въ тѣсномъ кружкѣ институтскомъ“.

Это признаніе самимъ Добролюбовымъ своей книжной сосредоточенности и педагогической отвлеченности намъ кажется весьма цѣннымъ. Несомнѣнно Добролюбовъ обладалъ эрудиціей и талантомъ, педагогическія мысли его разумны, но онъ не могъ связать ихъ съ практикою, потому что ея у него не было, не могъ указать, какъ осуществить ихъ въ жизни. По выраженію одной статьи онъ „сѣялъ сѣмена“ [1]); а взращивать ихъ, прибавимъ отъ себя, приходилось другимъ.

Добролюбовъ написалъ весьма немного статей на педагогическія темы. Главныя темы давалъ ему Пироговъ, о которомъ онъ писалъ нѣсколько разъ; въ остальныхъ случаяхъ это были рецензіи книгъ, отчетовъ и т. п. Силы свои Добролюбовъ, внѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, посвящалъ критико-публицистическимъ статьямъ. Его мѣсто, и почетное мѣсто — въ исторіи русской литературы, русской критики. Его критическія статьи несомнѣнно оказывали на его читателей-педагоговъ весьма значительное и хорошее вліяніе,

---

[1]) Ст. Бродскаго, „Вѣстникъ Воспитанія“, ноябрь, 1911.

рождали мысли, примѣненіе которыхъ къ педагогической практикѣ было уже проявленіемъ ихъ личнаго творчества. Мы относимъ сюда такія статьи, какъ „Темное царство“, „Обломовщина“ и др. Вліяніе Добролюбова на практику воспитанія было не прямое, а посредственное. Въ его мысляхъ собственно о воспитаніи мы не видимъ ничего, чего онъ не говорилъ бы о взаимоотношеніяхъ взрослыхъ, которыхъ тогдашняя литература тоже вѣдь воспитывала въ извѣстныхъ идеяхъ. Онъ одинако отстаиваетъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей, право и возможность самостоятельнаго развитія, вооружается противъ всякаго обезличенія и давленія на мысль, на убѣжденія и т. п.

„Насъ, писалъ Добролюбовъ, съ дѣтства наши кровные родные старались пріучить къ мысли о нашемъ ничтожествѣ, о нашей полной зависимости отъ взгляда учителя, гувернера и вообще всякаго высшаго по положенію начальства“ [1]).

Мы не видимъ основанія отводить Добролюбову такое крупное мѣсто въ педагогической литературѣ, на какое хотѣлъ поставить его Скабичевскій, что отнюдь не умаляетъ его значенія въ общей литературѣ 60-хъ годовъ. Намъ кажется вполнѣ возможнымъ примѣнить къ Добролюбову слова, сказанныя Ч. Вѣтринскимъ о Бѣлинскомъ: „Общая его роль несравненно важнѣе и значительнѣе мимоходомъ брошенныхъ указаній и мыслей спеціально-педагогическаго характера“ [2]). Надо только слова „мимоходомъ брошенныя“ замѣнить другими.

V.

Указавъ въ предыдущей главѣ разногласіе между Пироговымъ и Добролюбовымъ, мы рисуемъ его только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что одинъ имѣлъ такія-то религіозныя понятія, а другой—иныя. Особенно мало знаемъ мы о Добролюбовѣ. Повидимому, послѣ смерти отца и матери онъ совсѣмъ охладѣлъ къ религіи. По личнымъ воспоминаніямъ

---

[1]) Соч. Изд. 1896, т. III, стр. 543.
[2]) „Русская Школа“, 1911, № 7—8, стр. 209.

и по свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ писавшихъ о томъ времени лицъ, религія, по крайней мѣрѣ внѣшнее выраженіе ея, совсѣмъ сошла со сцены, безъ нея обходились, ею въ извѣстныхъ кругахъ не интересовались. Это было замѣтно въ обществѣ, но, конечно, не въ школѣ.

Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, какъ высказались о религіозномъ воспитаніи Ушинскій, Стоюнинъ и др. Здѣсь мы имѣемъ въ виду лишь Пирогова и Добролюбова. Второй, какъ представитель молодого поколѣнія, могъ обходиться безъ религіи. Пироговъ, какъ человѣкъ зрѣлаго возраста, проведшій много лѣтъ въ кругу лицъ, гдѣ религія играла роль, считалъ возможнымъ опереться на религіозное чувство своихъ сверстниковъ, въ существованіи котораго у нихъ не имѣлъ основанія сомнѣваться. И намъ интересно выяснить себѣ религіозныя понятія этого передового представителя тогдашняго зрѣлаго поколѣнія, какъ потому, что онѣ сказались на его педагогическомъ идеалѣ, такъ и потому, что служили основаніемъ осужденія его системы.

Пироговъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ и съ полною искренностью всегда исповѣдывалъ свою вѣру. Свой идеалъ „человѣка“ онъ взялъ изъ евангелія. Ему поклонялся, ему служилъ. Изучая ученіе Пирогова, нельзя пройти мимо того, что давало содержаніе его мыслямъ и чувствамъ. Его моральныя и педагогическія идеи съ самаго начала были признаны разумными, а объ его религіозныхъ воззрѣніяхъ обыкновенно замалчиваютъ. Невольная дань уваженія къ уму и благородному характеру Пирогова побуждала часть его критиковъ не разоблачать его заблужденіе, а именно замалчивать [1]).

Признаніе авторитета Откровенія, говорилось, кладетъ запретъ на критическое отношеніе ко всему, о чемъ оно уже высказалось. Въ случаѣ противорѣчій между научно поставленными

---

[1]) Подкладка статьи „Вопросы жизни“, писалъ А. Скабичевскій въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы“, была совсѣмъ средневѣковая, аскетическая, и однако статьей восхищались“. „Ради напоминанія о „человѣкѣ“ не считали нужнымъ спорить съ самой философіей Пирогова“. Въ одной изъ статей послѣднихъ годовъ также было выражено сожалѣніе и недоумѣніе по поводу того, что такой сильный въ наукѣ человѣкъ, какъ Пироговъ, сослался не на послѣдніе научные выводы, а на Откровеніе.

фактами и утвержденіями священнаго писанія, истина должна быть признана за послѣдними. Это—мораль съ санкціей и обязательствомъ, противъ которыхъ протестуетъ самоопредѣляющійся духъ; мораль, не согласующаяся со стремленіемъ самого Пирогова жить и дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ и по совѣсти. Это, наконецъ, формы, обряды, обычаи, многое другое внѣшнее, что имѣетъ значеніе лишь для лицъ извѣстнаго настроенія.

Изучая Пирогова, мы не считаемъ возможнымъ пройти безъ вниманія его вѣрованія. Къ этому побуждаетъ насъ желаніе глубже вникнуть въ то, какъ понималъ „человѣка“ Пироговъ, его потребности, его психологію. Онъ говорилъ, что воспитаніе состоитъ во внутреннемъ психологическомъ процессѣ, и процессъ, совершившійся въ его собственной душѣ, долженъ представить живой интересъ.

Въ своемъ дневникѣ Пироговъ съ присущею ему искренностью говоритъ о пережитыхъ сомнѣніяхъ, о томъ, что онъ взялъ изъ Откровенія и сохранилъ на весь остатокъ жизни. Его переживанія—психологія живого человѣка.

Пироговъ прошелъ два пути: и отъ Откровенія къ невѣрію и отъ невѣрія къ Откровенію. Въ учебные годы онъ слушалъ, какъ всѣ мы, уроки Закона Божія, въ юности утратилъ вѣру и отвергъ безусловный авторитетъ священнаго писанія и церковной дисциплины. Жизнь, привычка наблюдать и мыслить надъ ея явленіями привели его къ тому, что онъ призналъ невозможнымъ жить изо дня въ день безъ идеала, освѣщающаго путь впередъ; а составивъ себѣ идеалъ, сталъ искать его олицетворенія и нашелъ послѣднее во Христѣ.

Санкція христовой морали, морали свободно выбраннаго имъ учителя, послужила ему лишь свидѣтельствомъ, что ученіе это представляетъ истину вѣчную, незыблемую.

Пироговъ росъ въ семьѣ набожной по старинному укладу. Всѣ церковные обряды и обычаи исполнялись неуклонно, не пропускались ни одна заутреня, всенощная и обѣдня въ праздничные дни. Вспоминая то время, Пироговъ говоритъ, что испытывалъ „самое искреннее и глубокое уваженіе ко всѣмъ таинствамъ вѣры и непритворное внѣшнее богопочитаніе“. Въ его понятіи Богъ, церковь, таинство, служители

церкви и обряды составляли нераздѣльное цѣлое и священное (162 [1]).

Прошли года, и набожность Пирогова рушилась. Самъ онъ такъ объясняетъ происшедшую въ немъ перемѣну. „Моя дѣтская вѣра была потрясена тѣмъ слабымъ знаніемъ, которое я пріобрѣлъ въ университетѣ. Яркій свѣтъ современной науки ослѣпилъ и вскружилъ голову ходившему прежде въ потемкахъ... Не мучимый никакими сомнѣніями и при моемъ обрядно-религіозномъ воспитаніи не имѣвшій даже почвы для сомнѣнія, я вдругъ выступилъ на поприще, требовавшее постоянной работы мысли. А все пріобрѣтенное умственнымъ анализомъ неминуемо проходитъ черезъ цѣлый рядъ сомнѣній... Знаніе, и тѣмъ болѣе научное, дѣлаетъ человѣка до того самонадѣяннымъ, что онъ, пріобрѣтая это знаніе, тотчасъ старается распространить его на всѣ области своей духовной жизни, отвергая, что между ними есть и нѣкоторыя, имѣющія мало общаго съ научнымъ, т.-е., пріобрѣтеннымъ путемъ анализа знаніемъ“ (399). „Люди, пріученные уже нѣсколько къ критическому анализу въ наукѣ,—высказываетъ онъ уже общее замѣчаніе,—переносятъ невольно это направленіе и на ученіе, основаніемъ которому служитъ вѣра, если это ученіе дѣлаютъ обязательнымъ“.

Пережитое въ этотъ періодъ жизни Пироговъ признаетъ „жестокимъ внутреннимъ погромомъ“, отъ котораго онъ горячо желалъ бы избавить молодежь послѣдующихъ поколѣній.

Переживъ погромъ и продолжая постоянно анализировать себя и окружающую жизнь, онъ все болѣе ощущалъ въ себѣ религіозныя потребности и сталъ искать ихъ удовлетворенія. Психологическія основы созданія современнымъ человѣкомъ своего рода естественной религіи представляютъ несомнѣнный интересъ.

Вѣра, по мнѣнію Пирогова, „такая психологическая способность человѣка, которая болѣе всѣхъ другихъ отличаетъ его отъ животныхъ“ (180). Животное обладаетъ многими способностями, одинаковыми съ нашими, обладаетъ и сознаніемъ, т.-е. ощущаетъ свое бытіе и свою индивидуальность;

---

[1]) Цифры въ скобкахъ послѣ цитатъ въ этой главѣ означаютъ страницы Сочиненій Пирогова, изд. 1910 г., т. II.

но „животное не сознаетъ, какъ мы, своего чувственнаго сознанія, и потому представленіе и понятіе его о своей индивидуальности не такъ ясны и отчетливы, какъ у насъ". „Это-то нашу способность сознавать, что мы сознаемъ себя, и нужно назвать самосознаніемъ". (180) Самосознаніе способно отвлекаться отъ чувственнаго сознанія, сосредоточиваться на самомъ себѣ, и тогда оно творитъ внѣчувственные идеалы. Въ этихъ то сверхъ-чувственныхъ идеалахъ и сказывается наша способность вѣровать въ ея высшемъ развитіи. Основой знанія служитъ сомнѣніе, основной вѣры—довѣріе къ избранному идеалу. Идеалъ, служащій основаніемъ вѣры, не допуская и тѣни сомнѣнія, становится выше всякаго знанія и помимо него стремится къ достиженію истины. (181).

Какой же идеалъ моей вѣры? задаетъ себѣ вопросъ Пироговъ.

Одно время существованіе Верховнаго Разума и Верховной Воли сдѣлалось для него такою же необходимостью, какъ его собственное существованіе (185). Но остановиться на этомъ пути для него не значило еще быть вѣрующимъ. У него была потребность въ идеалѣ болѣе человѣческомъ, болѣе близкомъ. „Входя все глубже и глубже въ себя, говоритъ онъ, во время разныхъ испытаній жизни, я понялъ, наконецъ, почему культурныя племена, дошедъ до извѣстной степени человѣчности, такъ нуждаются въ идеалѣ Богочеловѣка. Слабость тѣла и духа, болѣзнь, нужда, горе и бѣды считаются главными разсадниками вѣры... Но какъ ни сильны эти мотивы, не одинъ однакоже плачъ и скрежетъ зубовъ приводитъ насъ къ утѣшительному идеалу Богочеловѣка; и радость увлекаетъ насъ невольно къ этому же самому идеалу" (185).

Пироговъ не проповѣдуетъ, какъ и во что надо вѣрить, онъ просто разсказываетъ, какъ онъ самъ искалъ вѣры и во что увѣровалъ. Не разъ онъ указываетъ, какую роль играли въ его рѣшеніяхъ личные запросы и свойства. Рѣчь ведется объ его вѣрѣ, лично выработанной и вполнѣ индивидуальной. Въ своей вѣрѣ онъ нашелъ утѣшеніе и радость, испытавъ всю трудность исканія. Это онъ въ ней и цѣнитъ. Отсюда же и его терпимость къ тѣмъ, кто инако съ нимъ мыслитъ.

„Понятія—а потому и сужденія—наши объ отвлеченныхъ

предметахъ всегда будутъ различны, смотря по различной степени образованія и организаціи общества, въ которомъ мы живемъ. Поэтому, предоставимъ каждому представлять себѣ и вѣчное блаженство, и небесное царство, и вѣчное мученіе такъ, какъ убѣждаетъ его собственное самопознаніе. Пусть матеріальный человѣкъ, недошедшій еще черезъ отвлеченіе до отдѣленія вполнѣ своего вещественнаго быта отъ духовнаго, представляетъ себѣ рай въ видѣ сада, адъ—въ видѣ раскаленной печи. Образуйте его, изощрите его самопознаніе; но безъ этого не нарушайте его убѣжденій. Результаты ихъ такъ же утѣшительны, благодатны и высоки, какъ и результаты вашихъ отвлеченныхъ убѣжденій“ (I, 861).

Какъ человѣкъ съ притязаніемъ на умъ и чувство, Пироговъ не могъ оказаться „смиреннымъ поклонникомъ мертвой буквы“. (I, 57). „Сердце требуетъ только, говоритъ онъ, чтобы исполнена была заповѣдь; разумъ требуетъ, чтобы исполнилась не одна ея буква“. (I, 779). Идя отъ жизни ко Христу, онъ „въ Откровеніи—этой основной книгѣ нашего нравственнаго бытія“,—былъ пораженъ „идеаломъ жизни здѣшней, начертаннымъ то въ умилительной простотѣ, то подъ видомъ цвѣтистыхъ иносказаній и олицетворенномъ въ земной жизни и дѣлахъ Искупителя“ (I, 856). Онъ различаетъ въ Откровеніи то, что имѣло приложеніе къ тогдашнему обществу, отъ того, что останется вѣчнымъ для цѣлаго человѣчества, что составляетъ идеалъ, къ которому мы должны безпрестанно стремиться (I, 860). Онъ считаетъ большою ошибкою, что наши христіанскіе учители не различаютъ этого, а между тѣмъ въ этихъ-то божественно-идеальныхъ основахъ ученія Богочеловѣка вся сила. „Не надо забывать, что жизнеописанія Его, составленныя большею частью по преданіямъ и разсказамъ, не могли дойти до насъ въ первобытномъ видѣ. Несмотря на это, божественный идеалъ ученія ясно продолжаетъ свѣтить черезъ тьму вѣковъ. Эта-то самая свѣтлая и неприкосновенная сторона божественнаго ученія должна служить свѣточемъ вѣрующаго“ (II, 206). „Основному идеалу ученія Христа суждено быть неугасимымъ маякомъ на извѣстномъ пути нашего прогресса“ (II, 195). Что именно было дорого Пирогову въ ученіи Христовомъ прекрасно видно изъ сопоставленія двухъ слѣдующихъ мѣстъ

изъ его дневника. Самою главною и наиболѣе поясняющею духъ ученія Христова притчею Пироговъ считаетъ притчу о блудномъ сынѣ. „Только горячо любящее сердце отца могло поступить такъ; только всеобъемлющая любовь могла оправдать блудницу и распятаго разбойника“ (стр. 217). „Одно мнѣ кажется,—говоритъ онъ—несовмѣстнымъ съ духомъ ученія Христа, это догматизмъ и доктринерство“ (стр. 191).

Въ основѣ Богопочитанія лежитъ наша потребность въ идеалѣ и олицетвореніи его. Быть религіознымъ и видѣть въ заповѣдяхъ Христовыхъ нравственное руководство можно, только полюбивъ Христа, а это чувство не имѣетъ никакого отношенія къ обязательнымъ догматамъ и обрядамъ. Исповѣданіе вѣры и по слову Христову есть дѣло совѣсти. Пироговъ понималъ, что его міровоззрѣніе отлично отъ церковнаго и въ то же время признавалъ себя сыномъ господствующей церкви, считая несправедливымъ и противозаконнымъ покидать ея лоно. Онъ вѣрилъ, что и „церковь не захотѣла бы насиловать мою совѣсть, требуя отреченія отъ моихъ убѣжденій и вѣрованій, которыхъ я достигъ послѣ долговременной и лютой борьбы съ самимъ собою“ (II, 216). „Можно ли, спрашиваетъ онъ, оставаясь, такъ сказать, врожденнымъ членомъ государственной церкви, въ то же время придерживаться авторитета собственной совѣсти, подчиненной одному Всевидящему Оку?“ И отвѣчаетъ. „Вопросъ чисто индивидуальный, не научный, не юридическій, рѣшаемый не внѣ насъ, не людьми, даже не нами самими, а совѣстью, вѣрующею въ ея верховное начало—Бога“ (II, 220).

Пироговъ различаетъ вѣру отъ религіи.

„Вѣра—это чистое отвлеченіе души; тутъ нѣтъ мірскихъ задачъ. Вѣра необходима, какъ самая глубокая потребность души, индивидуально, для каждаго болѣе, чѣмъ для общества. Въ душѣ каждой человѣческой особи есть частичка не отъ міра сего, ищущая себѣ и духовной пищи; но какъ скоро изъ особей составляется общество, то его главнымъ raison d'être дѣлается уже: быть отъ міра сего“. Государственная церковь есть представительница государственной религіи. „Дѣло религіи—это поддержаніе и упроченіе общественныхъ связей посредствомъ духовно-нравственнаго начала“ (221).

По самому существу своего назначенія церковь органи-

зуется, опредѣляетъ, какъ и чему вѣрить, чтобы быть христіаниномъ, устанавливаетъ обязательные и принудительные догматы, обряды. Свобода совѣсти отходитъ на задній планъ. Многое, созданное государственною религіей, кажется Пирогову противнымъ духу ученія Христа. Но онъ помнитъ, что подъ эгидою христіанства въ теченіе 18 слишкомъ вѣковъ, творились и уничтоженіе рабства и невольничества, и снисхожденіе и милосердіе къ побѣжденному врагу, дѣла благотворительности и др. И это побуждаетъ Пирогова поневолѣ со многимъ помириться, признать, что такія, противорѣчащія ученію Христову установленія, какъ іерархизмъ, обрядность, догматизмъ и обязательность, можетъ быть, въ свое время и были необходимы, имѣли свои причины.

Не порывая связей съ церковью, Пироговъ въ то же время отстаивалъ свободу своей вѣры. Духъ ученія Христова былъ для него дороже буквы. Критикуя то, что создавали люди и приписывали къ обязательному исповѣданію, онъ въ то же время твердо охранялъ свое право имѣть свою вѣру, созерцать Божественнаго Учителя, стоявшаго передъ его духовными очами, какъ идеалъ вѣчной истины и вѣчной правды. Испытавъ муки сомнѣній и колебаній, недовѣрчивость къ себѣ и другимъ, испытавъ вдохновеніе, онъ чувствовалъ потребность сообщить другимъ, что свыше осѣнило его. Онъ пережилъ муки творчества, какъ художникъ, и свои мысли, свои созданные вдохновеніемъ образы внесъ въ свой Дневникъ.

Дневникъ Пирогова свидѣтельствуетъ, что для него вѣра—было дѣло въ высшей степени индивидуальное и интимное. Онъ свободно избралъ себѣ учителя, потому что передумалъ его поученія, и подчинился ему за совѣсть, по убѣжденію, а не изъ-за страха наказанія и не ища награды въ загробной жизни. Онъ пришелъ къ вѣрѣ путемъ внутренней работы, вызванной потребностью идеала и олицетворенія идеала. Его идеалъ олицетворился въ Богочеловѣкѣ, и въ дневникѣ онъ постоянно такъ и называетъ его, тогда какъ въ статьѣ, предназначенной для печати, онъ употреблялъ болѣе широкое понятіе откровенія. И это обстоятельство опять говоритъ о бережномъ отношеніи Пирогова къ людямъ и ихъ убѣжденіямъ. Онъ испыталъ радость имѣть вѣру и остерегался самъ и другихъ предостерегалъ колебать чьи бы то ни было вѣро-

ванія, хотя бы они заключались въ представленіи рая въ видѣ сада, а ада въ видѣ пекла.

Многихъ могла смущать вѣра Пирогова въ загробную жизнь, съ которою связано представленіе о страшномъ судѣ съ его послѣдствіями; этотъ судъ вызываетъ въ читателѣ мысль о томъ, что загробная-то жизнь и есть настоящая жизнь, а земная только испытательный періодъ. По взгляду Пирогова земная жизнь есть во всякомъ случаѣ настоящая жизнь, довлѣющая сама себѣ, налагающая на человѣка общественныя и иныя обязанности.

Разность этихъ двухъ воззрѣній на земную и загробную жизнь имѣетъ большое значеніе. Одно выдвигаетъ жизнь и поведеніе по духу Христова ученія, а остальное къ нему „приложится“. Другое видитъ въ сутолокѣ жизни суету суетъ, многое въ ней оправдываетъ, допускаетъ, игнорируетъ и выдвигаетъ на первый планъ наши обязанности къ Богу, опредѣленныя церковью.

Въ томъ религіозномъ кризисѣ, который переживаетъ теперь чуть ли не вся Европа, слышится смущеніе передъ тѣмъ, что мы—христіане, а этого вовсе не видно въ нашей жизни; сказывается сильное желаніе въ Евангеліи найти указаніе, *какъ намъ жить здѣсь на землѣ*, а вмѣстѣ и уменьшеніе интереса ко всему обрядовому, къ разрѣшенію тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ—о Богѣ, о загробной жизни, разрѣшеніе которыхъ указывается въ догматахъ, установленныхъ церковью. Пироговъ обнаруживалъ полную терпимость, признавая въ религіозныхъ воззрѣніяхъ большую долю субъектив-

ности.

Вотъ почему, какъ намъ кажется, въ мысли Пирогова, что воспитаніе должно ставить передъ молодежью идеалъ человѣка съ прочными убѣжденіями въ духѣ Откровенія, относятся равно сочувственно люди разныхъ воззрѣній. И тѣ, что требуютъ морали обязательной, вслѣдствіе санкціи ея, и тѣ, что утомлены, разочарованы смѣнами моральныхъ теченій и ищутъ принциповъ устойчивыхъ, вѣчныхъ, и тѣ, что вѣрятъ въ торжество правды, вырабатываемой общественной совѣстью. Всѣ эти люди могутъ остановиться на первой половинѣ тезиса Пирогова, не боясь впасть въ противорѣчіе съ нимъ, зная его терпимость къ субъективнымъ рѣшеніямъ во-

проса объ Откровеніи. Каждый, изучающій Пирогова въ его твореніяхъ и въ его дѣяніяхъ, воочію видитъ, что для него дороги были именно убѣжденія, не навязанныя, не внушенныя, не вычитанныя, а свои выработанныя, у каждаго свои, на какой бы ступени лѣстницы зрѣлости ни стояли эти убѣжденія, близко или далеко отъ правды, и что слова „въ духѣ Откровенія“ служили лишь указаніемъ направленія, въ какомъ человѣку свойственно искать правду. Пироговъ не призналъ бы руководящимъ принципомъ морали всеразрѣшающую борьбу за существованіе; онъ считалъ ее нужною, но какъ христіанинъ прибавлялъ: „борись, но не враждуй“. Та же увѣренность въ жизненной важности „своихъ“ убѣжденій привела его къ тому, что онъ являлся не столько моралистомъ-проповѣдникомъ, сколько учителемъ жизни самою жизнью. Эта же увѣренность сказалась и въ его указаніяхъ, чѣмъ мы можемъ помочь другимъ вырабатывать въ себѣ убѣжденія и человѣческое достоинство.

„Являясь настоящимъ учителемъ жизни въ своихъ рѣчахъ, статьяхъ и распоряженіяхъ, говоритъ А. Кони [1]), онъ постоянно поучалъ, что надо не только призывать молодежь знать, гдѣ пути правды, но и научать ее ходить по нимъ, указывая не только на пользу служенія нравственному долгу, но и на красоту послѣдняго“.

Сказавъ, что нравственныя убѣжденія человѣка выражаются въ христіанскомъ міровоззрѣніи, онъ внесъ въ свой идеалъ опредѣленность. Понятіе хорошаго, нравственнаго человѣка неминуемо носитъ на себѣ печать эпохи, національности, класса или сословія и можетъ быть очень разнообразно. Спросите нѣсколькихъ людей, что они разумѣютъ подъ понятіемъ хорошій человѣкъ, и каждый отвѣтитъ по своему. Для идеала это понятіе непригодно. Содержаніе его можетъ оказаться такого сорта, что, слѣдуя своему идеалу, человѣкъ окажется вреднымъ, тогда какъ Христовъ идеалъ говоритъ намъ о любви, доброжелательствѣ, взаимопомощи и т. п. Въ немъ нѣтъ мѣста ни узкому себялюбію, ни честолюбію, ни корысти, ни властности, ничему такому, что такъ отягчаетъ жизнь.

---

[1]) Пироговъ и школа жизни. Сборникъ ж. Школа и жизнь. Стр. 22.

Но, скажутъ, если съ понятіемъ человѣка связывается представленіе христіанина, то, значитъ, нехристіанскіе народы — не люди. Въ отвѣтъ напомнимъ отношеніе Пирогова къ евреямъ. Вѣроятно, онъ каждому желалъ дойти до христіанскаго воззрѣнія на отношенія людей между собою и не могъ не замѣтить, что къ этому и идутъ люди, каждый по своему пути. На какомъ бы мѣстѣ этого пути ни стоялъ человѣкъ, Пироговъ относился съ полнымъ уваженіемъ къ его нравственнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ.

Еще болѣе полнымъ отвѣтомъ на поставленный выше вопросъ можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ письма Пирогова баронессѣ Э. Ф. Раденъ.

„Кто въ своей жизни почерпнулъ столь много утѣшенія въ христіанской вѣрѣ, какъ я,... тотъ не станетъ сомнѣваться, что если можно безпристрастно и самоотверженно любить что-нибудь въ мірѣ, то это, конечно, — Освободителя людей, дѣйствовавшаго такъ самоотверженно и такъ милосердно по отношенію къ міру. Нельзя также отрицать, что такая любовь, въ ея высшемъ проявленіи, можетъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ какое-либо другое человѣческое чувство, вести къ великимъ и благороднымъ дѣяніямъ. Равнымъ образомъ справедливо и то, что всѣ наши поступки, проистекающіе изъ другихъ душевныхъ явленій, чувствъ или воззрѣній, должны казаться ничтожными, даже нечистыми, въ сравненіи съ дѣяніями, имѣющими въ своемъ основаніи христіанскую любовь. Но даетъ ли это намъ право, и больше, чѣмъ право, оцѣнивать поступки другихъ людей въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно хорошими и истинными мы должны признавать только тѣ, которые основаны на чистой христіанской любви? Дастъ ли это намъ право не признавать хорошее и истинное въ поступкахъ иного происхожденія? Развѣ человѣческая душа не способна питать другія, глубокія и возвышенныя чувства? Развѣ развитіе и воспитаніе въ себѣ подобныхъ чувствъ столь тщетны, столь недостойны высокаго призванія человѣка въ мірѣ, что христіанская любовь одна только должна проникать все существо души? Я уважаю, я удивляюсь, я люблю всякаго, кто по милости Божіей нашелъ въ себѣ такъ много воспріимчивости, что могъ совершенно наполнить ее этою божественною любовію, но я опасаюсь про-

изнести свое окончательное сужденіе о причинѣ другихъ хорошихъ поступковъ людей. Я содрагаюсь при мысли о возможности быть несправедливымъ, еслибъ я долженъ былъ искать источника всѣхъ хорошихъ поступковъ лишь въ христіанской любви“ (I, 685).

И всматриваясь въ дѣйствительность, Пироговъ видитъ, что личная религія (или по его терминологіи — вѣра), не у него одного, что она общій удѣлъ. „Каждая особь — свой особенный, самъ въ себѣ заключенный міръ. Все въ немъ своеобразно. Въ каждомъ изъ этихъ міровъ есть свой Богъ, котораго полы, къ сожалѣнію, игнорируютъ, навязывая всѣмъ міркамъ своего. Есть и свое міровоззрѣніе, и свои интересы“ (Т. II, стр. 312).

Это мнѣніе Пирогова можетъ послужить объясненіемъ, почему мы ограничились немногимъ сказаннымъ объ его вѣрѣ, не гонясь за полнотою ея изложенія. Читатель Дневника самъ увидитъ, что Пироговъ не выдавалъ выраженныхъ въ немъ мнѣній за непреложную истину: съ одними читатель согласится, другія признаетъ не отвѣчающими его запросамъ или пониманію вещей. Оставляя въ сторонѣ многія частности вѣрованій Пирогова, хотя иныя изъ нихъ и весьма интересны, мы старались отобрать лишь то, что представляетъ общественный или педагогическій интересъ.

Наше вниманіе было особенно привлечено различеніемъ, которое дѣлалъ Пироговъ между религіею и вѣрою. Религія вытекаетъ изъ заботы церкви о спасеніи людей и воспитаніи ихъ въ такомъ духѣ, чтобы своею земною жизнью они заслужили „добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовѣ“. Она прежде всего средство массоваго воспитанія и, какъ таковое, кромѣ своего ученія, дѣйствующаго на сознаніе людей, пользуется для сужденія объ успѣхѣ этого ученія внѣшними, обрядовыми проявленіями лицъ, причисляющихъ себя къ данной церкви. Оттого рядомъ съ искренне преданными ей людьми встрѣчается такъ много лицемѣровъ, ханжей, играющихъ на благочестіи. Вѣра,—дѣло интимное, индивидуальное, исповѣдуемое вовсе не на показъ, а для себя, а потому такъ часто равнодушная къ заявленію себя внѣшнимъ проявленіемъ, видимымъ для другихъ. Она можетъ быть плодомъ церковнаго ученья, но можетъ быть результатомъ собственнаго углубленія

въ священныя книги, а также философскихъ занятій, настроеній, рожденныхъ художественною литературою, впечатлѣній жизни и природы. Оттого личныя вѣры такъ своеобразны, такъ стойки, такъ дороги человѣку. Вѣра, какъ и религія, не одна мораль, но и міропониманіе, представленіе смысла жизни, все то душевное достояніе, которое складывается только отчасти изъ научнаго знанія, а главнымъ образомъ изъ всего того, что входитъ въ наше сознаніе путями, ускользающими отъ точнаго наблюденія.

Это различіе не всѣми говорящими о вѣрѣ дѣлается, и часто шаблоны, принятые въ сужденіяхъ о религіи, примѣняются и къ вѣрѣ. Не избѣгъ общей участи и Пироговъ. Онъ говорилъ о будущей, загробной жизни, о томъ, что „Откровеніе приподняло таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: стремись сюда“, и ссылался на то, что этому учатъ на урокахъ Закона Божія. Значитъ, рѣшили, онъ проповѣдуетъ аскетизмъ, застращиваетъ загробными наказаніями. Очевидно, онъ и самъ только изъ страха осужденія на страшномъ судѣ поучаетъ жить христіанскою жизнью. Въ свое время это смѣлое заявленіе Пироговымъ своихъ вѣрованій не вызвало реплики, но позже одинъ изъ второстепенныхъ представителей литературы, А. М. Скабичевскій, протретировалъ Пирогова, какъ человѣка отсталаго, именно за то, что онъ заговорилъ о вѣрѣ. Онъ осуждался за то, что не съумѣлъ оцѣнить значенія позитивизма, не понялъ, что за предѣлами опытнаго знанія—мракъ. Какъ дѣятель науки, Пироговъ былъ контистъ и долженъ былъ понимать, что только научныя знанія достовѣрны и что только на пріобрѣтеніе ихъ стоитъ тратить человѣческія силы, а онъ обратился въ кантиста и ушелъ въ отвлеченности. „Пироговъ, писалъ А. Скабичевскій, хотя и отправляется отъ громкой фразы новаго чекана — развитія человѣка, — но въ то же время стоитъ на почвѣ средневѣковаго міросозерцанія; подъ развитіемъ человѣка онъ разумѣетъ вовсе не эмансипацію личности, эту дѣйствительно новую идею XIX вѣка, а напротивъ того— пригвожденіе личности къ отвлеченному мертвому принципу во имя заоблачныхъ мечтаній“ [1]).

[1]) А. Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества. Глава 16.

Изъ древника Пирогова можно видѣть, что онъ признавалъ значеніе и позитивизма, и мистики, каждого на своемъ мѣстѣ, и сознательно, нисколько не смущаясь, былъ въ одной области знанія контистомъ, въ другой — кантистомъ. И позитивизмъ, и метафизика равно отвѣчаютъ потребностямъ духа человѣческаго, и когда первый отказывается дать отвѣты на его вопросы, человѣкъ обращается ко второму, и внушать ему, что онъ не долженъ выходить на этотъ путь, значитъ заглушать, урѣзать богатую природу человѣка, обрекая часть интересующихъ его вопросовъ на безотвѣтность. Въ противоположность мнѣнію, что громадные пріобрѣтенія позитивнаго метода свидѣтельствуютъ о рѣшительной побѣдѣ его надъ метафизикою, Пироговъ высказывался, что въ исторіи человѣческой мысли замѣчается чередованье этихъ двухъ направленій, при чемъ то одно, то другое занимаетъ господствующее мѣсто въ умахъ человѣческихъ, при чемъ никогда ни то, ни другое не замираетъ совершенно [1]). Пироговъ имѣлъ право указать на то, что онъ много поработалъ для умноженія позитивныхъ методовъ, добылъ много точныхъ знаній, пользуясь ими при своихъ изслѣдованіяхъ, но это нисколько не заглушило въ немъ потребности найти идеалъ, не искоренило его исканій рѣшенія вопросовъ загробной жизни.

Онъ и не пытался гнать отъ себя этихъ вопросовъ, хотя и понималъ, какого рода цѣнность имѣютъ отвѣты въ этой области исканій человѣческихъ.

Онъ, конечно, вполнѣ различалъ выводы своей вѣры отъ научныхъ или даже просто житейскихъ выводовъ. Про свои религіозныя воззрѣнія онъ такъ и говоритъ: это не убѣжденія, а вѣра. Увѣренность въ созданномъ вѣрою зиждется не на опытной провѣркѣ, не на логикѣ, а на способности психическаго процесса, создающаго вѣру, оставлять по себѣ такіе глубокіе слѣды, что они не легко стираются. И тѣмъ не менѣе Пироговъ замѣчалъ на себѣ, что умъ со своими критикою и анализомъ порою и у него добирался до казалось уже утвердившихся въ его сознаніи представленій и расшатывалъ ихъ. Несмотря на то, что вѣрѣ далеко до ясности и точ-

---

[1]) Сочиненія Н. И. Пирогова. Изд. 1910 г., т. II, стр. 43 и слѣд.

ности научнаго знанія, Пироговъ не бросалъ попытокъ разгадать тайны бытія, искалъ, упорно искалъ, потому что не могъ удовлетвориться однимъ научнымъ знаніемъ и заглушить въ себѣ потребность иныхъ познаній. Истина, справедливо писалъ Михайловскій, есть удовлетвореніе только познавательной способности человѣка, и думать, что она способна удовлетворить всѣ потребности, такъ же неосновательно, какъ думать, что мозгъ способенъ исполнить всѣ отправленія животнаго организма".

Даже и въ тотъ, сравнительно короткій промежутокъ времени, который пережитъ нашимъ обществомъ послѣ Пирогова, сколько разъ мѣнялось его настроеніе, и послѣ равнодушія къ вѣрѣ вновь возгоралась потребность найти рѣшенія совсѣмъ непозитивныхъ вопросовъ. Безплодно ставить человѣку границу, за которую не должно переходить его желаніе познать міръ, разъ у него есть потребность постичь не только видимое, но и невидимое.

„Разъ, говоритъ Пироговъ, хотя бы часть людей отдается рѣшенію отвлеченныхъ метафизическихъ вопросовъ— это говоритъ о томъ, что потребность въ этомъ есть. Выключая эти вопросы изъ области научнаго познанія, позитивизмъ не можетъ заглушить запросы на ихъ рѣшеніе, рождающіеся въ умѣ человѣка".

Въ этомъ отношеніи Пироговъ широко ставилъ право человѣка, предоставляя ему самому рѣшать, устремлять ли свой испытующій взоръ только до предѣла видимаго мира или и за предѣлъ.

Но намъ напоминаютъ о средневѣковьѣ, о фанатизмѣ и преслѣдованіи еретиковъ, о кострахъ, или въ лучшемъ случаѣ о запугиваніи муками ада, аскетизмѣ, объ обезсиленіи разума вмѣсто эмансипаціи личности. Какъ-то странно слышать подобныя напоминанія по поводу завѣтовъ Пирогова. Смѣлое слово его такой силы и твердости, какой давно не было слышно на Руси, не говоритъ о приниженности духа, связаннаго догмами, „пригвожденнаго къ мертвому принципу во имя заоблачныхъ мечтаній". Не привелъ этотъ принципъ и къ аскетизму этого борца за человѣческое достоинство, этого гражданина родной земли, всю жизнь свою служившаго родинѣ. И средневѣковье, и аскетизмъ все это было, кое-что

есть и теперь, но все это вырастаетъ только тогда, когда сѣмя вѣры сѣется на почвѣ, неспособной взростить ничего, кромѣ злобы и жестокости. Вѣра — напомнимъ еще разъ — есть познаніе индивидуальное, интимное и, какъ таковое, вырабатывается для личнаго употребленія, для самоусовершенствованія, если хотите—для личнаго спасенія. Если моя вѣра даетъ мнѣ радость, умиротворяетъ мою мятущуюся душу, то, понятно, я буду желать, чтобъ и другіе дошли до тѣхъ же вѣрованій и въ нихъ обрѣли счастье и успокоеніе. Въ средневѣковье вѣра вырождается только тогда, когда вѣрующій, вмѣсто спасенія себя, начинаетъ заботиться о спасеніи другихъ, принимаетъ на себя отвѣтственность за чужія души и за невозможностью овладѣть этими чужими душами силою своего слова и искренностью убѣжденія, честолюбиво захватываетъ власть и, забывъ о милосердомъ Богѣ, преслѣдуетъ, грозитъ, караетъ. Тутъ почва гордости и самообмана. На тѣхъ страницахъ, гдѣ Пироговъ описываетъ свои колебанія и сомнѣнія, видно, что его вѣра взросла на иной почвѣ. Это почва — служеніе людямъ, желаніе осмыслить свою жизнь, выработка идеала, олицетвореніе его. И желаніе его послужить и въ этомъ отношеніи на пользу людей-братьевъ, вызвало въ немъ обращеніе къ нимъ: ищи быть и будь человѣкомъ. Не плыви по теченію съ тою толпою, куда втолкнетъ тебя судьба, постарайся придать смыслъ своей жизни, вырабатывай свои убѣжденія, не сдавайся, когда потокъ жизни потянетъ тебя въ сторону, борись, но не враждуй, помня, что ты — „человѣкъ“. Пусть царство братской любви мыслимо только въ идеалѣ, пусть это будетъ заоблачною мечтою, но если въ душѣ твоей шевельнется потребность побыть хоть порой въ этой области сказокъ и легендъ, не отвращивайся отъ нея. „Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ“.

Вѣрованія Пирогова, какъ и вѣрованія всякаго другого человѣка, составляютъ его личное достояніе и никакому суду не подлежатъ. Иное дѣло, какъ они проявляются въ его общественной дѣятельности, какъ отражаются на другихъ людяхъ.

Интересъ Пирогова къ „отвлеченнымъ, заоблачнымъ принципамъ“ не притуплялъ въ немъ интереса къ земнымъ усло-

віямъ существованія, къ общественной жизни. Онъ жилъ полною жизнью: и съ Богомъ, и съ людьми. Въ своей общественной дѣятельности онъ хотѣлъ оставаться христіаниномъ, отказываясь только отъ неосмысленнаго преклоненія передъ буквой писанія. Онъ хотѣлъ быть христіаниномъ по духу, внося этотъ духъ и въ общественныя отношенія между людьми. Принявъ должность Попечителя учебнаго округа, Пироговъ не сталъ ждать, когда люди проникнутся христіанскими убѣжденіями, не сталъ проповѣдывать слова Божія среди молодежи, по личному опыту зная, что она бродитъ и, когда перебродитъ, сама задумается надъ многимъ, чему поклонялась и что сжигала. Онъ обратилъ свое вниманіе на установленіе болѣе плодотворныхъ условій работы учащихъ и учащихся: на развитіе коллегіальнаго начала въ комитетахъ, на уничтоженіе произвола учителей, на литературныя бесѣды и проч. Все это не носитъ характера подготовленія къ загробной жизни, а говоритъ о желаніи Пирогова внушить людямъ потребность и привычку къ дружной, доброжелательной работѣ на землѣ. Помѣшало ли его христіанское настроеніе въ-чемъ либо въ его общественной дѣятельности?

Надо думать, въ осужденіяхъ Пирогова за его религіозность сыграло свою роль незнакомство съ его воззрѣніями во всей ихъ широтѣ. Опасенія, что религія сковываетъ и мысль и волю, казалось бы, должны были поколебаться въ судьяхъ, когда передъ ними стоялъ такой сильный умомъ и энергіею подсудимый, какимъ признавался Пироговъ. Изъ его Дневника мы узнали, что онъ различалъ личную *вѣру* отъ государственной *религіи*, признавалъ опасную сторону обязательныхъ догмъ и высоко цѣнилъ только благодатное просвѣщеніе человѣка Христовою вѣрою. Ему казались одинаково нежелательными и принужденіе исповѣдовать *религіозное ученіе* и запрещеніе проникать въ область *вѣры*. Онъ проповѣдывалъ религіозную терпимость, признавая, что вѣра можетъ дать человѣку радость общенія съ „воплощеннымъ Словомъ любви и мира“ (I, 65) и въ горести, и въ радости.

„Для меня главное въ христіанствѣ, писалъ Пироговъ, это недостижимая высота и освящающая душу чистота идеала вѣры; на немъ цѣлые вѣка тьмы, страстей и неистовствъ не оставили ни единаго пятна; кровь и грязь, которыми міръ не

разъ старался осквернить идеальную святость и чистоту христіанскаго ученія, стекали потоками назадъ на осквернителей". (II, 188).

Помимо этого личнаго недоразумѣнія относительно содержанія и характера вѣрованій Пирогова, религія, какъ факторъ общаго перевоспитанія общества и всего народа, могла дать результаты въ весьма отдаленномъ будущемъ, а наступающая эпоха реформъ требовала и убѣжденій, и работы съ завтрашняго же дня. Отдаленный идеалъ долженъ былъ уступить мѣсто идеалу, хотя бы и не столь совершенному, но выработанному уже общественными науками.

Какъ бы то ни было, передъ русскимъ обществомъ открывалось двѣ дороги: одну указывалъ ему Пироговъ, другую Добролюбовъ и его сотрудники по журналу. Пирогова и тогда признавали человѣкомъ крупнаго ума; на другой сторонѣ тоже стояли крупныя силы. Интеллигенція раздѣлилась: одни пошли за Пироговымъ, другіе за „Современникомъ" и за послѣднимъ пошли болѣе молодыя и энергичныя силы, а этимъ опредѣлилось ближайшее будущее литературнаго и общественнаго движенія. Это раздѣленіе силъ ослабило и ту, и другую сторону, тогда какъ онѣ могли бы работать дружно.

Изъ изложеннаго мы дѣлаемъ такой выводъ:

Общество можетъ считаться только съ проявленіями людей и обнаруживать полную терпимость къ происхожденію убѣжденій, опредѣляющихъ ихъ поведеніе. Былъ бы человѣкъ доброжелателенъ къ людямъ, добросовѣстно и охотно вносилъ бы свой вкладъ въ общественную работу, не все ли равно, какимъ путемъ онъ дошелъ до такого состоянія. Дала ли ему настроеніе религія и какая именно, убѣдилъ ли его ученый трактатъ объ этикѣ, научила ли его благопріятно сложившаяся жизнь,—не все ли равно? И говорить людямъ: иди такимъ путемъ, а не другимъ, ибо на этомъ послѣднемъ ты обреченъ утратить самостоятельность, волю, стать простою пѣшкою въ рукахъ лицъ, берущихся быть проводниками на этомъ пути,—говорить это съ увѣренностью едва ли можно. Внутренняя работа всегда субъективна и столько же зависитъ отъ силъ человѣка, сколько отъ духовной пищи, воспринимаемой имъ. Осторожнѣе совѣтовать: ищи истины, ищи

правды, ищи ее всюду, потому что частицы ихъ могутъ быть скрыты и тамъ, гдѣ мы видимъ обиліе заблужденій, которыхъ не избѣгали и мудрые люди, искавшіе истины. Ищи ихъ въ наукѣ и философіи, если онѣ тебѣ доступны, будь осторожнѣе, читая популярное изложеніе, если оно только тебѣ по силамъ, ищи въ творческихъ проявленіяхъ духа человѣческаго—въ религіозныхъ вѣрованіяхъ людей, въ литературѣ, искусствахъ. Словомъ, ищи всюду.

Соотвѣтственно этому и педагогу можно дать совѣтъ: учи жить жизнью человѣческою и пользуйся для этого и религіей, и наукой, и литературой, и добрымъ укладомъ школьной жизни. Избѣгай исключительности и помни, что въ натурѣ человѣка лежитъ богатый складъ всяческихъ возможностей. Для насъ, для облагороженія земной жизни важно, чтобъ человѣкъ полюбилъ „человѣка“, благоговѣйно отнесся къ искрѣ Божіей, тлѣющей въ душѣ его, не гасилъ ее, а помогалъ ей разгорѣться свѣтлымъ пламенемъ, а кто или что̀ поможетъ разгорѣться этой искрѣ—все равно.

„Развивать правильныя понятія научными знаніями, писалъ В. Я. Стоюнинъ [1]), какъ основу вѣрныхъ сужденій, и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней; пробуждать прекрасныя чувства, любовь и стремленіе ко всему прекрасному; доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни,—вотъ идеальныя черты истиннаго педагога“.

Этимъ опредѣляется учебный планъ общеобразовательной школы, гдѣ каждый учебный предметъ необходимъ для всесторонняго расцвѣта человѣческой личности и каждый же можетъ заронить въ молодую душу искру любви къ „человѣку“, къ творческимъ силамъ великихъ умовъ и талантовъ, къ горю обиженнаго судьбою „реальнаго человѣка“. Какая искра, откуда она—это уже зависитъ отъ индивидуальности и ученика, и учителя.

Для устроенія земной жизни самое важное—пробужденіе уваженія и любви къ „человѣку“, откуда бы оно ни исходило, чѣмъ бы ни мотивировалась, до какой степени ни разгоралось бы. Самъ христіанинъ, Пироговъ относился равно

---

[1]) Сочиненія, стр. 32.

доброжелательно и къ иновѣрцамъ, и къ людямъ сомнѣвающимся, ищущимъ, колеблющимся и вѣрилъ, что всѣ они придутъ къ „Свѣточу любви и правды“, ибо несутъ уже въ себѣ зародыши ихъ. Пироговъ много пережилъ и умѣлъ цѣнить самый крохотный ростокъ добра, оттого онъ и былъ такъ вѣротерпимъ. Онъ и намъ завѣщалъ такую же вѣротерпимость.

VI.

Въ основѣ всей механики лежитъ изслѣдованіе движенія въ безвоздушномъ пространствѣ точки, не имѣющей—ни вѣса, ни протяженія; эти данныя не реальны и допустимы только въ отвлеченіи. Постепенно въ условія движенія вводятся масса, среда, оказывающая сопротивленіе движенію, совмѣстное дѣйствіе силъ и т. д. Получается рядъ формулъ теоретической механики. Тогда начинается рядъ опытовъ приложенія этихъ формулъ къ реальнымъ случаямъ, въ которыхъ изслѣдователь имѣетъ дѣло съ тѣлами, различающимися формой, матеріаломъ и пр. Эти опытныя изслѣдованія даютъ возможность внести въ формулу для каждаго случая особый такъ наз. *практическій коэффиціентъ*, благодаря чему формула, выведенная теоретически, получаетъ обширное примѣненіе къ практикѣ.

Педагогическія теоріи многимъ представляются такими же нереальными и ненужными, какими съ перваго взгляда кажутся изслѣдованія движенія точки въ безвоздушномъ пространствѣ. Несомнѣнно такія теоріи бываютъ, но распространять такой приговоръ на всѣ—тоже неправильно. Теоріи обыкновенно являются вслѣдствіе наблюденія и критическаго отношенія либо къ самой практикѣ, либо къ ея результатамъ. Поводомъ признавать безплодность теорій чаще всего служитъ то, что онѣ устанавливаютъ болѣзнь школы, но по какимъ-нибудь причинамъ не указываютъ способовъ врачеванія, не прописываютъ рецептовъ. Нѣчто подобное существуетъ въ медицинѣ. Въ ея практикѣ считается весьма важнымъ поставить діагнозъ, и есть большіе мастера этого дѣла, а когда діагнозъ поставленъ, лѣченіе можетъ пойти успѣшно и у ординарнаго врача-практика. Такъ и въ педагогикѣ. Теоре-

тическая работа можетъ обобщать факты и мелкаго и крупнаго значенія. но если въ ней есть логика, то она вполнѣ заслуживаетъ вниманія практиковъ. Отворачиваться отъ нее могутъ только тѣ, которые успокоились на своей работѣ, довольны ею и не чувствуютъ потребности провѣрять свои общіе выводы выводами своихъ товарищей по профессіи или людей мыслящихъ вообще. Но если учитель еще не обратился въ рутинера, то при чтеніи теоретическихъ, идейныхъ работъ, у него естественно рождается желаніе опредѣлить, какое приложеніе можетъ имѣть идея на практикѣ, осуществима ли она. И надо сказать, что чѣмъ шире горизонтъ охватываетъ теорія, тѣмъ болѣе вѣроятія, что она покажется непримѣнимою тѣмъ, кто не обладаетъ достаточною для того умственною дальнозоркостію. Между тѣмъ вопросъ о примѣнимости только и можетъ быть рѣшенъ опытомъ, и рѣшимость на попытку должна опредѣляться не только тѣмъ, кажется ли человѣку идея вѣрною, но также и тѣмъ, чувствуетъ ли онъ себя способнымъ на опытъ, есть ли у него силы на это. Если теорія не даетъ рецептовъ, то именно потому, что практика непремѣнно индивидуальна и обязательно считается съ реальными условіями учительской работы. Напомнимъ извѣстный историческій фактъ. Руссо въ своей теоріи поставилъ Эмиля въ совершенно неосуществимыя условія и тѣмъ не менѣе его мысли нашли дорогу въ практику воспитанія, причемъ эта практика отнюдь не составляла воспроизведенія указанныхъ въ теоріи Руссо формъ. Была взята мысль, а осуществлялась она примѣнительно къ реальнымъ условіямъ жизни.

Воспитаніе „человѣка“ тоже теорія и намъ не разъ приходилось слышать, что все, о чемъ толковалъ Пироговъ прекрасно въ теоріи, а на практикѣ приходится заботиться совсѣмъ о другомъ. Для поясненія, о чемъ именно приходится думать школьному дѣятелю, сообщается самая мрачная картина нравовъ учащихся: отсутствіе интереса къ знаніямъ, постоянные обманы и т. д. Гдѣ тутъ думать о воспитаніи „человѣка“, когда первою потребностью является—забрать классъ въ руки.

Настроеніе правящихъ сферъ, когда въ печати появилась статья Пирогова, было таково, что на нее обратили вниманіе,

и Пироговъ былъ призванъ на высокій постъ попечителя учебнаго округа. Благодаря этому онъ получилъ возможность показать, что̀ можно сдѣлать для воспитанія „человѣка“ даже при существующихъ внѣшнихъ условіяхъ школы. Ему предстояло въ свои теоретическія построенія ввести своего рода „практическій коэффиціентъ“, чтобы онѣ нашли мѣсто въ обиходѣ школы.

Первый практическій коэффиціентъ оказался прежде всего въ томъ, что Пироговъ поставилъ условіемъ принятія должности выполненіе собственной программы. Условіе это было принято [1]).

Лично для Пирогова принятіе должности попечителя составляло перемѣну профессіи врача на профессію педагога, да еще педагога администратора. Съ этой перемѣной въ значительной мѣрѣ измѣнялось и положеніе самого Пирогова и внѣшнія условія его дѣятельности. За врачемъ стоитъ наука, за педагогомъ ея нѣтъ. У врача есть сфера, гдѣ онъ полный хозяинъ, компетентный и потому принимающій на себя отвѣтственность за свои дѣйствія. Никто изъ не-врачей не возьмется исправить его діагнозъ, измѣнить его лѣкарство, замѣнить его въ операціи. Его паціента могутъ держать въ грязи, полуголоднаго, всячески обкрадывать и проч., но никакой начальникъ госпиталя не возьметъ изъ рукъ врача ланцетъ, чтобы показать, какъ слѣдуетъ произвести операцію. Не таково положеніе педагога. Кто только не берется судить, какъ надо вести молодежь, кто остережется говорить о преподаваніи предмета, хотя бы самъ чувствовалъ, что его свѣдѣнія весьма скудны. Здѣсь нѣтъ науки, здѣсь—мнѣнія, тактъ, здѣсь—каждый судья и совѣтчикъ. Докторъ опирается на свою науку, и въ ней черпаетъ увѣренность въ себѣ, твердость и настойчивость, когда дѣло касается его спеціальности. Ему есть съ чѣмъ постоять за себя. Педагогъ пре-

---

[1]) Въ 1861 г. Добролюбовъ, не зная этого, писалъ, что всѣмъ умнымъ и честнымъ людямъ слѣдовало бы вступать въ общественную дѣятельность не иначе, какъ съ условіемъ „развивать свою программу“ (I, 312). Въ 1911 г. Золотаревъ тоже упрекнулъ Пирогова, что онъ не выговорилъ себѣ права развивать свою программу. Но еще въ 1896 г. въ Русской Школѣ была напечатана автобіографія Н. И. Пирогова, изъ которой слѣдуетъ, что это было сдѣлано. Автобіографія перепечатана въ изданіи соч. Пирогова 1911 г.

красно знаетъ, что къ его профессіи, по общему мнѣнію, примѣнима поговорка: „было бы болото, а черти найдутся“. Доктору можно сдѣлать выговоръ, какъ это и было съ Пироговымъ, за то, что онъ не по формѣ одѣтъ, и авторитетъ его, какъ хирурга, отъ этого нисколько не пострадалъ. Педагогу можно поставить на видъ и то, что онъ дурно живетъ съ женою, рѣдко ходитъ въ церковь, читаетъ оппозиціонную газету и проч. и проч., и все это будетъ дурно рекомендовать его, какъ педагога, и можетъ послужить поводомъ закрыть ему учительскую дорогу, хотя бы онъ былъ прекрасный физикъ или математикъ.

Пироговъ могъ выговаривать лично для себя полномочія, имѣя въ виду свое исключительное положеніе врача-мыслителя, идущаго въ педагоги, и, конечно, навѣрное понималъ, что такія полномочія были бы дороги для всякаго другого, понималъ, на сколько тягостно для самихъ педагоговъ и вредно для дѣла ихъ безправное положеніе и зависимость отъ произвола учебной администраціи. Ограждая свою независимость, онъ сознавалъ, что принимаетъ на себя обязанность уберегать отъ произвола и своихъ сотрудниковъ и — не будемъ таить грѣха — и учащихся отъ произвола наставниковъ.

Положеніе педагога администратора несетъ съ собою еще одну тяжелую сторону. Онъ не самъ работаетъ, а руководитъ работою другихъ. Онъ можетъ написать прекрасный циркуляръ о сердечномъ попеченіи, а что изъ этого выйдетъ зависитъ отъ исполнителей.

Въ отношеніи своихъ подчиненныхъ сотрудниковъ Пирогову тоже предстояло опредѣлить нѣкоторый практическій коэффиціентъ. Онъ являлся новаторомъ въ дѣлѣ, гдѣ, не только въ частностяхъ, а и въ основномъ руководящемъ взглядѣ, успѣла сложиться рутина, предстояло не поддерживать и улучшать разумно сложившуюся практику, а во многомъ, можетъ быть, и весьма существенно переработывать ее. Идея его была въ сущности весьма радикальна, и для многихъ изъ тѣхъ, кому предстояло выполнять его планы, было не легкимъ дѣломъ усвоить себѣ новыя воззрѣнія.

Практическій коэффиціентъ, опредѣляющій его отношенія къ подчиненнымъ, Пироговъ могъ найти въ своемъ опытѣ профессора-врача. Въ клиникѣ было недостаточно прочесть

лекцію, надо было научить показомъ, какъ производить операцію, а потомъ заставить своихъ учениковъ самостоятельно работать на глазахъ профессора. Обычная практика административныхъ властей не подходила къ дѣятельности попечителя учебнаго округа, потому что и задачи, и функціи его были иныя. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія нельзя ограничиться укладывающимися въ юридическія рамки предписаніями и запрещеніями, надо въ каждомъ дѣятелѣ вызвать идейную работу, пробудить потребность свои идеи проводить въ практику, согласовать ихъ въ томъ, что касается общей работы.

Пироговъ прекрасно выразилъ пониманіе своего положенія среди дѣятелей школы, сказавъ, что онъ больше миссіонеръ, чѣмъ начальникъ.

„Въ моихъ глазахъ, говорилъ Пироговъ, попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ“.

Многое изъ того, что въ то время было новостью, теперь кажется простымъ и естественнымъ порядкомъ вещей. Общество, привыкшее въ дореформенное время видѣть начальство въ громѣ и молніи, дивилось, слыша разсказы о доступности и простотѣ обращенія Пирогова, объ отмѣнѣ парадныхъ встрѣчъ, умномъ вниканіи въ существо дѣла и равнодушіи къ показнымъ сторонамъ его,—дивилось и научалось цѣнить дѣловое руководство, отодвинувшее въ сторону все показное, всю внѣшность, тѣшащую честолюбіе, или, какъ думали другіе, нужную для поддержанія ореола власти. Проводилась невольная параллель между авторитетомъ внѣшнимъ и внутреннимъ.

Такое пониманіе Пироговымъ роли попечителя выразилось такъ ярко въ его отношеніяхъ къ подчиненнымъ ему педагогамъ, что дало основаніе одному изъ нихъ къ такому признанію.

„Мы поняли, въ чемъ заключается истинная власть и

какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, человѣкъ истинно просвѣщенный и глубоко преданный дѣлу человѣческаго развитія, пріобрѣлъ надъ нами вліяніе, недоступное никакому другому олицетворенію власти, вооруженному всѣми возможными знаками отличія“.

И юноши прекрасно по своему понимали Пирогова.

„Мы въ немъ встрѣчали, пишетъ бывшій гимназистъ времени Пирогова, новаго человѣка, глубоко образованнаго, ненавидящаго рутину, преданнаго смыслу, а не формѣ,—человѣка, который на своемъ важномъ посту не хотѣлъ быть сановникомъ, не хотѣлъ обращать вниманія на обязательный ритуалъ, хотѣлъ дѣлать одно только настоящее дѣло, дѣлать его по убѣжденію, отъ сердца, какъ у насъ дѣлаютъ только одни личныя дѣла... Помню, какъ всѣхъ поражала его простота обращенія, его неограниченная доступность, его совсѣмъ не оффиціальная манера держать себя съ генералъ-губернаторомъ, его привычка являться въ университетъ въ пальто съ заложенными въ рукава руками. Мы тотчасъ поняли, что въ Николаѣ Ивановичѣ надо искать человѣка, а не сановника, и какъ горячо полюбили его тѣ, у кого въ мысли и въ сердцѣ жило нѣчто порядочное“ [1]).

Изъ записокъ современниковъ, появившихся позже въ печати (напр., Богатинова, Кренке и др.) видно, что если часть сослуживцевъ Пирогова понимала его и сочувствовала ему, то другая осуждала, видя въ его поведеніи баловство и подрывъ авторитета учительской власти. Въ такихъ отзывахъ слышалась привычка къ строю прежней школы, въ которой царила немудрая житейская дисциплина, не хотѣвшая знать, что школа еще не жизнь, что въ ней должна быть особая, такъ называемая школьная дисциплина, требующая отъ наставника постоянной работы надъ собою и вниманія къ возрастнымъ недостаткамъ юношества. Чтобы заинтересовать педагоговъ работой въ извѣстномъ направленіи, надо было, выражаясь терминомъ Л. Толстого, заразить ихъ своими мыслями, а для этого—стать ближе къ нимъ, вызвать обмѣнъ мнѣній, дать возможнось противнику высказаться и поспорить съ собою.

---

[1]) Авсѣенко. Школьные годы. „Историческій Вѣстникъ“, 1881 г., кн. IV.

Возникъ живой обмѣнъ мнѣній въ педагогическихъ комитетахъ и въ печати. Пироговъ желалъ, чтобы совѣщанія были чисто коллегіальны, чтобы всѣ голоса въ нихъ были равны, чтобы каждый участникъ разсуждалъ совершенно свободно. Онъ признавалъ это полезнымъ и для выработки убѣжденій самихъ наставниковъ и для пользы дѣла. Онъ дорожилъ убѣжденіями каждаго, его понятіями. Его доступность, спокойная разсудительность, участіе и готовность помочь, чѣмъ можно, поднимало людей въ ихъ собственныхъ глазахъ, заставляло быть лучше, становиться чище. И такое отношеніе распространялось не на однихъ взрослыхъ сотрудниковъ, а также на учащуюся молодежь и на малолѣтнихъ, не вышедшихъ еще изъ дѣтской.

„Жизнь школьника, говорилъ онъ, есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослаго“, и напрасно мы считаемъ, что ее можно влить въ любую форму и изъ нея вылѣпить, что намъ угодно.

Въ статьѣ „Быть и казаться“ Пироговъ настаиваетъ на правахъ дѣтскаго возраста. „У ребенка, говоритъ онъ, свой міръ, отличный отъ нашего... Это — таинственно священный храмъ еще дѣвственной души человѣка“. Ребенокъ „живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ, и дѣйствуетъ, слѣдуя законамъ этого міра. Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ“. Большинство изъ насъ забыли этотъ дѣтскій міръ, въ которомъ и мы сами нѣкогда жили, „мы насильственно врываемся въ душевный міръ ребенка, перенося его въ нашъ свѣтъ, спѣшимъ внушить ему наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ по своему“.

Пирогову было сравнительно легко опредѣлить свои отношенія къ подчиненнымъ, выходя изъ того, что онъ миссіонеръ, но онъ не рѣшился сказать, что и учитель тоже миссіонеръ среди учащихся. Такая роль была бы подъ силу тѣмъ, кто посвящаетъ себя учебному дѣлу по призванію, но такихъ не

много, а въ большинствѣ школъ господствуетъ административное начало. Отказываясь входить въ разсмотрѣніе, худо ли это или хорошо, Пироговъ полагаетъ „нужнымъ извлечь все хорошее изъ этого начала и приспособить его какъ можно лучше къ воспитанію ввѣреннаго намъ юношества“, а хорошимъ представляется возможность „при извѣстныхъ условіяхъ содѣйствовать къ развитію въ дѣтяхъ чувства законности“. Очевидно, что если изъ этого начала приходится отбирать хорошее, то, значитъ, есть въ немъ и дурное. И изъ изложенія Пироговымъ внутренняго состоянія тогдашнихъ школъ, можно видѣть, что оно приводитъ къ недостатку у учениковъ уваженія къ своимъ наставникамъ, къ недовѣрію къ ихъ справедливости и т. д. Пироговъ, считаясь съ практиками, пошелъ на составленіе правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, продолжая внушать, что, по его мнѣнію, успѣхъ воспитательнаго дѣла обезпечивается авторитетомъ наставника, требуетъ отъ него вниманія къ темпераменту и способностямъ учащихся. Кстати добавимъ, что развитіе чувства законности есть только одна изъ частныхъ задачъ воспитанія, притомъ вовсе не дѣтская, потому что предполагаетъ извѣстную степень сознанія общественности. Пришлось прибѣгнуть къ практическому коэффиціенту, и онъ и въ этомъ дѣлѣ сыгралъ свою понижающую требованія идеала роль.

То „зараженіе“ котораго желалъ Пироговъ, конечно, въ извѣстной мѣрѣ и совершалось, благодаря самой личности его, убѣжденной, стойкой и въ высшей степени человѣчной. Но личное вліяніе не удовлетворяло Пирогова. Онъ и здѣсь, какъ во всемъ, дѣло ставилъ выше лицъ и не желалъ, чтобы оно складывалось только изъ уваженія къ его мнѣніямъ, въ силу авторитета его личности. Онъ выдвигалъ на первый планъ идею.

„Время обсудитъ и оцѣнитъ лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія, говорилъ онъ, прощаясь со своими сослуживцами, а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь на землѣ,—гдѣ все проходитъ,—есть для насъ одно не нарушимое; это *господство идей*. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ

надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами“...

„Какъ ни грустно разставаться съ вами, съ кѣмъ былъ связанъ единствомъ мысли и дѣйствій, но все-таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что, и разлучившись, можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединятъ телеграфическія нити мысли“.

Въ статьѣ „Вопросы жизни“ Пироговъ ярко нарисовалъ тѣ группы людей, которыя не срослись еще въ общество, а образуютъ простыя семьи и толпы, и тогда же показалъ, что его идеалъ далекъ отъ того, чѣмъ живутъ эти люди. Теперь его руководству ввѣряютъ дѣтей, взятыхъ изъ этихъ семей, его сотрудниками будутъ отдѣльныя личности изъ этихъ толпъ. „Жизнь безъ сознательныхъ, идеальныхъ стремленій печальна, безцвѣтна и безплодна“, писалъ онъ. Отказаться отъ своего идеала онъ не могъ, но не могъ отказаться и отъ живой работы на благо людей. „Все же лучше примириться съ жизнью, какова она ни есть, нежели быть въ полномъ разладѣ“ (Стр. 285). Это рѣшеніе обрекло его на то, что не все желаемое будетъ имъ достигаемо.

Фразу Пирогова о примиреніи съ жизнью мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что онъ сознавалъ, что дождется результатовъ своей работы лишь послѣ многихъ лѣтъ настойчиваго и упорнаго труда. Его идеалъ не позволялъ ему назвать зло добромъ, и наоборотъ. Онъ мирился съ людьми, съ ихъ обиднымъ невѣжествомъ, слабоволіемъ, отсутствіемъ общественнаго интереса и пр.—все это были недостатки, въ которыхъ не всегда можно винить отдѣльныхъ лицъ—все это можетъ переработаться въ новой, дѣятельной и общественной жизни, мирился Пироговъ съ тѣмъ, что приходится ждать, но чтобы стоило ждать, надо было видѣть, что дѣло не стоитъ, что оно движется живыми людьми, чуждыми застоя и рутины. И онъ будилъ своихъ учителей къ сознательности и училъ не довольствоваться достигнутымъ, а идти впередъ и впередъ.

Наиболѣе могущественное средство воспитанія Пироговъ видѣлъ въ наукѣ. Зналъ онъ, конечно, что человѣкъ, настроенный самымъ широкимъ дружелюбіемъ къ людямъ, въ знаніяхъ

---

[1]) Прощаніе Кіевскаго Учебнаго Округа съ Пироговымъ.

находитъ средства сдѣлать помощь имъ наиболѣе активною и плодотворною. Врачъ не ограничивается соболѣзнованіемъ, а опредѣляетъ болѣзнь и прописываетъ лѣкарство. Такъ же нужны знанія сельскому хозяину, гигіенисту, строителю и пр. Часто людямъ отзывчивымъ на чужое горе, знаніе открываетъ причины постигающихъ насъ бѣдствій и указываетъ средство дѣйствительной помощи и обезпеченія спокойнаго существованія. Тамъ, гдѣ человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ природою, знаніе всегда необходимо.

Но то знанія, которыя даются высшею, чаще всего профессіональною школою. Средняя школа даетъ знанія, необходимыя каждому въ обыденной жизни, знанія элементарныя, начиная съ толковаго чтенія и грамотнаго изложенія своихъ мыслей и пониманія чужихъ. Кромѣ удовлетворенія такихъ насущныхъ потребностей, знаніе даетъ намъ возможность мыслить, и безъ достаточнаго запаса знаній наши сужденія приводятъ къ пустой болтовнѣ, фразерству, ничего не стоющимъ обобщеніямъ изъ двухъ-трехъ фактовъ. Обсуждая вызывавшій въ то время споръ о матеріальной и формальной сторонахъ обученія, Пироговъ высказался за то, что учащіеся должны обогащаться знаніями и говорить о преимуществахъ формальнаго развитія, жертвуя ради него знаніями, значитъ обнаруживать непониманіе сущности умственныхъ процессовъ.

Но рядомъ съ пріобрѣтеніемъ знаній Пироговъ ставилъ и методику преподаванія. Главнѣйшими методическими задачами онъ ставилъ развитіе способности владѣть своимъ вниманіемъ и полное пониманіе пріобрѣтаемыхъ знаній, благодаря которому они усвояются сознательно и прочно.

Хорошо поставленный учебный трудъ нравственно формируетъ человѣка. Важно и то, что ученье дается трудомъ, составляетъ посильный, вполнѣ естественный трудъ духовно растущаго юноши, важно и то, что трудъ этотъ совершается въ области знанія. По прекрасному выраженію Ушинскаго, „сама по себѣ внутренняя, духовная, животворящая сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастья.“ [1]) Тѣмъ болѣе

---

[1]) Собраніе педаг. сочиненій К. Д. Ушинскаго. 1875. Стр. 154.

приложимо это къ учебному труду. Юноша познаетъ истину, осторожное отыскиваніе ее, силу доказательствъ, непреложность ея при данныхъ условіяхъ, проникается уваженіемъ къ наукѣ. При доступности ученія успѣхъ несомнѣненъ, и учащійся, видя ростъ и своихъ знаній, и умственныхъ силъ, начинаетъ вѣрить въ свое человѣческое достоинство, въ свои силы преодолѣвать трудности ученья и, преодолѣвая ихъ, укрѣпляетъ свою волю. Если школѣ удастся устранить изъ своего обихода все то, что обращаетъ ученье изъ цѣли въ средство, все, что возбуждетъ соревнованіе, зависть, тщеславіе, внѣшность выдвигаетъ передъ внутреннею сущностью, то трудно представить себѣ что-либо благопріятнѣе учебно-трудовой жизни для установленія здоровыхъ дружественныхъ отношеній между товарищами по школѣ. Здѣсь богатый можетъ дѣлиться съ бѣднымъ, не становясь отъ этого самъ бѣднѣе, здѣсь своими успѣхами каждый обязанъ только своему труду, здѣсь помогающій товарищу можетъ видѣть радость просвѣтленія его, когда онъ начинаетъ понимать, что представлялось ему до того темнымъ, недоступнымъ его разумѣнію.

Подобный складъ жизни въ школѣ становится достижимымъ только благодаря принципу воспитанія „человѣка“, цѣльной и живой личности съ ея индивидуальностями. Учебный курсъ изъ мозаики знаній обращается въ стройно обдуманный планъ, преслѣдующій одну основную цѣль—воспитанія „человѣка“.

Достиженіе этой цѣли доступно лишь школѣ, гдѣ учителя отдѣльныхъ предметовъ смыкаются въ одну цѣльную корпорацію, собравшуюся для общей работы, возможной лишь при условіи, когда каждый знаетъ, что отъ него требуется для пользы общей. Для этого требуется путемъ обмѣна мнѣній придти къ соглашенію объ общей задачѣ и вполнѣ выяснить, какое содѣйствіе требуется отъ того или другого для выполненія этой задачи.

Какъ мы понимаемъ, такъ должно бы быть по мысли Пирогова. Это было нѣчто желательное, но, кажется, оно осталось недостигнутымъ въ періодъ его управленія округомъ. Пирогова ко многому приходилось ставить практическій коэфиціентъ, между прочимъ и по неподготовленности учителей, стойкости рутины. Ему приходилось толковать о необходимости

классной работы, разъяснять значеніе вниманіе и т. п. многое такое, что теперь знаетъ и плохонькой учитель. Пироговъ взялъ на себя нелегкую задачу—быть миссіонеромъ, и повидимому не тяготился взваленной на свои плечи работою. Благодаря его энергіи подъ его руками создавалась школа, у которой было будущее, и сознаніе такого характера школы, имъ организованной, рождало въ немъ убѣжденіе, что „прямое назначеніе школы, примиренной съ жизнью, быть руководителемъ жизни на пути къ будущему“ (Стр. 286) „Будущее въ рукахъ школы, ей принадлежитъ гегемонія“ (Стр. 285).

Эта мысль Пирогова вызываетъ у Каптерева вопросы: можетъ ли школа руководить жизнью, хватитъ ли у нея на это силъ? Онъ отвѣчаетъ отрицательно. „Несомнѣнно, школа есть простая передатчица культуры отъ поколѣній, прежде дѣйствовавшихъ, поколѣніямъ, имѣющимъ дѣйствовать... Но „творчество“ въ истинномъ смыслѣ слова не принадлежитъ школѣ; творчество, дальнѣйшее развитіе культуры, есть дѣло жизни... Жизнь—могучая, широкая и глубокая рѣка, развѣтвляющаяся на множество рукавовъ. Школа и система образованія только одинъ изъ множества этихъ рукавовъ, одно изъ многихъ направленій и проявленій жизни. Имъ ли руководить жизнью? Жизнью руководятъ великіе умы и закаленные характеры, не школа увлекаетъ за собою жизнь, а жизнь школу. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ и исторія школы, постоянно направляемой перемѣнами жизни и ея великими дѣятелями“. [1])

Правда, жизнью руководятъ великіе умы и закаленные характеры; правда, школа только передатчица культуры, но бѣда въ томъ, что она не свободна въ исполненіи и этой задачи. Общество спокойно относится къ тому, что школа вноситъ въ учебный курсъ доступныя учащимся такія научныя и техническія свѣдѣнія, что дѣти оказываются богаче знаніями, чѣмъ большинство родителей. Но оно отнюдь не равнодушно къ урокамъ жизни, даваемымъ школою, и въ этомъ отношеніи твердо охраняетъ гегемонію жизни надъ школою.

---

[1]) Педаг. Сборникъ, 1887, № 11, стр. 388.

Мы радуемся, читая о томъ, что знакомство съ нашими геніальными писателями приводятъ ихъ заграничныхъ читателей къ заключенію о великихъ силахъ, заложенныхъ въ натурѣ русскаго народа. Тѣмъ болѣе удручаютъ насъ вѣсти, свидѣтельствующія о грубости, невѣжествѣ, дикости того же богато одареннаго народа. Эти прискорбныя черты проявляются отнюдь не въ однихъ низахъ; онѣ не чужды и среднимъ, и высшимъ слоямъ общества. Справедливо замѣчаніе П. Ф. Каптерева, что жизнь движется великими людьми, но нельзя забывать, что тормазомъ культурнаго движенія служитъ приверженность къ рутинѣ жизни и низовъ, и просвѣщенныхъ классовъ общества. Сколько разъ приводилось намъ читать объ одиночествѣ нашихъ великихъ людей среди тѣхъ, на пользу которыхъ они желали бы послужить. Ихъ не понимали, ихъ мѣряли своею маленькою мѣркою. Ростъ геніальныхъ и талантливыхъ натуръ совершается почти помимо школы; она ограничивается тѣмъ, что даетъ имъ общее образованіе, безъ котораго и геній можетъ обратиться въ безуміе. Но школа можетъ сдѣлать многое, чтобы и ординарныя натуры стали болѣе понимать своихъ народныхъ геніевъ и облегчили бы общую культурную работу, въ которой есть свое мѣсто и для выдающихся и для небогатыхъ духовными силами людей. Въ рукахъ школы есть для этого и наука, и нравы, и личныя вліянія наставниковъ.

Пирогову было естественно преувеличить значеніе школы для культурнаго роста жизни. На его глазахъ совершалось нѣчто подобное тому, о чемъ ему мечталось. Россіи нужно было просвѣщаться, и не одна школа, а и судъ, и земское собраніе, и всякое учрежденіе, вводившее у себя новый укладъ жизни, служило очагомъ просвѣщенія, откуда свѣтъ изливался во всѣ темные углы нашей родины. Крупныя силы творили крупныя дѣла, и у нихъ было чему поучиться. За дѣятельностью этихъ центровъ просвѣщенія повсюду слѣдили, нововведенія обсуждались, и то доброе, что въ нихъ совершалось, служило общественному воспитанію. Такое значеніе могла имѣть и школа въ то переходное время, и недаромъ Пироговъ призналъ себя миссіонеромъ, точно желая сказать, что онъ будетъ служить просвѣщенію общества здоровыми, разумными началами и завоюетъ школѣ гегемонію надъ жизнію.

Выработавшіяся въ предшествующую эпоху воззрѣнія на школу правительства и общества не удовлетворяли его.

„Въ настоящее время и именно въ обществѣ, еще не созрѣвшемъ и мало жившемъ прошедшею жизнью, писалъ Пироговъ, всего заманчивѣе кажется тотъ взглядъ на школу, который ее представляетъ чѣмъ-то въ родѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какія нужны обществу для его обыденныхъ цѣлей... Общество является потребителемъ, а школа—фабрикой, приготовляющей товаръ для потребленія. Запросъ есть, стоитъ только удовлетворить ему—и обѣ стороны довольны. Вопіющее современное всегда ближе къ сердцу и доступнѣе мыслямъ, чѣмъ далекое будущее. Для чего вдумываться, что будетъ черезъ 25 или 30 лѣтъ, когда новое поколѣніе начнетъ замѣнять старое. Правда, всякій изъ насъ, спускаясь подъ гору, начинаетъ чувствовать себя какъ-то неловко и сознавать, что онъ не воспитывался для будущаго, но, проживъ такъ или сякъ и безъ того и думая, что въ это время жилось даже лучше, мѣряетъ на свой аршинъ будущее поколѣніе, совѣтуя и ему поступать такъ же и идти по его стопамъ“.

„Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіей, употребляютъ школу, во-первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во-вторыхъ—какъ разсадникъ спеціалистовъ ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей. Отцы, примѣняясь къ тому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во-первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба и притомъ, елико возможно, не на своемъ, а на чужомъ или общественномъ иждивеніи; во-вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ“.

Послѣ появленія въ печати Собранія сочиненій Пирогова въ журналѣ „Время“ появилась статья безъ подписи имени автора. [1]) Въ общемъ онъ высоко цѣнилъ Пирогова. Изъ поднятыхъ имъ вопросовъ, авторъ главное значеніе приписы-

---

[1]) Время, 1862, № 4.

валъ именно вопросу о связи школы съ жизнью и высказалъ по этому поводу нѣсколько не лишенныхъ интереса замѣчаній.

Пироговъ, какъ извѣстно, постоянно упоминалъ о людяхъ, претендующихъ на умъ и чувство, которыхъ именно вслѣдствіе такихъ ихъ качествъ ожидала на первыхъ же шагахъ жизни борьба за свои убѣжденія, признаніе своей къ ней неподготовленности и затѣмъ тяжелый трудъ самовоспитанія. Въ числѣ толпъ, встрѣчаемыхъ въ жизни, Пироговъ отмѣчалъ и весьма многолюдную толпу людей, живущихъ безъ разсужденій и сомнѣній среди издавна сложившихся обычаевъ, ходячихъ мнѣній и т. д. Это люди, захваченные потокомъ жизни и плывущіе по теченію. Нашъ авторъ, повидимому, ихъ-то и имѣетъ въ виду. Безспорно, надо признать ихъ существованіе не человѣческимъ, и слова: „будь человѣкомъ“ могутъ быть обращены и къ нимъ.

Отношеніе общества къ школѣ въ то время, когда Пироговъ писалъ свою статью, и нашъ авторъ признаетъ ненормальнымъ. Вмѣсто того, чтобы поставить школѣ задачу содѣйствовать духовному росту общества, жизнь давитъ на школу своею рутиною. Она, эта жизненная рутина, подчиняетъ школу своимъ цѣлямъ, даетъ ходъ, сообразный съ ея интересами, и школа, почти ничего не дѣлая для улучшенія жизни, много дѣлаетъ для укрѣпленія ея рутины.

Въ такомъ взглядѣ на школу авторъ видитъ отраженіе утилитаризма, царящаго въ обществѣ. Проявленіе утилитаризма онъ усматриваетъ не въ предпочтеніи реальной школѣ классической—самъ онъ за реальную—а въ оцѣнкѣ обществомъ образованія мѣрой пригодности его для будничныхъ потребностей жизни. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, общество мало интересуется развитіемъ въ молодежи человѣческихъ сторонъ, а требуетъ, чтобы школа надѣляла молодежь полезными въ жизни познаніями, приготовляя свѣдущихъ и умѣлыхъ слугъ ея. И понятно, что, предъявляя такія требованія къ школѣ, общество распространяетъ ихъ не только на знанія, но и на весь жизненный обиходъ, на рутину ея, какъ удачно выражается авторъ. Поэтому, и въ господствѣ авторитета въ воспитаніи онъ видитъ естественный „плодъ утилитарнаго деспотизма жизни надъ школою“. Люди, сами свободно обращающіеся съ авторитетами, отстаиваютъ ихъ, какъ только

рѣчь заходитъ о школѣ. Въ ней авторитетъ мнѣній, взглядовъ, условныхъ точекъ зрѣнія на вещи господствуетъ безгранично и, главное, вторгается въ молодую душу. Жизнь желаетъ, чтобы молодое поколѣніе служило ей на пользу, а „полезнымъ она признаетъ только человѣка, который готовъ поддержать умственное, нравственное, какое угодно status quo общества. Вотъ и развивается въ школѣ утилитарное обереганіе разнаго рода авторитетовъ, вотъ и опекается молодая натура отъ всего, такъ сказать, опаснаго въ мысли и въ практикѣ... Даже наука не очень смѣетъ разрушать разнаго рода авторитеты; ей позволяется говорить тамъ настолько, насколько это не мѣшаетъ приготовленію полезнаго дѣятеля“ (стр. 9).

Въ результатѣ успѣшности этого образованія получаются люди, которые не вносятъ въ жизнь ничего новаго, никакой свѣжей струи. Они мирно входятъ въ рутинную колею, всю жизнь свою идутъ проторенной дорожкой. Здоровая же личность, успѣвшая сохранить себя отъ тупого подчиненія авторитету, по выходѣ изъ школы, въ силу реакціи, бросается въ другую крайность: безразборчиваго отрицанія не только лицъ, но и мнѣній.

Прекрасно выразилъ В. Вагнеръ въ своей рѣчи [1]) пожеланія Пирогова, сказавъ:

„Пироговъ требовалъ отъ школы подготовки людей, способныхъ стать руководителями жизни, а не ея слугами; требовалъ отъ нея подготовки сознательныхъ работниковъ, а не безсловесныхъ исполнителей; членовъ общества, способныхъ не приспособляться къ житейскому злу и уживаться съ нимъ, а людей, научившихся понимать это зло и умѣющихъ бороться съ нимъ, онъ требовалъ отъ школы того, что давало бы ей нравственное право на гегемонію въ прогрессѣ, а не готовность слѣдовать..... не все ли равно куда...“.

Очевидно, школа Пирогова не была „школою рутины жизни“. Самый историческій моментъ былъ таковъ, что живые люди не могли смотрѣть иначе, какъ впередъ. Пироговъ мирился съ жизнью, входилъ въ нее, чтобы участвовать въ общемъ движеніи, а не для того, чтобы отстаивать ея рутину.

Если обратиться къ настоящему, то придется признать,

---

[1]) Памяти Н. И. Пирогова. Изд. „Школа и Жизнь“, стр. 35.

что отношеніе къ школѣ и теперь такое же, какое застал
Пироговъ и писавшій во „Времени“ авторъ. Школа не
что консервативна, болѣе того—она служитъ поддержкой р
тины жизни. Въ періоды, когда въ одной части общества н
чинается „переоцѣнка цѣнностей“, другая часть цѣпко х.
тается за школу, чтобы удержать на старомъ пути молодеж
особенно чуткую ко всякой смѣлой критикѣ. Всякія новше
ства въ школѣ тогда усиленно осуждаются и преслѣдуются
А между тѣмъ общество должно бы понимать, что въ школ
всходятъ его свѣжіе ростки, что все, о чемъ оно мечтаетъ,
за что бралось и не додѣлало, оно сможетъ выполнить тольк
съ приливомъ къ нему свѣжихъ силъ. И Пироговъ, сказав-
шій про людей съ притязаніемъ на умъ и чувство, что они
не хотятъ быть ни дерзновенными противниками необходи-
маго на землѣ авторитета, ни восторженными поклонниками
одного разума и т. д., конечно, имѣлъ въ виду не то руко-
водство жизнью, которое подъ силу только крупнымъ лично-
стямъ—большимъ кораблямъ большое и плаваніе,—а то, что
создается дружной работой учебнаго персонала, образующаго
просвѣщенную и гуманную среду, впечатлѣнія которой со-
ставляютъ духовную пищу учащейся молодежи. Нельзя отри-
цать возможности созданія такой атмосферы, лишь бы не
производилось извнѣ гнета на школу съ цѣлью поддержать
рутину жизни. Пироговъ, жившій университетскою жизнью
гдѣ такая атмосфера чувствуется болѣе, чѣмъ въ средней
школѣ, видѣвшій вокругъ себя общее преобразовательное дви-
женіе, находившійся подъ впечатлѣніемъ эффекта, произве
деннаго его „Вопросами жизни“, приведшаго къ призыву его
на постъ попечителя, можетъ быть, преувеличивалъ возмож
ность работать для служенія своей идеѣ, но въ существ
своей вѣры въ школу онъ былъ правъ.

И на свой постъ педагога-администратора онъ пошелъ
чувствуя себя миссіонеромъ, учителемъ жизни, проповѣдни
комъ высокой и святой идеи, почерпнутой изъ уроковъ
изъ земной жизни Богочеловѣка.

Передъ нимъ рисовались не одни избранники, не баловн
счастья, а масса, толпа, всѣ эти существа безъ особыхъ пре
тензій на умъ и чувство, надѣленныя не въ равной мѣрѣ та
лантами и божьими дарами. Въ помощники себѣ онъ брал

ауку и человѣческую личность. „Въ дѣлѣ воспитанія глав-
ѣ—намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей,
ѣхъ отъ Бога“.

И онъ посвятилъ себя служенію своей идеѣ, подчиняя
ъ авторитетомъ убѣжденія. Онъ не требовалъ поклоненія
бѣ у стоящихъ по службѣ ниже его и сохранялъ свое до-
оинство передъ высшими. Всѣ, съ кѣмъ онъ сносился, были
ія него людьми, только въ разной стадіи развитія: и малыя
ѣти, и школьники, и студенты, и преподаватели. Всѣхъ онъ
валъ на дорогу къ совершенствованію и внушалъ „серьез-
ый взглядъ на жизнь“, необходимость дружной, доброжела-
ельной, совмѣстной работы. Ни гордости, ни честолюбія.
Смиреніе не передъ власть имущимъ, а передъ тѣмъ высо-
имъ идеаломъ, который онъ носилъ въ сердцѣ своемъ. Мѣ-
ами, которыя онъ вводилъ: литературными бесѣдами, судомъ
оварищей, коллегіальностью педагогическихъ совѣщаній, онъ
омогалъ людямъ культивировать въ себѣ то, что ведетъ къ
озможной полнотѣ проявленія въ себѣ духовной природы че-
овѣка — въ частности къ улучшенію самой жизни.

Назовите дѣятельность Пирогова на посту попечителя
чебнаго округа, какъ хотите: гуманною, либеральною, разум-
ою и т. п., самъ Пироговъ имѣлъ право считать ее хри-
тіанскою.

При этомъ стоитъ вспомнить такую біографическую по-
робность.

Одинъ его біографъ-современникъ замѣчаетъ, что Пиро-
овъ „не навязывалъ такихъ убѣжденій, которыхъ у моло-
ежи не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и
вуличіемъ“. Въ этихъ словахъ нѣтъ прямыхъ указаній, о
акихъ убѣжденіяхъ Пироговъ не говорилъ съ университет-
кою молодежью, чтобы не навязывать имъ того, чего у нихъ
е можетъ быть, не вызывать притворства и двуличія. Но
ы думаемъ, что среди нихъ были и религіозныя. Полагаемъ
акъ, зная изъ дневника, что Пироговъ цѣнилъ вѣру только
скреннюю, выросшую на внутренней потребности въ ней, а
ъ другой стороны зналъ, что юность есть время безвѣрія,
грицанія и проч. Но если онъ не велъ богословскихъ бе-
ѣдъ, не внушалъ о высотѣ христіанскаго ученія и т. п., то
нъ училъ христіанской жизни въ современномъ обществѣ

примѣромъ своей собственной жизни и благоустройствомъ учебныхъ заведеній, гдѣ дѣтство и юность проводятъ годы, посвященные образованію и воспитанію, годы, когда закладываются основы міросозерцанія, складывается характеръ.

Въ школу вошелъ дѣятель съ сердцемъ, любящимъ человѣка, съ „великимъ умомъ и закаленнымъ характеромъ“, т.-е. личность обладающая качествами, дѣлающими ее способною „руководить жизнью“, хотя бы только школы. Впечатлѣніе онъ произвелъ большое, была критика, но было и сильное вліяніе...

Дѣятельность Пирогова, а главное жизнь его, какъ показатель, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, прекрасно оцѣнена Ушинскимъ.

„Мы знаемъ довольно, говорилъ онъ, но мы желаемъ слабо; насъ слѣдуетъ не столько учить, сколько возвысить и укрѣпить; намъ нужепъ человѣкъ, примѣръ котораго увлекъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ: а другой такой жизни, какова жизнь Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ пародовъ такихъ жизпей не много.

„Наконецъ-то, говоритъ еще Ушинскій, мы имѣемъ среди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло паши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена“.

Черезъ три года Пирогова убрали. Онъ оказался болѣе педагогомъ, чѣмъ надо было для общества, боявшагося слишкомъ смѣлыхъ шаговъ, отклоняющихъ школу отъ рутины. Непосредственное вліяніе его на школу прервалось, но долго еще послѣ того всякая ссылка на то, что такъ дѣлалось при Пироговѣ, служила авторитетнымъ указаніемъ, что данная мѣра полезна и осуществима.

Въ цитированной раньше статьѣ журнала „Время“ читаемъ слѣдующія строки:

„Не часто приходится нашей критикѣ имѣть дѣло съ такими свѣтлыми явленіями русской жизни, каковъ Пироговъ... Рѣдко, рѣдко слышится истинно честный, энергичный голосъ, повторяющій незаученныя фразы и идущій прямо отъ сердца...

Немногимъ людямъ удается такъ хорошо поставить себя во мнѣніи общества, какъ это удалось г. Пирогову. Онъ обратилъ на себя вниманіе всего нашего образованнаго меньшинства, какъ представитель нѣкоторыхъ лучшихъ его упованій. Его внѣшніе успѣхи принимались обществомъ за знаменіе добраго лучшаго времени, а неудачи служили указаніемъ ему на подводные камни для русскаго прогресса...

„И если подумать, что такая энергическая воля должна была дѣлать по необходимости уступки средѣ, въ которой хотѣла проводить свои убѣжденія, если подумать, что въ нашей жизни сдѣлался ненужнымъ такой дѣятель, какъ Пирогов, то невольно задумаешься надъ такой жизнью“.

Въ чемъ же заключалась причина удаленія Пирогова?

Въ своей автобіографіи онъ говоритъ, что „долженъ былъ оставить свой постъ, несмотря на рѣшимость и увѣренность удержать необдуманный порывъ молодежи во взволнованномъ политическими интригами краѣ“. Причиной были борьба съ властью, желавшею навязать Пирогову тайно-полицейскій надзоръ, и какая-то очернившая его клевета. Каково было отношеніе къ Пирогову кіевской администраціи, видно изъ воспоминаній одного изъ его недоброжелателей, В. Д. Кренке [1]).

„...Въ бесѣдѣ съ Васильчиковымъ, я (В. Д. Кренке) замѣтилъ, что мѣры, принимаемыя противъ польской пропаганды, уже слишкомъ палліативны. Васильчиковъ отвѣчалъ, что это замѣчаніе совершенно вѣрно, но что онъ безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя по указанію изъ Петербурга. Даже первое заявленіе мое, говорилъ В., о Н. И. Пироговѣ осталось безъ отвѣта, а при второмъ представленіи я долженъ былъ оговорить, что если не получу удовлетворительнаго отвѣта, то самъ долженъ буду просить объ увольненіи отъ должности“.

„О Пироговѣ князь В. говорилъ такъ: кто же не знаетъ что Пироговъ, какъ хирургъ, составляетъ гордость Россіи, а трактатъ его о воспитаніи юношества можетъ считаться наряду съ евангельскими поученіями, но Пироговъ представляетъ лучшій примѣръ того, что великій ученый, великій мыслитель можетъ быть плохимъ администраторомъ-педаго-

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“, 1883, т. XIV, стр. 107.

гомъ. Лично онъ достигъ необычайной популярности между студентами и гимназистами, но совершенно распустилъ эти заведенія, какъ бы растлилъ ихъ. Возможно ли допустить, чтобы студенты и гимназисты, во всякое время дня и ночи, имѣли свободный доступъ къ попечителю учебнаго округа, чтобы мальчики прямо, непосредственно заявляли попечителю свои жалобы, свои неудовольствія, свои желанія. Не только студенты, но и гимназисты приноровились къ тону Пирогова, они умѣли вторить его идеямъ, умѣли расположить Пирогова въ свою пользу, и Пироговъ, растаявъ отъ жалобныхъ словъ мальчишекъ, являлся въ гимназію и въ присутствіи воспитанниковъ распекалъ и гувернеровъ, и инспекторовъ, и директоровъ; студенты такъ же дѣйствовали относительно ректора и лучшихъ профессоровъ, такъ что при Пироговѣ, по крайней мѣрѣ въ самомъ Кіевѣ, все начальство университета и гимназій потеряло всякое значеніе для студентовъ и гимназистовъ. Студенты и гимназисты знали только одного Пирогова и болѣе ровно ни на кого не обращали вниманія; и студенты, и гимназисты сдѣлались совершенно необузданными.

„Чаще всего являлись къ Пирогову полячки съ жалобами на русскихъ воспитателей, учителей, инспекторовъ и проч., и русскіе люди, преслѣдуемые попечителемъ, поневолѣ должны были искать защиты у гражданской администраціи. Далѣе Васильчиковъ продолжалъ, что все это въ дружеской бесѣдѣ онъ высказывалъ и Пирогову, но Пироговъ слушалъ это съ явнымъ неудовольствіемъ и рѣзко отвѣчалъ, что „въ дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ обученія дѣтей и юношей національностей нѣтъ, всѣ дѣти равны, кто бы ни были ихъ отцы и матери“. Пироговъ остался при своемъ мнѣніи, несмотря на возраженіе Васильчикова, что такіе принципы не могутъ имѣть мѣста въ то время, когда взаимная національная ненависть возбуждена въ высшей степени, и что польскіе мальчики, жаловавшіеся Пирогову на русскихъ наставниковъ, несомнѣнно говорили не по своей дѣтской иниціативѣ, а по наставленію родителей и родственниковъ своихъ—поляковъ.

„Выслушавъ длинный разсказъ Васильчикова, я отвѣчалъ ему, что въ сужденіяхъ своихъ о Пироговѣ могу быть пристрастнымъ... чту въ немъ спасителя своего; но долженъ сказать правду, что все, сейчасъ слышанное, повторяется во всемъ

городѣ, что во многихъ русскихъ кружкахъ сильно негодуютъ на Пирогова за то, что университетъ и гимназіи дѣйствительно доведены до крайней распущенности.

„Кіевскій гражданскій губернаторъ, генералъ Гессе, приводилъ мнѣ примѣры нравственнаго вліянія Пирогова на студентовъ. Полиція провѣдала, что въ такой-то день, въ такомъ то мѣстѣ, назначена была большая сходка студентовъ. Гессе поѣхалъ къ Пирогову; Пироговъ призвалъ къ себѣ двухъ студентовъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ и сходка не состоялась. Въ другой разъ, полиція донесла Гессе, что въ польскомъ трактирѣ, въ концѣ города, собралось множество студентовъ-поляковъ и они громко поютъ революціонныя пѣсни. Гессе опять поѣхалъ къ Пирогову; Пироговъ со своимъ человѣкомъ послалъ туда записку и всѣ студенты безъ малѣйшаго шума разошлись по домамъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Гессе самъ долженъ былъ ѣздить къ Пирогову; послать къ нему полицеймейстера или чиновника нельзя было,—Пироговъ ихъ не принималъ, да и самому Гессе не рѣдко приходилось ожидать въ пріемной выхода Пирогова. Такое огромное нравственное вліяніе попечителя на учащуюся молодежь могло бы быть очень благотворнымъ, но къ сожалѣнію вышло наоборотъ“.

Оставляя въ сторонѣ подробности, невольно возбуждающія сомнѣнія въ безпристрастіи разсказчика, изъ изложеннаго можно видѣть, что коренная разница въ пониманіи вещей заключалась въ томъ, что когда Пироговъ думалъ, что онъ сдерживаетъ молодежь отъ политическихъ выступленій, высшая въ краѣ административная власть находила, что онъ молодежь балуетъ и что, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ плохой администраторъ.

Само собою разумѣется, что наибольшее безпокойство администраціи причиняли студенческіе безпорядки, и намъ понятно, что въ выборѣ мѣръ для ихъ прекращенія Пироговъ не могъ достичь соглашенія съ администраціею. Его прямой, открытый характеръ не допускалъ кривыхъ и темныхъ путей для воздѣйствія на молодежь. Онъ внушалъ ей уваженіе къ закону, исполненіе долга, зналъ, что она способна на вспышки, порывы, страстныя увлеченія и видѣлъ, что именно эти ея стороны всего раньше бросаются въ глаза. А между тѣмъ,

какъ онъ самъ говоритъ, „кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству“. Въ отношеніяхъ Пирогова къ молодежи можно видѣть, на сколько дорого ему было каждое хорошее побужденіе, хотя бы оно вылилось въ неодобряемыя имъ формы, и какая осторожность требовалась, по его убѣжденію, при удаленіи сорной травы, чтобы не вырвать, не помять добрыхъ всходовъ. Когда воскресныя школы были закрыты по подозрѣнію, что въ нихъ шла политическая пропаганда, Пироговъ высказался противъ гуртовой подозрительности, недовѣрія, и прекращенія полезной дѣятельности этихъ школъ. Школы были открытыя, за ними былъ надзоръ, но, напоминаетъ онъ, „надзоръ не есть исповѣдь намѣреній, а зоркое наблюденіе проявленій“. „Одна возможность злоупотребленій не даетъ еще нравственнаго права уничтожать кажущееся подозрительнымъ“. „Можно ли найти гарантіи противъ ложнаго или вреднаго направленія (школы) иначе, какъ путемъ опыта“.

Кн. Васильчиковъ едва ли могъ быть судьею административныхъ способностей Пирогова. Судя по тому, какія мѣры онъ рекомендовалъ Пирогову для прекращенія безпорядковъ, можно думать, что и въ оцѣнкѣ способностей Пирогова онъ стоялъ на губернаторской точкѣ зрѣнія, и не подозрѣвая, что есть разница между управленіемъ учебнымъ округомъ и управленіемъ губерніею. Но что можно уже увѣренно утверждать, это то, что родители кіевскихъ студентовъ времени Пирогова, а впослѣдствіи и сами тогдашніе студенты, были признательны попечителю округа за то, что онъ берегъ молодежь, вѣрилъ, что ихъ заблужденія и горячія вспышки преходящи.

Въ это же время педагоги рѣшали, между прочимъ, вопросъ, имѣющій весьма существенное общественное значеніе: можно ли исключеніе изъ учебнаго заведенія считать наказаніемъ? И рѣшали, что нельзя. Наказаніе можетъ налагаться только при увѣренности, что оно послужитъ къ исправленію; исключеніе же есть лишеніе возможности, а часто и права, получить образованіе. Исключеніе изъ школы не исключаетъ

юноши изъ общества, и послѣднее въ лицѣ исключаемаго пріобрѣтаетъ члена испорченнаго, часто вреднаго. Въ интересахъ общества, чтобы воспитаніе такихъ личностей продолжалось въ общихъ или въ особыхъ заведеніяхъ, гдѣ, предполагается, собраны всѣ средства для образованія и воспитанія, и матеріальныя, и личныя.

Еще во времена Пирогова, кромѣ его голоса слышались порою голоса и другихъ педагоговъ, давались иные совѣты, въ родѣ рекомендаціи пощечины, какъ средства моментальнаго сотрясенія. Но они казались тогда единичными явленіями, только и достойными памятника, воздвигаемаго имъ Добролюбовымъ въ свисткѣ или въ журнальной рецензіи. Теперь мы знаемъ, что то были голоса изъ толпы, стоящей за кулисами и ждущей мановенія руки режиссера, чтобы выступить на сцену. Они позже и выступили, оттѣснивъ собою тѣхъ, чьи голоса въ предшествующую эпоху раздавались слишкомъ громко. Тогда же пошелъ рѣзкій разладъ между педагогической литературой и практикой школы, о которомъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]).

VII.

Бывши попечителемъ Кіевскаго округа, Пироговъ созвалъ особую комиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ для объединенія взглядовъ педагоговъ, служащихъ въ разныхъ заведеніяхъ округа, на проступки гимназистовъ и налагаемыя за нихъ наказанія. Результатомъ совѣщаній явились „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ...“, напечатанныя въ „Журналѣ для воспитанія“. Въ объяснительной запискѣ Пироговъ заявлялъ, что не слѣдуетъ считать Правила законченными и не подлежащими улучшеніямъ и просилъ всѣхъ интересующихся дѣломъ сообщать ему свои критическія замѣчанія.

---

[1]) Очень интересные очерки этого періода жизни Пирогова читатель найдетъ въ брошюрахъ:

В. Чернышевъ. Педаг. дѣятельность Н. И. Пирогова. Спб. 1911. Отдѣльныя оттиски изъ ж. Рус. Школа. Ц. 40 к.

А. Аѳонскій. Н. И. Пироговъ. М. 1191.

На это приглашеніе Добролюбовъ отозвался статьею „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“ [1]).

Мы не знаемъ, кому принадлежала мысль составить Правила: созывалъ ли Пироговъ комиссію, придя уже къ сознанію необходимости составленія Правилъ, или мысль эта принадлежитъ кому-нибудь другому изъ членовъ, была заявлена на засѣданіи и понравилась остальнымъ. Второе кажется намъ вѣроятнѣе. Пироговъ говоритъ только о произволѣ, капризахъ и настроеніяхъ наказывающихъ учителей и о своемъ желаніи побороться съ этими педагогическими грѣхами. Кто бы ни былъ иниціаторомъ самой мысли, Правила съ табличкой проступковъ и съ 3 степенями наказаній, предназначенной для выставленія ея въ классахъ, хотя бы она была составлена разумнѣе и не признавала права существованія тѣлеснаго наказанія, совершенно не соотвѣтствуетъ задачамъ воспитанія. Школа — не судъ, школа — воспитательное учрежденіе, гдѣ должны господствовать живыя отношенія между разумно-выбранными наставниками и ихъ питомцами. Въ запискѣ говорилось, что цѣль правилъ внушить гимназистамъ мысль, что ни одинъ проступокъ не останется незамѣченнымъ и ненаказаннымъ. Старая школа очень любила внушать эту мысль учащимся, но каждому понятно, что нѣтъ такого заведенія, гдѣ начальство знало бы о всѣхъ проступкахъ ея питомцевъ. Далѣе. Надо помнить, что иной живой мальчикъ въ теченіе дня нашалитъ 10 разъ, а самолюбивый можетъ нагрубить чуть не столько же разъ. Какъ въ такихъ случаяхъ быть школѣ, держащейся принципа, что ни одинъ проступокъ не долженъ оставаться безъ наказанія?

Эти правила были данью строю казенныхъ учебныхъ заведеній прежняго времени, который Пироговъ называетъ административнымъ въ отличіе отъ педагогическаго, устанавливающагося тамъ, гдѣ дѣло ведется педагогами по призванію.

Въ старой школѣ наставники — начальство, учащіеся — подчиненные. Среди проступковъ наиболѣе строго преслѣдуются проступки дисциплинарные: непослушаніе, дерзость, ложь и запирательство. Правила о наказаніяхъ составлены въ соотвѣтствіи съ такимъ духомъ. Это страничка изъ Уложенія о наказа-

---

[1]) Современникъ, 1860, № 1.

ніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Проступки, три степени виновности, которымъ соотвѣтствуютъ три наказанія. Таблица вывѣшивается въ классѣ, чтобы никто незнаніемъ закона отговариваться не могъ. Пироговъ въ своей дѣятельности, постоянно стремился къ тому, чтобы въ этотъ административный строй школы вдвинуть педагогическія начала, болѣе соотвѣтствующія учебновоспитательному дѣлу. Само собою разумѣется, что чѣмъ шире область захватывала въ свое вѣдѣніе педагогика, тѣмъ болѣе должно было потѣсниться административное начало. Въ этихъ видахъ къ правиламъ о наказаніяхъ Пироговъ прибавилъ совѣты о сближеніи наставниковъ съ учениками, о разборѣ проступка, о бесѣдѣ съ виновнымъ и многое другое, введенное новою школою. Но къ чему эти бесѣды, когда таблица опредѣленно и категорически говоритъ: за такой-то проступокъ—въ карцеръ. Эти бесѣды при сердечности, недопускающей высокомѣрія всегда праведнаго наставника, безъ застращиванія и угрозъ, могутъ привести къ вполнѣ сознательному отношенію ученика къ своему проступку и сдѣлать не нужными ни карцеры, ни розги. Новыя школы тогда уже стремились къ тому, чтобы совсѣмъ обойтись безъ наказаній и многія вполнѣ достигали этого. Пироговъ, со своей стороны, тоже подтверждалъ, что полное разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ проступокъ, можетъ привести наставника къ признанію безполезности наказанія. Выходила непослѣдовательность и противорѣчія.

Въ частности о розгѣ въ запискѣ было сказано:

„Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравствен-

ную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ: она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ руки родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ и возмущающимъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для ихъ наказанія (по крайней мѣрѣ въ началѣ) въ случаяхъ нетерпящихъ отлагательства“ (I,119).

Записка была написана отъ имени попечителя, и Добролюбовъ былъ пораженъ и возмущенъ тѣми противорѣчіями, которыми полна записка и сама по себѣ и по сравненію ея выводовъ съ мыслями, раньше изложенными Пироговымъ въ его статьяхъ. Высказываясь о правилахъ, Добролюбовъ ни малѣйшимъ образомъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ впечатлѣній и чувствъ, адресуя ихъ лично къ Пирогову. „Пироговъ, пишетъ онъ, чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленные ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ злодѣяніе, регулярно совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ заведеній“ (290). Въ Правилахъ совершается „неловкое и неуклюжее балансированіе на розгахъ“ (291). Въ нихъ—„изумительная путаница понятій, безтолковѣйшій разладъ противорѣчащихъ мыслей“ (293). Правила эти—„грязный и темный омутъ“.

Въ сохраненіи Правилами розогъ Добролюбовъ прямо винитъ Пирогова. „Для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ,—и не будутъ сѣчь... И безъ всякаго сомнѣнія, Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ признавалъ розги рѣшительно ни къ чему не годными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что призналъ ихъ пользу, хотя до нѣкоторой степени“ (295). Въ послѣднихъ строкахъ мы видимъ, что Добролюбовъ пришелъ къ заключенію, что Пироговъ, перейдя съ теорети-

ческой почвы на практическую, измѣнилъ свой взглядъ на розгу.

Въ концѣ статьи Добролюбовъ сообщаетъ о тѣхъ общихъ выводахъ, къ какимъ онъ желалъ бы привести читателей. Эти выводы онъ излагаетъ въ видѣ совѣтовъ, на этотъ разъ уже не дѣлая указаній, что рѣчь идетъ о Пироговѣ.

„Нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять безполезно на мѣстѣ, нужно идти за кѣмъ-нибудь, и для этого выбрать себѣ руководителя. Но, отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятіе о цѣли пути и о самой дорогѣ... Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету, нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти другіе были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно и даже, можетъ быть, не безполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все-таки само дѣло должно быть впереди“ (309).

Эти мысли, пока онѣ высказываются, какъ общія мысли, надо признать правильными. Но когда отъ общей мысли Добролюбовъ переходитъ къ осужденію живого лица, Пирогова, то для насъ является обязательнымъ, по совѣту самого Добролюбова, не довѣряться его собственному авторитету и провѣрить, имѣлъ ли онъ основаніе утверждать, что Пироговъ совершилъ проступокъ и правильно ли онъ судитъ о значеніи проступка.

Повидимому, одно время Добролюбовъ самъ усомнился, справедливо ли заключать изъ Правилъ, что Пироговъ отказался отъ своего мнѣнія о розгахъ. „Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать ту странную легкомысленность и противорѣчія, какія встрѣчаются въ ка-

ждой строчкѣ Правилъ *тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи*“ (298). Но если бы оказалось, что Пироговъ не измѣнилъ своего мнѣнія о розгѣ, то къ нему все же слѣдуетъ предъявить другое обвиненіе въ томъ, что онъ принялъ *міру*, противную его *убѣжденіямъ*, сдѣлалъ уступку и, какъ рѣшилъ Добролюбовъ,—по дурному побужденію: изъ желанія сдѣлать угодное тѣмъ „практикамъ, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290“. И, не разбираясь въ этихъ сомнѣніяхъ, Добролюбовъ продолжаетъ свою обвинительную рѣчь противъ Пирогова.

Нѣкоторые свидѣтели этой полемики высказывали удивленіе, почему на розгу было обращено исключительное вниманіе вмѣсто того, чтобъ говорить о тѣлесныхъ наказаніяхъ вообще; точно люди, хотѣвшіе вывести розги, допускали дранье за уши и за волосы, постановку на колѣни и пр. Надо было бы направить силы на смягченіе нравовъ школы, а не на однѣ розги.

Безспорно, надо хлопотать о смягченіи нравовъ, но почему розга выплыла на первый планъ, это вполнѣ понятно. Другія наказанія могутъ быть объяснены аффектомъ. Учителя взорвало отъ дерзости ученика, онъ схватилъ его за уши и отодралъ. Эта несдержанность не дозволяется, а самое большее—извиняется. Это наказаніе лежитъ въ области взаимоотношеній, грубы онѣ, грубы и ихъ проявленія. Такія наказанія отнюдь не узаконены, просто онѣ у насъ въ обычаѣ. Смягчатся нравы, и эти наказанія выведутся.

Не то розга. Она узаконена. Она въ сущности выражаетъ право наставника распоряжаться тѣломъ и духомъ ученика: причинять ему и боль и позоръ. Если ученикъ сопротивляется, пускается въ ходъ насиліе. И исполнитель наказанія знаетъ заранѣе, что ученикъ не дастся, что придется насильно повалить и удерживать наказуемаго. Можетъ быть, ученикъ запасется пожомъ, надо будетъ бороться, и вся эта мерзкая процедура имѣетъ свое оправданіе, ибо безъ этого насилія не используешь того права, которое предоставлено закономъ. Сѣченіе розгами есть остатокъ крѣпостного права, не признававшаго человѣческаго достоинства, передавшаго лицу, занимавшему извѣстное общественное положеніе, право распоряжаться ниже его поставленными личностями, ихъ

судьбою, позорить ихъ, владѣть ими. Воспитаніе „человѣка“ не совмѣстимо съ розгой. Оно имѣло въ виду подъемъ духа, пользованіе и культивированіе всего, что есть въ человѣкѣ лучшаго, наиболѣе возвышеннаго, и ставило себѣ одною изъ цѣлей контроль духа надъ плотью. Розга дѣлала внушеніе духу черезъ плоть, какъ бы подчиняя рѣшенія духа соображеніямъ о боли, внушая страхъ и покорность передъ тѣмъ, на чьей сторонѣ право употребить физическую силу для приведенія къ покорности.

И понятно, что ни Пироговъ, ни Добролюбовъ, не могли не возставать противъ этого пережитка крѣпостного права, сохранившагося въ школѣ. Немудрено, что Добролюбовъ, съ нѣкоторою прямолинейностью рѣшивъ, что Пироговъ, занявъ административный постъ, отрекся отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, счелъ, что онъ сталъ ретроградомъ, лицомъ совсѣмъ другого лагеря.

Разбирая присланныя ему критическія завѣчанія на Правила, Пироговъ отвѣтилъ и Добролюбову. Онъ призналъ, что въ Запискѣ о Правилахъ много противорѣчій, и подтвердилъ, что онъ лично остался при своемъ прежнемъ убѣжденіи о вредѣ розги, и внесеніе въ Записку его мнѣній должно было напоминать читателю о томъ, что рѣшенія Комиссіи не сходятся съ извѣстными ему взглядами попечителя. Печать мыслей Пирогова видна даже на тѣхъ заключительныхъ строкахъ, которыя особенно возмущали Добролюбова: „Отказаться отъ розги *трудно*“ (но не невозможно); „она сохраняется пока“ (а не навсегда).

Итакъ, утверждать, что Пироговъ, ставъ во главѣ практиковъ, измѣнилъ свои убѣжденія, не приходится.

Но въ такомъ случаѣ Пирогову можетъ быть сдѣланъ другой упрекъ. Онъ изложилъ Записку отъ своего лица и прикрылъ своимъ авторитетомъ мнѣнія, противъ которыхъ ему слѣдовало бы побороться.

Обычно протоколы пишутся въ такой формѣ: По данному вопросу въ пользу такого-то рѣшенія были высказаны такія-то соображенія, противъ него — такія-то. Большинствомъ голосовъ принято такое-то рѣшеніе. Пироговъ отступилъ отъ этой формы и затемнилъ пониманіе того, что происходило на совѣщаніи, хотя въ запискѣ и упомянулъ, что за розгу

стояло большинство. Трудно не признать, что Пироговъ сдѣлалъ ошибку. Съ другой стороны, не думается, чтобы у Пирогова не было своихъ резоновъ замѣнить старую форму протокола новою. Могло быть, что онъ желалъ осуществить такимъ образомъ коллективную отвѣтственность за коллективное рѣшеніе и принялъ на себя эту отвѣтственность, какъ на представителя Комиссіи, въ которой онъ предсѣдательствовалъ. Могли быть и иныя побужденія.

Но это—вопросъ только о редакція протокола. Въ сущности къ Пирогову предъявлялось болѣе тяжкое обвиненіе: онъ принялъ мѣру, противную своимъ убѣжденіямъ, тогда какъ имѣлъ власть не утвердить рѣшеніе большинства и, согласно со своими убѣжденіями, запретить сѣченіе. Такой исходъ дѣла и рекомендовалъ Добролюбовъ.

Предложеніе Пирогову такого выхода упускало изъ виду, что рѣшеніе педагогическаго комитета о розгахъ поставило его между двумя принципами: 1) сѣченіе вредно, а потому недопустимо и 2) попечитель учебнаго округа не начальникъ, а миссіонеръ. Держась перваго принципа, онъ могъ не утвердить рѣшенія комитета, но въ такомъ случаѣ онъ сталъ бы въ противорѣчіе со вторымъ. Очевидно, предстояло сдѣлать выборъ. Пироговъ роли начальника предпочелъ роль миссіонера-писателя. Конечно, можно различно судить объ этомъ предпочтеніи, но въ пользу выбора Пирогова останется то, что циркуляръ одного попечителя можетъ быть отмѣненъ такимъ же смѣнившимъ его черезъ мѣсяцъ другимъ попечителемъ, тогда какъ статья, подписанная именемъ Пирогова, остается нерушимою передъ духовными очами многихъ поколѣній.

Надо добавить къ этому слѣдующее.

Въ то время не только педагогическія совѣщанія впѣшкольныя, но и педагогическіе комитеты въ новыхъ и обновляемыхъ заведеніяхъ имѣли особое значеніе. Большинство тогдашнихъ дѣятелей школы, особенно молодые, были автодидакты, люди, искавшіе педагогическаго самообразованія, потребность котораго сильно чувствовалась. Личный опытъ, у кого онъ былъ, лежалъ въ дореформенной школѣ, и многое надо было передумать, во многомъ принципіально разобраться. Комитетъ не могъ быть исключительно распорядительнымъ

учрежденіемъ; онъ обращался въ своеобразную педагогическую академію, гдѣ устанавливались основы воспитанія, достигались соглашенія, а все это звало — учиться и учиться. Пироговскіе комитеты имѣли такой же характеръ, и онъ, подобно другимъ дѣятелямъ того времени, долженъ былъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобъ избѣжать неутвержденія рѣшенія комитета, потому что это заставило бы членовъ комитета съежиться. Насколько члены его комитета чувствовали себя независимыми, видно уже изъ того, что большинство ихъ пошло противъ предсѣдателя, зная его мнѣніе о розгѣ.

Пироговъ прекрасно понималъ, съ какими сотрудниками ему приходится вести дѣло. Достаточно просмотрѣть его циркуляры, чтобы видѣть, насколько большинство ихъ туго воспринимало самыя элементарныя дидактическія требованія; привыкнувъ къ формализму, оно оказывалось неспособнымъ вдумчиво отнестись къ собственной работѣ. И тѣмъ не менѣе, дорожа только тѣмъ, что дѣлается по убѣжденію, Пироговъ хотѣлъ и съумѣлъ двинуть на работу этихъ привыкшихъ къ рутинѣ учителей. „Не лучше ли, писалъ онъ въ циркулярѣ о комитетахъ, при шаткости нашихъ убѣжденій, похлопотать предварительно о лучшей организаціи той среды, къ которой мы принадлежимъ, и постараться путемъ убѣжденія и добросовѣстнаго труда развить здравое мнѣніе объ обязанностяхъ въ этой самой средѣ“. Сказавъ, что педагогамъ не приходится ждать указаній извнѣ, а надо „вырабатывать педагогическое искусство извнутри, изъ самого себя“, онъ далѣе говоритъ, что остается одно: „и именно то, что покуда и дѣлается,—*хотя и съ грѣхомъ пополамъ*: предоставить рѣшеніе большинству голосовъ коллегіальнаго учрежденія, считая — хотя и поневолѣ—его членовъ опытнѣйшими педагогами“ [1]). Очевидно, Пироговъ и здѣсь, какъ въ воспитаніи „человѣка“, какъ въ образованіи христіанскаго идеала жизни, желалъ, чтобъ люди двигались впередъ по сознательно избранному пути, самъ шелъ впереди другихъ, не смущаясь тѣмъ, что его сторонники шли вначалѣ нетвердо, неувѣренно, что трудъ ихъ былъ далекъ отъ совершенства. Онъ принадле-

---

[1]) Соч. Изд. 1910, т. I, стр, 100—102.

жалъ къ строителямъ жизни, обрекающимъ себя на неустанную и постоянную обработку нивы, зная, что трудиться ему приходится не на нови, а на почвѣ, уже бывшей въ работѣ. Онъ не мечталъ о переворотѣ, на другой день послѣ котораго наступаетъ миръ и благоволеніе, но началъ такую крупную, можно сказать — радикальную реформу воспитанія, которая не могла быть всѣми и вполнѣ понята, не могла не оказаться многимъ не подъ-силу. Не предвидя, что его миссіонерская роль такъ скоро закончится, онъ могъ вѣрить, что энергіей и трудомъ ему удастся перевоспитать педагоговъ, и несовершенное теперь будетъ улучшено и исправлено.

Въ свою очередь и Добролюбовъ откликнулся на возраженія Пирогова, прихвативъ разныя статейки, отнесшіяся неодобрительно къ нему самому [1]). На этотъ разъ онъ былъ гораздо щедрѣе на доброе слово о Пироговѣ, въ то время уже уволенномъ. „Онъ, по словамъ Добролюбова, не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ“. „Онъ былъ связанъ въ своей дѣятельности существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ. Онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было, въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя строгія запрещенія при другомъ начальникѣ“ (327). Послѣ такого отзыва можно было ожидать, что Добролюбовъ признаетъ неумѣстнымъ свои слова о безсердечіи Пирогова и о путаницѣ понятій у него въ головѣ (см. выше), но вмѣсто этого онъ заявляетъ, что не беретъ назадъ ни одного своего слова, хотя и призналъ въ другомъ мѣстѣ этой же статьи, что среди этихъ словъ были и жесткія и ироническія. Несмотря на такое заявленіе, читатель чувствуетъ, что Добролюбовъ нѣсколько сконфуженъ и сильно смягчаетъ свои приговоры.

Добролюбовъ старательно внушаетъ читателю, что онъ самаго лестнаго мнѣнія о личности и дѣятельности Пирогова, что, дѣлая ему упреки, онъ имѣлъ въ виду только *отдѣльный случай*, показавшій, что самъ Пироговъ слабѣетъ

---

[1]) „Отъ дождя да въ воду“. Соч., изд. 1871 г. т. I.

и падаетъ подъ гнетомъ среды. Въ отсутствіи яснаго и твердаго протеста противъ противныхъ его убѣжденіямъ Правилъ видно „послабленіе“, а въ провозглашеніи, что онъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ—„паденіе“ въ этомъ случаѣ [1]). Значитъ, виновникомъ „разрушенія всероссійскихъ иллюзій“ былъ все же Пироговъ, высокоцѣнимый Добролюбовымъ, и именно такая-то оцѣнка его и вызвала тѣ „горячія тирады автора, которыя могли бы показаться наиболѣе непріятными для самолюбія“ [2]).

Въ то время, когда Добролюбовъ писалъ статью „Отъ дождя да въ воду“, Пироговъ былъ уже забракованъ администраціею. Являлся вопросъ: какая судьба постигнетъ теперь розгу, допущенную Правилами, гдѣ искать пути вывести ее изъ употребленія? Добролюбовъ все же оставался при мнѣніи, что лучше всего было бы запретить ее, не дожидаясь смягченія нравовъ. Пока попечителемъ былъ Пироговъ, „желавшій того же, чего и мы желали“, законодательную власть можно было вручить ему. Но если преемникомъ Пирогова будетъ человѣкъ иного образа мыслей, онъ можетъ наиздавать такихъ законовъ, что и умѣренный педагогъ придетъ въ ужасъ. Очевидно, изданіе законовъ единолично недопустимо. Лучше бы опереться на коллегіальныя учрежденія (въ данномъ случаѣ—педагогическіе комитеты), но изъ отзывовъ кіевлянъ, полемизировавшихъ съ Добролюбовымъ, онъ вывелъ заключеніе, что педагоги Кіевскаго округа до того плохи, что испортятъ дѣло. Даже лучшіе изъ нихъ вовсе не понимали принциповъ Пирогова, а въ своей дѣятельности руководились только желаніемъ угодить начальнику. Гдѣ же искать выхода? Добролюбовъ говоритъ, что въ первой статьѣ онъ уже намекалъ на опасность положенія, а теперь во второй статьѣ даетъ болѣе ясное указаніе на выходъ.

„Дѣло могло бы пойти успѣшно только тогда, говоритъ онъ, когда бы—Пироговъ ли или кто другой—направилъ всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше

---

[1]) Т. I, стр. 338 и 339.

[2]) Тоже, 338.

требованіе отъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальныя требованія,—весьма почтенныя сами по себѣ,—кажутся намъ слабы и мелки". Для единичной личности это невыполнимо. Нужно, чтобы среда обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость существенно измѣнить его, измѣнить такъ, „чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій". „Вотъ смыслъ и цѣль двухъ нашихъ статей по поводу Кіевскихъ Правилъ" (342).

Какъ достичь этого существеннаго измѣненія своего положенія? „Хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья", отвѣчаетъ Добролюбовъ.

Поведя рѣчь о стойкости убѣжденій, примѣняясь къ положенію Пирогова, онъ естественно пришелъ къ вопросу о власти, которая имѣетъ возможность заставить другихъ служить своимъ убѣжденіямъ. Это уже тема не педагогическая только, а общая, касающаяся общественнаго устройства, законодательной власти. Возможность проводить въ жизнь свои убѣжденія въ рукахъ одного лица можетъ служить на пользу, въ рукахъ другого—ко вреду общества, глядя по тому, каковы эти убѣжденія. Но и предоставить законодательную власть учительской коллегіи, какою она представлялась въ то время Добролюбову, было тоже безполезно. Добролюбовъ указалъ трудность рѣшенія вопроса и заговорилъ о распространеніи въ обществѣ здравыхъ идей.

Пироговъ, по своему, на практикѣ, разрѣшилъ этотъ мудреный вопросъ. Начиная свою дѣятельность, онъ заявилъ себя миссіонеромъ, твердо выстоялъ на этой позиціи, понимая, что обществу равно нужны и проповѣдники, и законодательная власть, и раздѣлилъ свою власть съ коллегіею. Законъ представляетъ minimum общественныхъ требованій и можетъ быть не высокъ; но проповѣдникъ не можетъ останавливаться на minimum'ѣ и, побуждая людей къ самовоспитанію, ведетъ за собою общество впередъ и впередъ.

Это рѣшеніе, вѣроятно, не всѣхъ удовлетворитъ въ настоящее время, когда сильно выросло въ людяхъ сознаніе права самимъ устроять свою жизнь; но судить о дѣятельности историческаго лица надо не иначе, какъ въ связи съ условіями времени, а это обязываетъ признать, что такое рѣ-

шеніе задачи въ Пироговское время было и полезно и нужно. Работу нельзя было остановить до появленія хорошихъ наставниковъ; ее надо было вести съ тѣми силами, какія были налицо, и въ то же время улучшать, совершенствовать ее.

Въ своей автобіографіи Пироговъ говоритъ, что его положеніе во время управленія Кіевскимъ округомъ было тяжелое; на него производились давленія, ему навязывался тайно-полицейскій надзоръ, не обошлось безъ клеветы. До современниковъ доходили слухи объ этомъ и, конечно, эти слухи проникали и въ печать, чаще въ видѣ намековъ, чѣмъ ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Такъ, въ цитированной раньше статьѣ журн. „Время“ упоминается, что „были особыя обстоятельства, заставившія Пирогова уступить своему убѣжденію“, но прибавляется, что уступка эта была, можетъ быть, и не нужна. Высказавшись далѣе, что статья Добролюбова была „безспорно желчна, горяча, но была ли она въ сущности несправедлива — это еще вопросъ, авторъ все же отзывается о Пироговѣ, какъ о „честномъ и благородномъ дѣятелѣ, энергичномъ бойцѣ“ и замѣчаетъ, что „дубовъ мало у насъ, а вотъ, если хотите, качающихся по вѣтру осинъ, такъ сколько угодно“.

Авторъ, однако, не счелъ возможнымъ указать, какія это были обстоятельства, чего стоило дубу выстоять бурю и пр. Все, пережитое Пироговымъ изъ-за своего пониманія роли попечителя учебнаго округа, осталось и до сихъ поръ невыясненнымъ. Очевидно, интересующія насъ свѣдѣнія не вышли еще изъ архивовъ на свѣтъ Божій.

Добролюбовъ въ этомъ отношеніи счастливѣе Пирогова. Матерьялы для психологіи автора „Всероссійскихъ иллюзій“ доступнѣе и потому болѣе использованы. Рѣдкій изъ біографовъ Добролюбова проходитъ мимо эпизода его нападенія на Пирогова, не попытавшись дать ему толкованіе. Несомнѣнно, Добролюбовъ имѣлъ право и основанія критиковать „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ“, могъ не одобрять дѣйствій Пирогова, какъ попечителя, но его критическіе пріемы въ двухъ его полемическихъ статьяхъ оказались настолько ниже его установившейся репутаціи, какъ критика и публициста, что читатель невольно ищетъ особыхъ при-

чинъ, почему Добролюбовъ, говоря о Пироговѣ, точно сбился съ пути и пошелъ не своей дорогой.

Такъ В. Чернышевъ, подробно разобравъ дѣятельность Пирогова на посту попечителя и сопоставивъ съ нею оцѣнку ея Добролюбова, вынужденъ былъ высказать такой приговоръ работѣ послѣдняго:

„Вниманія къ существу дѣла [1]), знанія житейскихъ условій и отношеній, полнаго безпристрастія знаменитый критикъ-публицистъ здѣсь не показалъ. Рѣзкость тона, высокомѣрное отношеніе къ противникамъ, выступившимъ въ защиту Пирогова, не бросаются въ глаза только крайнимъ почитателямъ Добролюбова“.

Мы уже высказались, что и въ тѣхъ упрекахъ Пирогову, гдѣ Добролюбовъ справедливъ, онъ обнаруживаетъ такую явную „запальчивость и раздраженіе“, къ какимъ онъ не пріучилъ своихъ читателей. Гдѣ причина этого? Говорятъ: въ сильномъ разочарованіи въ Пироговѣ, у котораго Добролюбовъ предполагалъ бо́льшую стойкость убѣжденій, чѣмъ какую онъ обнаружилъ на дѣлѣ. Но откуда же эта рѣшительность сужденій, когда дѣло представляется не совсѣмъ яснымъ? Почему онъ такъ легко допускаетъ въ Пироговѣ дурныя черты, напр., безсердечное отношеніе къ наказываемымъ, угодливость передъ подчиненными и т. д., когда у него не было фактовъ для подтвержденія этихъ обвиненій [2]).

С. Я. Штрайхъ [3]) даетъ такое толкованіе психологіи того и другого во время этого эпизода.

Обществу того времени „не могли быть видны душевныя страданія Пирогова, вынужденнаго отступать отъ идеала при осуществленіи его въ жизни, и толпа не понимала, что только изъ желанія спасти хоть немногое шелъ иногда знаменитый педагогъ по одному пути съ малодушными и робкими... Страдая отъ вынужденнаго раздвоенія, знаменитый гуманистъ не могъ себѣ позволить роскоши пассивнаго про-

---

[1]) Н. И. Пироговъ—попечитель Кіевскаго учебнаго округа. Русская Школа, 1910 г. № 12.

[2]) Въ автобіографіи Пирогова, написанной позже, приводятся факты, свидѣтельствующіе, что Добролюбовъ не понималъ, что творилось въ душѣ Пирогова при чтеніи отчетовъ гимназій.

[3]) Н. А. Добролюбовъ. Р. Школа, 1911, № 11, стр. 23.

теста и оставался на службѣ: вѣдь отъ подозрѣнія въ корысти онъ, популярнѣйшій практическій врачъ, былъ свободенъ, а подозрѣніе въ тщеславіи, въ карьеризмѣ не могло возникнуть относительно Пирогова, который даже не понималъ этихъ побужденій. Но въ 1859—1861 г. Добролюбовъ не считался съ настроеніями и соображеніями представителей либерализма, хотя бы и самыхъ идеальныхъ, даже и Пирогова, въ установленіи педагогической славы котораго онъ самъ нѣкогда принималъ участіе. Добролюбовъ въ это время совершалъ уже подъ вліяніемъ Чернышевскаго переходъ отъ либерализма къ соціализму и отъ легальной оппозиціи перешелъ къ болѣе радикальнымъ требованіямъ человѣческаго блага. Увлеченный новыми идеями, онъ оставилъ даже любимаго имъ Герцена и, конечно, считалъ своимъ долгомъ тѣмъ рѣзче нападать на разладъ между словомъ и дѣломъ у Пирогова, чѣмъ выше былъ авторитетъ славнаго мыслителя. Добролюбовъ опасался вліянія этого авторитета на толпу, которая въ терпимости Пирогова къ поборникамъ розги могла черпать убѣжденіе въ провиденціальности ея миссіи: вѣдь самъ Пироговъ оставилъ розгу въ школьномъ кодексѣ. Большая публика въ этомъ столкновеніи двухъ теченій общественной мысли приняла сторону Пирогова, который могъ здѣсь повторить поговорку о друзьяхъ и врагахъ, — и забила тревогу, высказывая опасенія за судьбу отечественнаго прогресса, главныхъ дѣятелей котораго развѣнчиваютъ разные молодые люди. Посыпались письма въ редакціи газетъ и журналовъ, и авторами ихъ были представители того самого общества, которое не только не умѣло, но и не понимало, какъ поддержать реформаторскую дѣятельность знаменитаго хирурга и педагога. Понятно, что когда въ самый разгаръ осуществленія величайшей изъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, Пироговъ своимъ проникновеннымъ умомъ уже провидѣлъ едва только намѣчавшуюся на поверхности жизни реакцію, большинство изъ чествовавшихъ его по случаю ухода съ поста попечителя Кіевскаго округа не могло понять радости Добролюбова о томъ, что теперь уже по крайней мѣрѣ защитники розги не имѣютъ за себя авторитета человѣка, который дѣйствительно пріобрѣлъ себѣ на Руси репутацію человѣка непреклоннаго и твердаго. И мимо сознанія этого большинства

прошло заявленіе критика „Современника“, что въ нападкахъ на Пирогова онъ боролся съ системой, ничего не имѣя противъ его личности и хорошо понимая причины того или иного направленія дѣятельности кіевскаго попечителя“:

Въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Штрайхъ говоритъ по поводу статей „Всероссійскія иллюзіи“ и „Отъ дождя да въ воду“: „эти двѣ статьи знамениты въ лѣтописи русской журналистики 60-хъ годовъ, главнымъ образомъ, по тому шуму, который онѣ вызвали смѣлостью, вѣрнѣе рѣзкостью тона молодого критика-публициста“.

Переходъ Добролюбова отъ либерализма къ соціализму и отъ легальной оппозиціи къ болѣе радикальному способу дѣйствій, конечно, можетъ служить объясненіемъ тона, въ какомъ заговорилъ онъ о Пироговѣ въ своихъ полемическихъ статьяхъ. Ихъ пути разошлись. Пока можно было считать, что Пироговъ „желаетъ того же, чего и мы желаемъ“, онъ былъ свой человѣкъ, если не единомышленникъ въ частностяхъ, то одного направленія въ существенномъ. Теперь, когда Добролюбовъ собирался выходить на новую дорогу, а Пироговъ оставался на мѣстѣ, связи легко могли порваться. Прочными онѣ и не могли быть. Заявивъ въ первой же статьѣ, что видитъ идеалъ „человѣка“ въ Откровеніи, Пироговъ тѣмъ самымъ сказалъ, что онъ не позитивистъ и не утилитаристъ, т.-е. плыветъ противъ теченія. И Добролюбовъ, въ первое время не вступая прямо въ полемику съ Пироговымъ, въ рецензіяхъ разныхъ книгъ, опровергалъ мысли, занимавшія видное мѣсто въ міросозерцаніи Пирогова. Такъ, разбирая соч. Ю. Савича „О неизбѣжности идеализма въ матерьялизмѣ“ [1]), онъ говоритъ:

„Намъ казалось, что мы съ дуализмомъ давно уже порѣшили... Мы думали, что недостойно образованнаго человѣка заниматься теперь серьезно антагонизмами двухъ противоположныхъ началъ въ мірѣ и въ человѣкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ распространилась общеизвѣстная нынѣ истина, что сила есть неизбѣжное свойство матеріи, и что матерія существуетъ для нашего сознанія лишь въ той мѣрѣ, какъ обнаружива-

---

[1]) Сочин. Т. III, стр. 149.

ются въ ней какія-нибудь силы,—съ этихъ поръ мы считали совершенно ненужными этихъ Ормуздовъ и Ариманова"...[1]).

Понятно, что разногласіе въ вопросахъ научныхъ и этическихъ могло разрѣшаться обычными пріемами литературной критики; иное дѣло, когда разность мнѣній проявляется въ практической общественной дѣятельности. А тутъ—эта розга, эмблема крѣпостничества, къ которой, какъ казалось Добролюбову, Пироговъ отнесся со сниходительностью, совершенно недопустимою для автора статьи „Нужно ли сѣчь дѣтей?"

Если искать подтвержденій тому, что, судя о Пироговѣ, Добролюбовъ стоялъ не на этической, а на политической точкѣ зрѣнія, то ихъ найти будетъ не особенно трудно. Въ заключительныхъ строкахъ „Отъ дождя да въ воду" онъ самъ прямо указываетъ цѣль полемики—разъяснить публикѣ, что и при большихъ достоинствахъ и силѣ, какими одаренъ былъ Пироговъ, ничего не подѣлаешь съ тою средою, которая не допускаетъ свободнаго проявленія своихъ убѣжденій. Въ предшествующей же статьѣ о „Всероссійскихъ иллюзіяхъ мысль та же: желаніе отвести отъ Пирогова тѣхъ его послѣдователей, которые въ него вѣрили, считали авторитетомъ, и направить на другой путь, который ведетъ къ большей самостоятельности, къ настоящему „дѣлу". Не трудно замѣтить, что рѣчь велась не столько о Пироговѣ, сколько „по поводу" Пирогова. Добролюбовъ остался при своемъ мнѣніи и тогда, когда выяснилось, что Пироговъ вовсе не измѣнилъ своего прежняго убѣжденія о вредѣ розги, что, допустивъ все-таки ея употребленіе въ школѣ, онъ только поставилъ „практическій коэфиціентъ" къ своему убѣжденію въ зависимости отъ общественныхъ условій. Съ этими-то условіями, подчеркнулъ онъ еще разъ, и надо бороться. Далѣе, интересно сопоста-

---

[1]) Послѣ времени Добролюбова психологія ушла далеко впередъ. Конечно, никто не скажетъ теперь, что плоть наша есть жилище сатаны, а душа—обитель Божія духа. Но двойственность натуры человѣка она признаетъ и уже никакъ не скажетъ, что потребности организма оправдываются тѣмъ, что представляютъ голосъ природы. Голосъ этотъ можетъ быть и голосомъ кровожаднаго звѣря, можетъ требовать чего-либо разрушающаго самый организмъ и потому нуждается въ критическомъ отношеніи къ себѣ. Трактаты по психіатріи, статьи о вырожденіи, о гипнотическихъ внушеніяхъ, наслѣдственности полны фактами, говорящими о возможности вполнѣ извращенныхъ, но настойчивыхъ требованій организма.

вить тонъ трехъ статей Добролюбова съ измѣненіемъ оффиціальнаго положенія Пирогова: хвалебный тонъ о Пироговѣ-гражданинѣ, смѣло ставящемъ общественный діагнозъ, сильно-раздражительный—о Пироговѣ, занимающемъ высокій административный постъ, и нѣсколько сконфуженный— о Пироговѣ въ опалѣ. О нѣкоторыхъ мелочныхъ штрихахъ мы не упоминаемъ вовсе.

Мнѣ кажется, тотъ, кто, хотя бы въ мысляхъ только, хотя бы только начинаетъ склоняться къ „радикальному требованію человѣческаго блага“, потерялъ уже вѣру въ людей, въ ихъ способность устраивать свою жизнь по доводамъ разума, въ ихъ доступность убѣжденіямъ, въ стойкость ихъ желанія добра. Это еще не мизантропизмъ, считающій всѣхъ огульно дурными людьми, но подозрительность, часто падѣвающая на глаза человѣку очки, затемняющія свѣтлое, сгущающія тѣни. Вмѣсто общечеловѣческой оцѣнки является партійное дѣленіе людей на своихъ—единомышленниковъ, друзей, и чужихъ—противниковъ, враговъ, и въ осужденіи этихъ вторыхъ человѣкъ почти всегда проявляется судьею безпощаднымъ.

Если Добролюбовъ переживалъ что-либо подобное, то этимъ вполнѣ объясняются его необоснованныя осужденія Пирогова, наклонность толковать его дѣйствія скорѣе дурными побужденіями, чѣмъ прискорбною необходимостью или ошибочнымъ разсчетомъ. Помня его преклоненіе передъ Откровеніемъ, признаніе необходимости земныхъ авторитетовъ, видя его усилія сдерживать волнующуюся молодежь, внушить ей уваженіе къ закону и порядку, онъ могъ вмѣсто настоящаго Пирогова, борца за разумную жизнь, увидѣть передъ собою моралиста-проповѣдника, который учитъ кротости и смиренію передъ земнымъ зломъ, и вмѣсто реальнаго улучшенія условій жизни проповѣдуетъ углубленіе въ самого себя, самоусовершенствованіе. Чашу переполнила розга, и раздраженіе противъ Пирогова перелилось черезъ край. Повидимому, Добролюбовъ потомъ и самъ почувствовалъ, что онъ воевалъ противъ не настоящаго, а созданнаго въ мизантропическомъ настроеніи Пирогова.

Въ предыдущихъ строкахъ я изложилъ психологію даннаго эпизода, какъ она мнѣ представляется, въ видѣ догадки,

отнюдь не претендуя на ея достовѣрность. Надо добавить, что, судя по заключительнымъ строкамъ этихъ статей, Добролюбовъ обращался не къ педагогамъ, которымъ было чему поучиться у Пирогова, а къ большой публикѣ. Было бы очень наивно разсчитывать въ то время на успѣхъ среди педагоговъ призыва къ борьбѣ съ условіями общественной жизни; тогда еще не было профессіональныхъ союзовъ. Очевидно, эти статьи Добролюбовъ писалъ не для разъясненія педагогическихъ вопросовъ, а имѣлъ въ виду широкій кругъ читателей и, разсуждая только по поводу Пирогова, высказывалъ общую мысль. Статьямъ этимъ, какъ намъ думается, не приходится отводить сколько-нибудь значительное мѣсто въ исторіи педагогическихъ идей. Это статьи публицистическія, а не педагогическія. Къ послѣдняго рода статьямъ мы относимъ лишь статью объ авторитетѣ въ воспитаніи. Въ свое время она дѣйствительно многими усердно читалась и во многихъ семьяхъ дѣлались попытки примѣнить совѣты Добролюбова на практикѣ. Школа не прошла мимо статьи, но въ ней сразу же опредѣлилось, что приложеніе она можетъ имѣть не безусловно, а лишь „по возможности“.

Выступая на борьбу съ Пироговымъ, призывая сторонниковъ его отстать отъ него и пойти другою дорогою, Добролюбовъ недостаточно оцѣнилъ его большую творческую силу. Пироговъ вовсе не былъ моралистомъ, проповѣдующимъ кротость и смиреніе ради охраненія выгодныхъ для него общественныхъ условій, не былъ и ретроградомъ, боящимся рушить „учрежденія“, хотя бы онѣ отжили свой вѣкъ. Еще до попечительства, завѣдуя клиниками и госпиталями, онъ постоянно проявлялъ творческія реформаторскія силы; то же обнаружилъ онъ и на посту попечителя. Но онъ понималъ, что всегда и всюду, и въ старыхъ и въ новыхъ учрежденіяхъ, требуются люди, и промѣнялъ профессію врача на постъ администратора-педагога именно потому, что считалъ важнымъ и хотѣлъ содѣйствовать „воспитанію человѣка“. Ставъ попечителемъ, онъ не проповѣдывалъ морали, а созидалъ условія, благопріятныя для выработки „человѣка“, побуждающія къ этому. Его болѣе ранній призывъ къ самовоспитанію, обращенный не къ однимъ юношамъ, а и къ взрослымъ, оказался весьма умѣстнымъ въ примѣненіи къ тогдашнимъ наставникамъ. Добролюбовъ,

судя по репликамъ ихъ въ защиту Пирогова, какъ и другіе писатели того времени, находили ихъ неудовлетворяющими своему назначенію. Добролюбовъ въ числѣ причинъ неуспѣха Пирогова одною изъ крупныхъ считалъ „пошлость“ среды, „морально разслабляющую самыя лучшія личности“ (325). Не забудемъ, что къ тому же сотрудники Пирогова были питомцами предшествующей эпохи, когда вовсе не было спроса на человѣчность, воспитывались въ школахъ суровыхъ и жестокихъ. Сказать имъ: воспитывайте въ себѣ „человѣка“ было надо. Наконецъ напомнимъ, что къ молодежи, колеблющейся въ выборѣ путей, онъ относился бережно, всегда цѣня въ ней искренность и добрыя побужденія.

Въ свое время эта полемика, по справедливому замѣчанію С. Штрайха, произвела много шума. Она волновала, конечно, и обоихъ участниковъ ея, и сторонниковъ того и другого. А теперь она кажется какой-то ненужною и вызываетъ только горькое чувство при зрѣлищѣ пререканій двухъ несомнѣнно умныхъ и просвѣщенныхъ людей, такихъ нужныхъ для Россіи, столь уважаемыхъ и любимыхъ большими кругами общества. Оба говорятъ, что каждый долженъ вырабатывать свои убѣжденія, что противъ ложнаго убѣжденія можно дѣйствовать только убѣжденіемъ, и рядомъ съ этимъ раздраженіе, допускающее иронію и жесткіе приговоры. Зачѣмъ споръ обращать въ судъ, убѣжденіе замѣнять конфузомъ, когда каждый на своемъ мѣстѣ можетъ служить общему дѣлу, Теперь достаточно выяснилось, что искренно желавшая идти впередъ часть общества, куда входили и зрѣлые, и молодые, и сорокадесятники, и тѣ, которымъ потомъ присвоено названіе шестидесятниковъ, была тогда малочисленнѣе той старой Россіи, которая мечтала вернуться назадъ; какъ же перасчетливо было не дорожить такимъ союзникомъ, какъ Пироговъ, несомнѣнно желавшій блага Россіи. Невольно рождается мысль, не должна ли была эта распря окончательно затмить въ глазахъ „пошлой среды“ тотъ ореолъ „человѣка“, которымъ окружилъ его Пироговъ. Не повела ли она къ убыли его колеблющихся сторонниковъ, внушивъ мысль, что тогдашніе лучшіе люди еще далеки отъ идеала „человѣка“, а вѣдь извѣстно, „съ волками жить, волками быть“. Нельзя не признать, что борьба съ Пироговымъ была крупною ошибкою

Добролюбова. Теперь можно объяснить себѣ ея происхожденіе и не упрекать за нее Добролюбова, но сказать, что выступленіе его было нужно, было полезно, едвали возможно. И въ то время, когда тянулся рядъ статей Добролюбова о Пироговѣ, въ школѣ шла своя жизнь. Открывались женскія гимназіи, воскресныя школы, земскія школы, преобразовывались кадетскіе корпуса, призывались къ дѣятельности Пироговъ, Ушинскій, Вышнеградскій и др. Работа началась и въ журналахъ и въ жизни. Педагоги внимательно присматривались къ работѣ Пирогова, Корфа и др., многому учились у нихъ, о многомъ спорили и принимали гораздо болѣе къ сердцу вопросы о классной работѣ, дисциплинѣ, самодѣятельности, значеніи педагогическихъ комитетовъ, классицизмѣ и реализмѣ, чѣмъ тѣ вопросы, которые выдвигались въ данной полемикѣ. Тогда же выяснилась необходимость изученія педагогіи, съ ея часто вовсе не крупными, но насущными вопросами, не порывая въ то же время связей съ запросами воспитанія и образованія, выдвигаемыми общею прессою.

Миновали 60-ые годы. Общественная жизнь шла своимъ чередомъ и своими катастрофами вносила новыя теченія въ общую литературу. Подобно освобожденію крестьянъ и другимъ реформамъ начала 60-хъ годовъ и другія крупныя событія послѣдующаго времени оказывали свое вліяніе и на общественное настроеніе и на литературу: первое покушеніе 1866 года, убійство Александра II и начало другого царствованія, позже голодъ 1891 года, еще позже японская война, событія 1905 года,—все это будоражило жизнь, вносило разстройство въ медленно двигающуюся разработку основныхъ вопросовъ общественнаго благоустройства, заставляло пересматривать рѣшенное.

Литература отражала въ себѣ всѣ эти жизненныя катастрофы. Она шла своимъ путемъ, порою спотыкаясь и сбиваясь съ пути и снова выходя на дорогу. Она искала истины и все болѣе приближалась къ ней, но и въ тѣ моменты, когда она сбивалась съ пути, она нерѣдко считала, что нашла истину и торжествовала побѣду. Въ исторіи литературныхъ направленій теперь различаютъ шестидесятниковъ отъ семидесятниковъ, этихъ послѣднихъ отъ восьмидесятниковъ и т. д.

Нельзя требовать отъ школы, чтобы она послушно слѣдовала за всѣми этими переходами мысли и перестраивалась согласно мѣняющимся черезъ каждое десятилѣтіе общественнымъ воззрѣніямъ. Но нельзя оправдать и равнодушнаго невниманія ея къ запросамъ жизни и ложной манеры — дѣлать видъ, что это ее не касается, что учебное дѣло въ ней идетъ обычнымъ порядкомъ. Иныя изъ теченій общественной жизни отражались въ школѣ такими явленіями, которыя не могли не быть вынесены на общее обсужденіе въ литературѣ и давали основаніе указывать на крупные недостатки школы. Таковы самоубійства учащихся, экзамены въ качествѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій, родительскіе комитеты, участіе учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ забастовкахъ и проч. Всѣ такого рода вопросы выходили за предѣлы профессіональной техники, всѣ они имѣли серьезное общественное значеніе. Въ обстоятельствахъ, вызвавшихъ эти вопросы, и въ сужденіяхъ о нихъ часто чувствовалось, что мы страшно одичали. Невольно вспоминались завѣты Пирогова, хотѣлось спросить, гдѣ же люди, воспитанные въ духѣ его указаній, съ человѣческой душой и человѣческимъ разумѣніемъ? Приходилось утѣшаться тѣмъ, что эта дикость встрѣчаетъ критику, вызываетъ возмущеніе.

Замѣчательно при томъ, что разныя частныя мѣры, рекомендуемыя для оздоровленія школы, въ основѣ своей приводили къ тѣмъ принципамъ, которые одушевляли шестидесятые годы: разумный авторитетъ наставника, чувство уваженія къ человѣческому достоинству, самодѣятельность, духовные интересы, трудовая жизнь...

Рано умеръ Добролюбовъ, не переживъ многаго того, что видѣлъ и испыталъ Пироговъ. Пироговъ испыталъ больше его, но также рано вынужденъ былъ прервать свою педагогическую и литературную дѣятельность. Много осталось недосказаннаго и у того, и у другого.

Оба, и Пироговъ и Добролюбовъ, отошли въ область исторіи, особенно послѣдній. Вѣдь даже въ общей литературѣ въ очеркахъ исторіи разныхъ областей общественной мысли чаще и пространнѣе цитируется Чернышевскій и Герценъ, даже Михайловскій, чѣмъ Добролюбовъ [1]). Пироговъ и поми-

[1]) Для примѣра укажемъ, что въ недавно напечатанной статьѣ объ

нался и чествовался гораздо чаще его, и намъ кажется, что желаніе чествованія возбуждалось не тѣмъ только, что подходило столѣтіе со дня его рожденія или 25-лѣтіе со дня смерти, а тѣмъ, что люди, чтившіе его завѣты, чувствовали потребность напомнить обществу о мысляхъ этого великаго русскаго человѣка, такъ горячо желавшаго видѣть въ слѣдовавшихъ за нимъ поколѣніяхъ людей въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

VIII.

Н. И. Пироговъ оставилъ по себѣ крупный слѣдъ въ русской педагогической литературѣ, о чемъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Оставилъ онъ слѣдъ и въ педагогической практикѣ. Надо напомнить, что въ первые годы эпохи реформъ выборъ лицъ на постъ руководителей разныхъ вѣдомствъ былъ въ общемъ удаченъ. Только въ выборѣ министра народнаго просвѣщенія произошло нѣкоторое колебаніе и одинъ за другимъ въ этой должности побывали Норовъ, Е. П. Ковалевскій, Е. В. Путятинъ и, казалось, выборъ остановился на А. В. Головнинѣ (1861 г.). Во главѣ военно-учебнаго вѣдомства, которому предстояло провести на практикѣ отдѣленіе спеціальныхъ классовъ отъ общихъ, былъ поставленъ Н. В. Исаковъ, бывшій попечитель московскаго учебнаго округа, человѣкъ просвѣщенный и разумно гуманный. Тогдашній военный министръ, Д. А. Милютинъ, съ большимъ участіемъ относился къ совершавшемуся преобразованію этихъ заведеній, интересуясь и руководя устройствомъ школъ новаго типа. Управленіе и руководство женскими гимназіями было ввѣрено Н. А. Вышнеградскому, проявившему серьезный интересъ къ поднятію у насъ женскаго образованія, человѣку съ педагогической подготовкой, живому и энергичному. Въ одномъ изъ институтовъ выдвинулся К. Д. Ушинскій.

А. П. Философовой А. Милюкова пишетъ: „Основное идейное содержаніе 60-хъ годовъ въ начальный періодъ дано было Чернышевскимъ и въ значительной части популяризировано и пущено въ обращеніе Добролюбовымъ („Рѣчь“ 17/III 1913, № 74). Роль Добролюбова въ ту эпоху такимъ образомъ признается второстепенною, хотя въ свое время онъ и пользовался большою популярностью.

Все это были люди, радѣвшіе о народномъ просвѣщеніи. Про нихъ нельзя было сказать, что они были послѣдователи Пирогова, но они признавали его лучшимъ выразителемъ тогдашнихъ педагогическихъ стремленій, и интересъ къ его дѣятельности въ качествѣ попечителя учебнаго округа былъ, повидимому, не чуждъ имъ. Конечно, не приходилось ожидать, чтобы руководители правительственныхъ школъ обратились, по примѣру Пирогова, въ миссіонеровъ. Здѣсь сохранились начальники, и принципъ подчиненности проводился черезъ всю школу сверху до низу, отъ директора до ученика. Но вѣдь и Пироговъ не отказывался безусловно отъ власти и также признавалъ ее за наставниками по отношенію къ ученикамъ. Вопросъ сводился только къ границѣ, гдѣ кончается склоненіе передъ авторитетомъ и начинается подчиненіе власти, къ признанію и самою властью необходимости для нее авторитета, заслуженнаго разумностью, пониманіемъ дѣла и вниманіемъ къ интересамъ подчиненныхъ, авторитета, благодаря которому прибѣгать къ силѣ власти приходится рѣже.

Въ школы ранняго періода эпохи реформъ вошло въ обиходъ многое, чѣмъ ознаменовалось управленіе Пироговымъ учебными округами. Начальство относилось съ бо̀льшимъ противъ прежняго уваженіемъ къ наставникамъ. Вводились коллегіальныя совѣщанія, правда, имѣвшія не рѣшающее, а только совѣщательное значеніе, причемъ желающему остаться при особомъ мнѣніи предоставлялось высказать его въ запискѣ, обязательно прилагаемой при протоколѣ и представляемой высшей инстанціи. Духъ времени побуждалъ участниковъ совѣщаній высказываться на нихъ съ полною прямотою и откровенностію безъ боязни неудовольствія на противорѣчіе со взглядами начальника. Руководители дѣла охотно содѣйствовали профессіональному самообразованію педагоговъ: разрѣшались, такъ сказать, внѣвѣдомственныя педагогическія совѣщанія, учреждались педагогическіе музеи и библіотеки, дозволялось открытіе частныхъ учебныхъ заведеній, основывались педагогическіе и дѣтскіе журналы. При учрежденіи школъ проводился принципъ всесословности, открытыя заведенія предпочитались закрытымъ. Отношенія къ учащимся дѣлались болѣе заботливыми и болѣе бережными. Наказанія смягчались, а въ иныхъ заведеніяхъ и совсѣмъ выводились. Наставники стави-

лись ближе къ питомцамъ. Они считались со свойствами и потребностями и возраста, и, по возможности, индивидуальности.

Въ періодъ строительства военныхъ гимназій временъ Д. А. Милютина и Н. В. Исакова при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній былъ образованъ Педагогическій Комитетъ, дававшій руководящія указанія по вопросамъ воспитанія, возникавшимъ на практикѣ. Въ нихъ мы находимъ мотивированныя заключенія Комитета о соразмѣрности работы учащихся съ ихъ силами, объ отзывчивости на обнаруживаемыя учащимися склонности къ внѣучебнымъ занятіямъ. Комитетъ не разъ имѣлъ поводъ высказать, что въ каждомъ можно найти, а потому слѣдуетъ искать задатки добрыхъ началъ, чтобы на нихъ опираться въ борьбѣ съ дурными склонностями. Такъ, въ одномъ случаѣ, когда воспитатель отозвался о своемъ питомцѣ, что у него нѣтъ „ничего добраго, святого“, Комитетъ возразилъ: „Если въ названномъ воспитанникѣ надо признать много дурныхъ сторонъ, то, безъ сомнѣнія, въ немъ имѣются и хорошія стороны, присущія дѣтской природѣ, подмѣтить которыя и дѣйствовать на нихъ съ цѣлью перевоспитать мальчика, должно быть существенною обязанностью воспитателя. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы хорошихъ сторонъ, тѣмъ болѣе у ребенка, и въ высшей степени неправильно относится къ дѣлу тотъ воспитатель, который ихъ не находитъ въ субъектѣ, воспитаніемъ котораго руководитъ“. Въ другомъ случаѣ Комитетъ эти общія мысли пояснилъ конкретными толкованіями. Заведеніе признало воспитанника безнадежнымъ. Признанія исключаемаго дали Комитету основаніе высказаться, что они обнаруживаютъ у юноши правдивость и большую вдумчивость въ свои проступки; видно, что въ немъ шла постоянная борьба съ самимъ собою, въ которой онъ, хотя и рѣдко, оставался побѣдителемъ. Въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ терять падежды на исправленіе: рецидивы — явленія обычныя; тѣмъ цѣннѣе каждая побѣда надъ собою.

Въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ тѣхъ годовъ, и въ официальной, и въ неофиціальной частяхъ его, можно найти много интересныхъ матеріаловъ, рисующихъ работы педагогическихъ комитетовъ военно-учебныхъ заведеній и отдѣльныхъ лицъ. Такіе же матеріалы о женскихъ гимназіяхъ можно найти въ „Педагогическомъ Листкѣ Петербургскихъ женскихъ гимна-

зій". При самомъ основаніи этого журнала онъ поставилъ себѣ, въ числѣ другихъ, задачу — дать возможность родителямъ высказываться о недостаткахъ женскихъ гимназій.

Многія изъ тогдашнихъ рѣшеній педагогическихъ вопросовъ сохраняютъ цѣну и въ настоящее время; другія не удовлетворятъ теперешняго педагога, какъ неудовлетворяли тѣхъ современниковъ, которые имѣли возможность болѣе широко осуществлять свои педагогическіе идеалы въ частныхъ школахъ. Для насъ важно отмѣтить здѣсь, что въ правительственныхъ заведеніяхъ административный режимъ уступалъ часть своей области режиму педагогическому, — въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Это былъ крупный шагъ впередъ по сравненію съ прошлымъ. Возраставшій въ обществѣ педагогическій интересъ находилъ созвучіе въ этихъ новшествахъ правительственной школы.

Наиболѣе повѣяло новымъ, мы сказали бы—пироговскимъ духомъ, въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, народныхъ и воскресныхъ школахъ.

Вскорѣ однако на эти послѣднія, созданныя частной иниціативой, обратило вниманіе министерство внутреннихъ дѣлъ, и тогдашній начальникъ III-го отдѣленія кн. Долгоруковъ въ 1860 г. представилъ Государю записку, въ которой высказался, что „правительство должно принять безотложныя и дѣятельныя мѣры, чтобы стать во главѣ общественнаго движенія и предупредить всякую возможность уклоненія къ вреднымъ началамъ, коихъ присущность очевидна". Было обнаружено, что въ Харьковѣ и Кіевѣ небольшія группы, задумывая пропаганду, собирались воспользоваться для нея воскресными школами. Школы эти были закрыты.

Наступало тяжелое время для правительства вообще и для министерства народнаго просвѣщенія. Въ обществѣ обнаружилось недовольство, молодежь волновалась, въ университетахъ начались сходки. Кое-гдѣ проявлялась пропаганда, стали распространяться прокламаціи. Какими путями идти къ прекращенію сходокъ, было не ясно и тѣмъ, кто призывался къ изысканію мѣръ для этого. Не разбираясь въ томъ, что изъ пожеланій студентовъ резонно и можетъ быть исполнено, сосредоточили заботу на томъ, чтобъ прекратить ихъ самовольныя заявленія. Рѣшено было сходки запретить и за наруше-

ніе этого запрета строго карать. Чтобы обезпечить университетамъ болѣе спокойныхъ студентовъ, выпускные экзамены производить строже. Усмиреніе студентовъ выпало на долю Путятина. Его строгости привели къ тому, что въ 1861 г. безпорядки въ Спб. университетѣ приняли такіе размѣры, что пришлось, подъ войсковымъ конвоемъ, отвести студентовъ со сходки прямо въ Петропавловскую крѣпость, а университетъ закрыть. Въ томъ же 1861 г. появилась прокламація „Къ молодому поколѣнію“, очень крайняго направленія, рѣзкая и возбуждающая. Становилось очевиднымъ, что ни строгости, ни частичныя мѣры не приведутъ къ успокоенію молодежи, и призванный къ управленію министерствомъ А. В. Головнинъ призналъ необходимымъ взяться за переустройство всей школьной системы.

При Головнинѣ пропаганда и безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ продолжались, и онъ боролся съ ними, но изъ-за этой борьбы не отказывался отъ выполненія принятой на себя задачи серьезнаго преобразованія школъ отъ высшихъ до низшихъ. Надо отдать справедливость Головнину: онъ внесъ въ эту работу много разумности и энергіи. Проекты уставовъ были подвергнуты всесторонней критикѣ коллегіальныхъ учрежденій, журналовъ, отдѣльныхъ лицъ, нѣсколько разъ передѣлывались и, пройдя всѣ законодательныя инстанціи, были утверждены въ 1863—64 годахъ. „Новая учебная система, пишетъ П. Милюковъ [1]), при такомъ ея обсужденіи, до нѣкоторой степени согласовалась съ высказанными такимъ образомъ желаніями общества“.

Въ 1866 году Каракозовъ произвелъ покушеніе на жизнь Государя. Головнина смѣнилъ гр. Д. А. Толстой.

Около этого же времени, нѣсколько ранѣе, сошли съ оффиціальной педагогической сцены Пироговъ, Н. А. Вышеградскій, К. Д. Ушинскій.

Это были люди видные, горячо принявшіеся за обновленіе учебно-воспитательнаго дѣла; отдавшись своему педагогическому призванію, они были совершенно чужды политики, и тѣмъ не менѣе расходившіяся политическія волны смыли и ихъ съ твердой почвы, на которой они стояли. Волны шли

---

[1]) Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II, стр. 329.

и слѣва, и справа. Первыя направлялись на то, что устарѣло, что представлялось потерявшимъ свой смыслъ пережиткомъ; вторыя на то новое, что выростало на замѣну стараго. Лица послѣдняго направленія, напуганныя политическимъ движеніемъ, сулившимъ разрушенія, съ тѣмъ же страхомъ смотрѣли на новшества, которыя проявлялись въ бытовыхъ явленіяхъ. Утрачивалось различеніе того новаго, что было разумно и полезно, и того, что надо было признать ненужнымъ и усвояемымъ только по легкомыслію. Жертвами этихъ страховъ и явились упомянутыя выше лица, несмотря на то, что ихъ дѣятельность заслуживала иного къ нимъ отношенія общества.

Въ то время, какъ поднятый въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще при Норовѣ вопросъ о женскихъ училищахъ не подвигался къ разрѣшенію, въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи нашелся энергичный человѣкъ, который добился открытія такового училища въ Петербургѣ. Онъ съумѣлъ возбудить къ своему плану сочувствіе принца П. Г. Ольденбургскаго, въ свою очередь расположившаго Императрицу въ пользу новыхъ училищъ; пригласилъ въ сотрудники свѣжія педагогическія силы, принималъ и толковалъ съ родителями, сомнѣвавшимися въ допустимости открытыхъ заведеній для дѣвушекъ, и наладилъ все дѣло. Открытіе гимназіи удостоила своимъ присутствіемъ Государыня Императрица. Дѣло пошло успѣшно. Родители перестали бояться женскихъ открытыхъ заведеній, многихъ онѣ удовлетворяли; вслѣдъ за первою гимназіею послѣдовало учрежденіе нѣсколькихъ другихъ, а затѣмъ создались и педагогическіе курсы, подготовлявшіе учительницъ для этихъ заведеній. Казалось, солидно поставленное дѣло обѣщало быть прочнымъ.

Но рядомъ съ одобрявшими женскія гимназіи голосами стали слышаться недовольные. Гимназіямъ, а особенно педагогическимъ курсамъ дѣлались упреки, что они впушаютъ учащимся безвѣріе и матерьялизмъ, порождаютъ самомнѣніе и высокомѣрное отношеніе къ своимъ менѣе образованнымъ родителямъ; ставилось на видъ, что ученицы усваивали „небрежное отношеніе къ своей внѣшности, свободу обращенія, пренебреженіе ко всему тому, что привыкли считать женской скромностью, стыдливостью; у нихъ замѣчается отсутствіе тѣхъ внѣшнихъ формъ, которыя всегда стояли на первомъ

планѣ въ воспитаніи дѣвушекъ“ [1]). Эти упреки тревожили Вышнеградскаго, и онъ просилъ назначить ревизію. Она и состоялась. Большинство ревизующихъ не нашли тѣхъ упущеній, за которыя гимназіямъ дѣлались упреки; кое-что, нежелательное для учебнаго заведенія, своевременно было замѣчено и устранено. Наиболѣе крупной ошибкой Вышнеградскаго признавалось то, что онъ, желая поднять образованіе будущихъ матерей и наставницъ, ввелъ на педагогическихъ курсахъ серьезный курсъ анатоміи и физіологіи человѣка. Кромѣ распространеннаго тогда въ извѣстныхъ кругахъ мнѣнія, что занятія естественными науками ведутъ къ матерьялизму, выдвигали доводъ, что прохожденіе на курсахъ физіологіи отучаетъ дѣвицъ отъ скромности [2]). Вслѣдствіе такихъ упрековъ курсъ естествознанія былъ пересмотрѣнъ и значительно сокращенъ.

Нѣкоторые частности ревизіи показали Вышнеградскому, что имъ недовольны, и онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его.

На той же почвѣ создались служебныя непріятности и у Ушинскаго въ роли инспектора классовъ Воспитательнаго Общества. Въ институтахъ того времени тоже вводились улучшенія и по учебной и по воспитательнымъ частямъ. Вводя измѣненія въ программахъ учебныхъ предметовъ, Ушинскій позаботился обновить и учительскій составъ болѣе свѣжими силами. Вліяніе отъ классныхъ дамъ стало переходить къ учителямъ, и тѣ, кому хорошо жилось и при старыхъ порядкахъ, ополчились на Ушинскаго. Выдвинулось то же, что сослужило свою службу противъ Вышнеградскаго: опасность новыхъ идей, охлажденіе къ религіознымъ обрядамъ; начались столкновенія, и Ушинскій счелъ себя вынужденнымъ уйти.

Знаменательно было это почти одновременное удаленіе со сцены Пирогова, Вышнеградскаго, Ушинскаго. Яркія

---

[1]) Е. Лихачева. Матерьялы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, т. II, стр. 185.

[2]) Интересно отмѣтить, что въ наше время общество, совмѣстно съ гигіенистами, само выдвинуло половой вопросъ, при которомъ у матерей и педагоговъ обоего пола предполагается въ извѣстной мѣрѣ физіологическая освѣдомленность.

это были фигуры и не могли пройти незамѣченными. Несомнѣнно, что правительство желало обновленія русской жизни, но слишкомъ много свѣжаго воздуха принесли съ собою эти люди, больше того, къ чему мы привыкли въ минувшее время. Разумное обученіе, простыя человѣческія отношенія учащихъ къ учащимся должны были, какъ думали эти педагоги, предохранить молодежь отъ легкомысленныхъ увлеченій. Не жизнь, а ученье, полагали ихъ противники, рождаетъ критику отношеній, ведетъ къ отрицанію пережитковъ застоявшейся жизни, сѣетъ сомнѣнія въ религіи и т. д. Люди, изъ разряда тѣхъ, что могли почувствовать, что дѣти узнаютъ въ школѣ многое, чего не знали ихъ родители, становятся образованнѣе ихъ, были плохими судьями учебной работы и въ перемѣнахъ семейнаго и общественнаго быта винили школу. Перестраивалась жизнь, а близорукіе люди искали причинъ совершающихся измѣненій ея въ словахъ и поступкахъ лицъ, выдающееся положеніе которыхъ ставило ихъ на виду у всѣхъ. Немудрено, что, не будучи въ состояніи разобраться въ сложныхъ явленіяхъ жизни, они крѣпко цѣплялись за то, что въ школѣ учатъ не тому и не такъ, какъ ихъ учили, а отсюда „все и пошло“. Люди, которые отдали свой трудъ и энергію, свою просвѣщенность и свое сердце на служеніе нашимъ дѣтямъ, оказались въ положеніи, вынудившемъ ихъ отказаться отъ дорогого имъ дѣла.

Учебное начальство стояло, конечно, выше этихъ некомпетентныхъ судей его дѣла, и ни одному изъ упомянутыхъ лицъ не могло отказать въ педагогической авторитетности и оставить ихъ не у дѣлъ. Пирогову поручили руководство занятіями молодыхъ людей, посылаемыхъ университетами заграницу. Вышнеградскій былъ назначенъ членомъ Совѣта заведеній того же вѣдомства, отъ котораго онъ отказывался. Ушинскій вскорѣ былъ назначенъ редакторомъ Журнала министерства народнаго просвѣщенія. Можно думать, что имѣлось въ виду убрать ихъ съ административныхъ должностей, гдѣ у нихъ все же былъ, хотя и въ извѣстныхъ границахъ, рѣшающій голосъ. На новыхъ мѣстахъ у нихъ сохранился лишь совѣщательный голосъ. Всего замѣтнѣе это стремленіе сказалось на судьбѣ Пирогова. Несомнѣнно, что онъ былъ

признанъ плохимъ администраторомъ, такъ какъ расходился во взглядахъ съ мѣстными властями, считавшими, что безпокойную молодежь надо не вразумлять, а только карать за недозволенные закономъ поступки.

Административные интересы начали уже пріобрѣтать перевѣсъ надъ просвѣтительными. Правительство стало побаиваться просвѣщенія, обращенія его въ орудіе пропаганды и прислушивалось къ предостерегающимъ голосамъ, идущимъ изъ той части общества, которая была настроена враждебно къ „идеямъ“, къ „критикѣ“, къ проявленіямъ „самостоятельности“, сторонниковъ „рутины жизни“. У правительства не было однако никакихъ основаній видѣть какое-либо злоумышленіе въ дѣятельности упомянутыхъ трехъ педагоговъ и оно не сочло нужнымъ производить сколько-нибудь серьезную ломку въ начатыхъ ими преобразованіяхъ. Педагогическая жизнь въ учебныхъ заведеніяхъ продолжала свое теченіе, утративъ лишь свою яркость; происходили въ нихъ частичныя улучшенія и измѣненія не столь уже крупнаго значенія, но все же происходили. Въ обществѣ, рядомъ съ протестантами противъ новшествъ, нашлись и сторонники ихъ, сохранившіе добрую память о людяхъ, въ которыхъ, помимо знанія дѣла и таланта, справедливо цѣнили желаніе работать въ согласіи съ представителями общества въ интересахъ семьи и родины. Такимъ стремленіемъ къ общенію съ живыми силами общества, въ частности — съ родителями, особенно выдѣлились Головнинъ и Вышнеградскій. Мнѣніемъ общества они дорожили, къ голосу его прислушивались. Та же черта обнаруживалась у начальника такого вѣдомства, какъ военно-учебное, задачу котораго всего легче истолковать, какъ государственную. Оставляя свой постъ въ началѣ новаго царствованія, въ 1881 году, Н. В. Исаковъ въ прощальномъ приказѣ по вѣдомству высказалъ: „Въ прошедшемъ, лежащемъ на моей отвѣтственности, военно-учебныя заведенія жили на глазахъ у всѣхъ, ничего не скрывая, своею будничною трудовою жизнью. Прислушиваясь къ одобренію и порицанію, они не скрывали и отъ себя, что много труда предстоитъ впереди, но зато имъ было знакомо чувство нравственнаго вознагражденія, источникъ котораго въ спокойствіи родителей за своихъ дѣтей“.

Въ иномъ положеніи оказалось министерство народнаго просвѣщенія послѣ ухода Головнина и назначенія министромъ гр. Д. Толстого. Оттого-ли, что въ этомъ вѣдомствѣ состоятъ университеты, эти безпокойные барометры общественной непогоды, или вслѣдствіе личнаго характера гр. Толстого и его пониманія значенія текущаго момента, но здѣсь произошла весьма крупная перемѣна, сказавшаяся весьма рѣзко въ стремленіи создать „сильную власть“, отгородившуюся отъ общества. „Политика“ въ глазахъ Д. Толстого заслонила собою „педагогику“.

Гр. Д. Толстой получилъ въ наслѣдство отъ А. В. Головнина уставъ гимназій 1864 г. Уставъ этотъ нѣкоторыми своими сторонами былъ дорогъ обществу. Онъ давалъ возможность, сообразно мѣстнымъ условіямъ, выбирать школу или классическую или реальную, желалъ доставить каждому учебному заведенію возможность самостоятельнаго совершенствованія въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ, былъ тщательно обдуманъ въ частностяхъ. Надо было дать ему выдержать продолжительное опытное испытаніе, чтобы получить право начать измѣнять и улучшать его. Но всего черезъ 2 года послѣ его утвержденія произошла смѣна министровъ и сразу же почувствовалось, что новый министръ человѣкъ иного направленія, чѣмъ Головнинъ. Толстой снова взялся пересматривать уставъ, но уже упрощеннымъ, домашнимъ способомъ, безъ выслушиванія мнѣній общества и спеціалистовъ, а до новаго устава, утвержденнаго лишь въ 1871 г., руководился своимъ усмотрѣніемъ, не особенно стѣсняясь Высочайше утвержденнымъ уставомъ.

Мѣры первыхъ же годовъ управленія Толстымъ обнаружили, къ чему онъ будетъ стремиться. Послѣ осмотра нѣсколькихъ заведеній онъ высказался о необходимости привести учебное дѣло къ единству, и ради этого отвергъ признанное уставомъ за гимназическими комитетами право сообразоваться съ мѣстными условіями и составомъ учащихся—составлять детальныя программы, распредѣлять по классамъ число учебныхъ часовъ по каждому предмету и т. д. Въ послѣдующей своей дѣятельности онъ тоже стремился къ единству, къ централизаціи, къ опредѣленію всѣхъ частностей дѣла циркулярами министерства. Недовѣріе его ко всякой

инціативѣ, къ проявленію своего разумѣнія было весьма велико; при немъ усилился узкій надзоръ, контроль, отчетность. Достаточно напомнить установленный имъ порядокъ производства экзаменовъ. Тамъ, гдѣ законъ предоставлялъ участіе земству, учредителямъ школъ и пр., Толстой выдвигалъ своихъ ставленниковъ — директоровъ и инспекторовъ училищъ, которые часто оказывались тормазами благихъ начинаній частныхъ лицъ. Гдѣ только была возможность, онъ стремился показать себя представителемъ сильной власти.

Когда оказалось, что выработанный имъ уставъ приводилъ къ чрезмѣрному усиленію классицизма, то это вызвало протесты въ литературѣ, въ земствѣ, въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ и т. д. Толстой вовсе не склоненъ былъ считаться съ этими проявленіями общественнаго мнѣнія и прибѣгалъ къ государственной власти для принятія мѣръ, чтобы заставить замолчать своихъ противниковъ. Такъ, по его настоянію, было издано Высочайшее повелѣніе: „воспретить печатаніе въ повременныхъ изданіяхъ коллективныхъ заявленій частныхъ лицъ, заключающихъ въ себѣ обсужденіе, одобреніе или порицаніе дѣйствующихъ законовъ и также предположеній правительственныхъ установленій объ измѣненіи существующихъ узаконеній и законопроектовъ, внесенныхъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ“. Педагогическое собраніе было закрыто.

Что касается самой системы образованія, выработанной Толстымъ, то нѣкоторыя стороны ея заслуживаютъ особаго вниманія.

У насъ, и тогда, и теперь среди общественныхъ и государственныхъ работниковъ преобладаютъ люди со среднимъ образованіемъ. Поэтому въ печати не разъ высказывалось мнѣніе, что курсъ средней школы долженъ быть общеобразовательнымъ и законченнымъ. Но естественный переходъ въ университетъ части окончившихъ гимназическій курсъ побуждалъ прибавлять къ опредѣленію характера этого курса: и подготовительный къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Такого рода прибавка можетъ подать поводъ къ такой постановкѣ курса, при которой одна изъ задачъ заслонитъ другую. Такъ и произошло съ гимназіями Толстого. Онъ выдвинулъ подготовительное къ университету значеніе гимназій, хотѣлъ, чтобъ

они дѣлали своихъ питомцевъ способными къ серьезному, *научному* труду. Сторона формальная (гимнастика ума) въ его глазахъ была важнѣе матеріальной стороны образованія. Такъ какъ формальный результатъ, по его мнѣнію, всего успѣшнѣе достигался изученіемъ древнихъ языковъ, то онъ отвелъ имъ главное мѣсто въ курсѣ гимназій, назначилъ для нихъ возможно большее число учебныхъ часовъ за счетъ другихъ предметовъ и въ ихъ числѣ русскаго языка. Пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы поставить древніе языки со всею строгостью, даже безпощадною требовательностію. Толстой увѣрилъ себя и увѣрялъ другихъ, что гимназіи, и только его гимназіи, суть общеобразовательныя заведенія, но его взглядъ мало кѣмъ раздѣлялся; большинство продолжало считать общеобразовательными также и военныя и женскія гимназіи.

Ту же операцію онъ произвелъ и надъ реальными гимназіями. Превращая ихъ въ реальныя училища, онъ предназначалъ питомцевъ ихъ къ практическимъ родамъ дѣятельности, и, вводя соотвѣтственные предметы, урѣзалъ общеобразовательную часть курса. Общество стало считать реальныя училища болѣе профессіональными, чѣмъ общеобразовательными. Такимъ образомъ, можно, почти безъ большого преувеличенія сказать, что, благодаря реформѣ Толстого, Россія осталась безъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній, въ которыхъ она такъ сильно нуждалась. Родители, желавшіе дать своимъ сыновьямъ образованіе, вынуждены были опредѣлять ихъ въ классическія гимназіи, не вѣря въ нихъ и расчитывая только на авось: „авось, перепрыгивая черезъ всѣ барьеры, сынъ доберется до университета“. Большинство однако оставалось съ несбывшимися надеждами: дѣти не кончали курса, выходили изъ 3 или 4-го, рѣдкіе изъ 6-го, выходили недоучками, безъ какого-либо запаса полезныхъ для жизни знаній, безъ привычки къ труду. При такихъ данныхъ трудно бываетъ человѣку пристроиться къ общей трудовой жизни, найти себѣ заработокъ. Среди этихъ браковапныхъ людей, среди этихъ неудачниковъ было много недовольныхъ, въ своей незадавшейся жизни винившихъ государственный строй и легко шедшихъ на революціонные призывы. Читателямъ тогдашнихъ политическихъ процессовъ приходи-

лось часто встрѣчать въ біографическихъ данныхъ подсудимыхъ отмѣтку: не кончилъ курса, вышелъ изъ такого-то класса.

Можно ли за составителемъ устава 1871 г. признать дальнозоркій государственный умъ?

Понятно, что одни изъ себялюбивой угодливости, другіе страха ради іудейска, вводили Толстовскій режимъ и въ самую школу.

Толстой хотѣлъ осуществить собою „сильную власть“. Власть, конечно, должна быть сильна, иначе она не власть. Вопросъ только въ томъ, цѣпитъ ли она и въ какой мѣрѣ свой авторитетъ и не склонна ли опираться на обязательное, вынужденное подчиненіе. Своимъ отношеніемъ къ общественному мнѣнію, къ педагогическимъ работникамъ гр. Д. А. Толстой обособлялъ себя, какъ правящаго, отъ управляемыхъ, давалъ чувствовать, что интересы и пониманіе дѣла у этихъ двухъ сторонъ не одинаковы, и что правящіе, владѣя органами приказанія и запрещенія, могутъ и не интересоваться тѣмъ, сознательно и охотно подчиняются имъ, или нѣтъ. Разъ такой режимъ вносится въ школу, приходится забыть о Пироговѣ, стремившемся обратить людей къ отвѣтственности передъ своею совѣстью и воспитывать ихъ въ подчиненіи власти, нераздѣльной съ авторитетомъ, за совѣсть, а не за одинъ страхъ.

Толстой желалъ, чтобы въ университетъ шли только способные къ научному образованію и ищущіе его. Желаніе, которому, опять-таки, скажемъ, можно только сочувствовать. Но разъ путь въ университетъ затрудняется, надо подумать о томъ, чтобы менѣе даровитые или имѣющіе иные интересы, все же не оставались безъ образованія, могли стать полезными членами общества, а для этого надо прежде всего, чтобъ молодежь учащагося возраста посѣщала школу, а не жила уличною жизнію. Только при раздѣльности интересовъ правительственной школы отъ интересовъ общества можно забыть, что отбросы школы могутъ загрязнять общественную жизнь. Изъ недоучекъ нерѣдко вырабатываются сильные люди, но чаще они несутъ съ собою большій или меньшій неиспользованный капиталъ духовныхъ силъ. Обращаться къ нимъ съ завѣтомъ Пирогова: „ищи быть и будь человѣкомъ“ безполезно; вмѣсто проповѣди надо дать средства стать человѣкомъ, а первый шагъ къ этому—воспитывающее обученіе.

Надо добавить къ этому, что военно-учебное вѣдомство въ это время имѣло у себя цѣлую систему заведеній, приспособленную къ лучшему распредѣленію учащихся по ихъ способностямъ по разнымъ типамъ школъ. Нормальными считались военныя гимназіи съ 7-лѣтнимъ курсомъ реальнаго характера и съ иностранными языками. Не справлявшіеся съ этимъ курсомъ переводились въ 4-классныя прогимназіи съ облегченнымъ курсомъ и безъ иностранныхъ языковъ. Болѣе способные ученики прогимназій, наоборотъ, переводились въ гимназіи. Трудные въ воспитательномъ отношеніи юноши находили себѣ мѣсто въ Вольской военной прогимназіи, которой, соотвѣтственно исправительному назначенію ея, было придано особое педагогическое устройство.

Послѣ 18-лѣтняго существованія гимназій по уставу 1871 года, новый министръ И. Деляновъ счелъ себя обязаннымъ заявить, что признаетъ „нѣкоторую односторонность и неправильности“ въ осуществленіи устава на практикѣ и слабость толстовской гимназіи, подрывающую престижъ классической системы. Снова сталъ перерабатываться уставъ (1890), вводившій нѣкоторыя улучшенія противъ прежняго, но сохранявшій многіе его недостатки. Новый уставъ не удовлетворилъ многихъ, но перемѣна министра рождала надежду, что, можетъ быть, теперь общество будетъ выслушано. Въ министерство стали поступать ходатайства земствъ и дворянскихъ собраній о переустройствѣ средней школы. Ходатайства эти были отклонены, какъ по некомпетентности общества, такъ и въ предупрежденіе повторенія агитаціи 1870-хъ годовъ. „На сцену выступятъ, писалъ Деляновъ, партійные предразсудки, явятся либеральные возгласы противъ серьезнаго ученія, оживятся мечты людей противоправительственнаго направленія, еще не потерявшихъ надежды повернуть учебное дѣло къ выгодамъ для своихъ цѣлей, которыя, какъ показалъ горькій опытъ, всегда разнообразны; произойдетъ неминуемое возбужденіе въ семьяхъ, большинство которыхъ заинтересованы тѣмъ, чтобы члены ихъ съ наименьшимъ трудомъ получали наибольшія права, и вотъ эти интересы будутъ пытаться дѣйствовать черезъ печать, въ которой каждый, умѣющій держать перо въ рукахъ, считаетъ себя

компетентнымъ знатокомъ всякаго, а слѣдовательно и учебнаго дѣла". [1])

Вслѣдствіе этого нескладно изложеннаго доклада (1896 г.), пересмотръ устава не состоялся; но уже въ 1899 г. смѣнившій Делянова Боголѣповъ созвалъ комиссію для коренной реформы гимназій съ указаніемъ въ особомъ циркулярѣ на обнаружившіеся недостатки системы нашей средней общеобразовательной школы. Когда министерство пожелало, оно нашло въ обществѣ достаточное число лицъ для сужденія о просвѣтительномъ творчествѣ Толстого и Делянова. Вопреки пессимистическаго воззрѣнія послѣдняго, оказалось, что наше общество состоитъ не исключительно изъ злостныхъ революціонеровъ, чадолюбивыхъ родителей, малограмотныхъ, но самоувѣренныхъ газетчиковъ и проч.

Боголѣпову не привелось свои начинанія довести до конца.

Управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія Толстымъ и Деляновымъ сильно тормозило „дѣятельное совершенствованіе заведеній въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ", которое рекомендовалось уставомъ Головнина. Собственныя усилія въ этомъ направленіи были не нужны, а, пожалуй, и рискованны. Заведенія жили на всемъ готовомъ. Само собою разумѣется, что этому нивелирующему режиму не всѣ подчинялись. Отдѣльныя личности жили своимъ умомъ, посѣщали педагогическія собранія, съѣзды, участвовали въ дебатахъ, писали статьи, и проч. и пользовались возможностью общенія съ товарищами, работающими въ заведеніяхъ, болѣе счастливо поставленныхъ, чѣмъ гимназіи.—Надо признать счастьемъ для русской школы, что руководство ею не было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, а въ каждомъ вѣдомствѣ шло своимъ путемъ. Кругозоръ педагоговъ расширялся; они могли наблюдать и здоровые, и болѣзненные, чахлые организмы. Наставники, желавшіе быть со своими учениками въ человѣческихъ отношеніяхъ и содѣйствовать ихъ всестороннему человѣческому развитію, все же „дерзали" дѣлать свое дѣло, несмотря на внѣшнія условія, въ которыхъ традиціи Пирогова были непризнаны, не въ чести. И такова сила правды,—эта

---

[1]) П. Алешинцевъ. Исторія гимназич. образованія въ Россіи. Стр. 315.

традиція хранилась какъ наслѣдіе замѣчательнаго русскаго педагога, распространялась во все болѣе широкихъ кругахъ.

IX.

Мы закончили періодъ, когда русскіе педагоги видѣли въ средѣ своей такую крупную личность, какою былъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Послѣ увольненія его отъ должности Попечителя учебнаго округа современные ему педагоги могли примѣнить къ нему ту фразу, которую обыкновенно говорятъ надъ свѣжею могилою: онъ ушелъ отъ насъ, но идеи его остались съ нами.

Поучительна и трагична судьба его идеи.

Пироговъ былъ личностью большого ума и сильной энергіи. Общество знало его еще до появленія въ печати его „Вопросовъ жизни“, знало и относилось къ нему съ уваженіемъ. Его почтительно выслушали, въ его идеѣ признали глубокую правду. Казалось, онъ высказалъ ясно и твердо то, что бродило въ мысляхъ русскихъ просвѣщенныхъ людей того времени. Ему предоставлена была возможность практическаго осуществленія своей идеи, и нельзя было предполагать, что только счастье улыбнулось ему: его выдвинула впередъ здоровая мысль, личный талантъ и горячая любовь къ родинѣ.

Пироговъ изъ мыслителя обратился въ педагога-практика. Его дѣятельность стала общественною и доступною для критики всѣхъ и каждаго: и тѣхъ, кто имѣлъ право считать себя компетентнымъ судьею педагогической дѣятельности Пирогова, и тѣхъ, кто не понималъ ни самой идеи, ни значенія *школы дружно-трудовой жизни учащихся*, какую устроялъ Пироговъ. Его судили съ разныхъ, не имѣющихъ ничего общаго точекъ зрѣнія: и административной, и партійно-политической, и обывательской, и многихъ другихъ. Всего менѣе рѣшающее значеніе придавалось оцѣнкѣ *педагогической* дѣятельности Пирогова съ *педагогической* точки зрѣнія. Онъ вынужденъ былъ не по своей волѣ прервать свою работу.

Одновременно съ Пироговымъ и послѣ ухода его мы видѣли много почтенныхъ личностей среди русскихъ педагоговъ, работавшихъ въ его духѣ. Они относились съ глубокимъ уваже-

ніемъ къ Пирогову и къ его идеѣ, но въ осуществленіе ея вносили каждый нѣчто свое, весьма разумное, весьма цѣнное. Для сужденія о томъ, въ какія практическія формы могла бы улечься идея Пирогова, намъ недостаетъ только опыта *самого Пирогова*. То, что осталось послѣ него, не даетъ яснаго представленія той картины школы, которая рисовалась ему въ воображеніи. Культурно-идейную реформу нельзя судить по результатамъ одного, двухъ лѣтъ работы. Въ началѣ она неизбѣжно идетъ не нормально, но зато каждый годъ работы создаетъ новыя условія, все болѣе и болѣе ей благопріятныя, и повышаетъ ея продуктивность. Прерванная работа — не одно и тоже, что законченная работа. Она еще не говоритъ о неосуществимости, непрактичности идеи; она оставляетъ мѣсто предположеніямъ и догадкамъ, она возлагаетъ на послѣдующія поколѣнія обязанность продолжать незакопченную работу завѣщателя, оставившаго имъ въ наслѣдіе свою идею.

Судьба была несправедлива къ Пирогову, лишивъ его возможности докончить начатый имъ, полный творчества опытъ, которому онъ готовъ былъ посвятить и свое богатое душевное содержаніе и свой неустанный трудъ. Обидѣвъ Пирогова, она обидѣла не его одного, а и всю учащуюся молодежь позднѣйшихъ поколѣній, и всѣхъ насъ. Много позорнаго, унизительнаго, злого творится людьми оттого, что они и въ себѣ самихъ, и другъ въ другѣ мало уважаютъ человѣческое достоинство, что эти слова ничего не говорятъ имъ, ни къ чему не обязываютъ. Много горькаго ушло бы изъ нашей жизни, еслибъ „воспитаніе человѣка“ было признано и поставлено основнымъ принципомъ школьной и внѣшкольной жизни. И правы тѣ, кто, чтя память Пирогова, дорожа его завѣтами и не находя поддержки въ условіяхъ своей работы, все же проводятъ его идеи въ сознаніе тѣхъ, кто приходитъ къ нимъ за помощью въ исканіи истины и правды и поучаютъ ихъ, по завѣту Пирогова, „искать и быть человѣкомъ“. Они творятъ благое дѣло, благое и для отдѣльныхъ лицъ, и для всей земли русской. Люди ей нужны.

Приложенія.

Отъ автора. Приступая къ составленію настоящей книги, я предполагалъ изложить въ ней педагогическія идеи Пирогова, опытъ его проведенія ихъ на практикѣ и т. д., имѣя въ виду лишь его общія идеи (не касаясь его мнѣній по университетскому вопросу) и ограничиться тѣми сужденіями о немъ, которыя были высказаны до устраненія его съ педагогическаго поприща. Дальнѣйшая разработка идей Пирогова съ того момента, когда, вслѣдствіе прекращенія имъ литературно-педагогической дѣятельности, идеи его обратились въ „наслѣдіе Пирогова“, должна составить особую книгу. Она уже почти готова къ печати. Въ нее войдутъ Ушинскій, Стоюнинъ и др., поскольку они разрабатывали вопросъ о воспитаніи „человѣка“. Впослѣдствіи я счелъ полезнымъ измѣнить свой первоначальный планъ и, не стѣсняясь хронологіей, въ этой же книгѣ изложить педагогическіе взгляды И. Мечникова и П. Ф. Лесгафта. Въ ихъ взглядахъ, высказанныхъ въ близкое къ намъ время, т.-е. почти черезъ 50 лѣтъ спустя послѣ Пирогова, притомъ высказанныхъ, какъ и онъ, представителями естествознанія, мы находимъ въ сущности тѣ же основные взгляды на соотношеніе духа и плоти, на самоусовершенствованіе, значеніе нравственнаго идеала и пр., какіе высказывались Пироговымъ, но, конечно, мотивированные доводами во всеоружіи новѣйшихъ успѣховъ знанія.

Такъ какъ въ этой книгѣ идетъ рѣчь именно объ основныхъ положеніяхъ Пирогова, то мнѣ казалось, что въ ней же должны найти мѣсто (въ видѣ приложенія) и основныя положенія двухъ названныхъ ученыхъ.

I.

Нѣкоторые педагогическіе выводы И. И. Мечникова «О природѣ человѣка» и другихъ.

Въ статьѣ своей „Вопросы жизни“ Пироговъ говори двухъ отчизнахъ, земной и небесной. Это выраженіе и т смущало многихъ; вѣроятно, смущаетъ и теперь. Добр бовъ въ рецензіи одной книги, не называя Пирогова, знялъ ученіе о дуализмѣ человѣческой натуры отжив свой вѣкъ. Понятно, что религіозность Пирогова могла толкнуть его въ самомъ названіи этихъ отчизнъ, какъ бы зать ихъ происхожденіе; устранивъ однако это указан ограничивался признаніемъ, что различіе ихъ лежитъ не происхожденіи, а въ существѣ, мы все же можемъ ожи что въ то время, а пожалуй и теперь, самое разли должно было вызвать разныя толкованія.

Съ самаго начала, когда Пироговъ высказался за нас чивую необходимость воспитанія „человѣка“, одни прекр поняли, что это значитъ, но признавали вовсе нежелат нымъ, чтобы каждый чувствовалъ за собою какія-либо п человѣка, другіе не поняли и потому дѣлали оговор поправки. Такъ, проповѣдуемое Пироговымъ господство надъ плотью внушало опасеніе, что оно приведетъ къ а тизму. Это недоразумѣніе было вполнѣ естественно. Мы реживали періодъ такъ сказать возстановленія правъ п Естествознаніе, съ которымъ русская публика въ то в

комилась по русскимъ переводамъ Бюхнера, Фохта, Мо-
шота, даже старика Кабаниса, было поглощено разработкою
роса о вліяніи тѣла на духъ, причемъ высказывалось мнѣ-
, что духъ находится въ рабствѣ у плоти и въ подтвер-
еніе этого мнѣнія указывалось на измѣненія въ настроеніи
направленіи мыслей подъ давленіемъ такого или иного хода
віологическихъ процессовъ. Уходъ и попеченіе о тѣлѣ, при
омъ взглядѣ, естественно выдвигались на первый планъ.
Но то была лишь стадія развитія нашихъ познаній о при-
дѣ человѣка. Стадія, на которой естествознаніе не остано-
а, черезъ которую прошло, двигаясь впередъ. Обшир-
люденій и изслѣдованій надъ связью физіологи-
ій съ психологическими былъ произведенъ не
ько физіологами и психологами, но и психіатрами, педі-
рами, этнографами и т. д. Теперь для насъ несомнѣнно,
между состояніемъ и функціями нашихъ органовъ и пси-
ческими настроеніями и проявленіями есть извѣстная связь,
эта связь частенько составляетъ наше горе; не будь ея,
ди не дѣлали бы такъ много глупостей изъ-за несваренія
лудка, не проявляли раздраженія и злобы изъ-за погрѣш-
стей нервной системы. Мы знаемъ больше того: не только
врежденія, отступленія отъ нормы, болѣзни какъ въ строе-
органовъ, такъ и въ ихъ функціяхъ, но и организмъ,
знаваемый нами нормальнымъ, полонъ дефектовъ и дис-
моніи, нарушающихъ правильное теченіе духовной жизни.
мы знаемъ также, что и психика въ свою очередь вліяетъ
организмъ, задерживая или, наоборотъ, развивая ту или
ую функцію его. Организмъ, благодаря этому, приспособ-
ется не только къ физическимъ, внѣшнимъ, природнымъ
овіямъ его существованія, но и къ мѣняющимся обще-
еннымъ условіямъ. А главное, мы знаемъ теперь, что орга-
ческая природа наша не представляетъ собою чего-либо
тановившагося и совершеннаго, велѣніямъ чего долженъ
дчиняться человѣкъ, желающій благополучнаго существова-
на землѣ, что надо, поэтому, разбираться въ этихъ ве-
ніяхъ и въ мѣрѣ возможности стремиться къ улучшенію
нихъ аппаратовъ нашего организма и обезвреженію дру-
къ. Не только гигіена, но и мораль должны быть призваны
этой работѣ.

Кромѣ того, организмъ нашъ, какъ указываетъ Мечниковъ, „переполненъ органами, которыя хотя и могутъ еще дѣйствовать, тѣмъ не менѣе клонятся къ явному упадку, а также—и притомъ въ еще большей степени—органами уже совершенно заглохшими, такъ называемыми остаточными или рудиментальными“ [1]). По исчисленію Видерсгейма, число первыхъ достигаетъ 12 (11-я и 12-я пары реберъ, носовыя раковины, слѣпая кишка, клыки и др.); число вторыхъ—78 (остатки хвоста, ушные и затылочные мускулы и нервы, отростокъ слѣпой кишки, остатки шерсти, зубы мудрости и др.). Органовъ, представляющихъ явные слѣды прогрессивнаго развитія, всего только 9 (головной мозгъ, мускулы рукъ и лица, сѣдалищныя мышцы и др.).

Современное естествознаніе, по скольку оно занято вопросомъ „о природѣ человѣка“, даетъ намъ возможность значительно приблизиться къ познанію, надо ли различать духъ отъ плоти, и какое взаимоотношеніе ихъ надо признать идеальнымъ въ „человѣкѣ“. И. Мечниковъ въ большей части статей своихъ говоритъ о несовершенствѣ нашей физической природы, о неравномѣрности (во времени) развитія различныхъ аппаратовъ, запаздываніи одного изъ нихъ, когда другой нуждается въ надлежащей его работѣ, о вытекающей отсюда дисгармоніи между нашими потребностями и желаніями, часто страстными, и средствами здороваго ихъ исполненія. „Сильно распространившееся въ прежнія времена мнѣніе, будто человѣческій организмъ представляетъ образецъ совершенства, выше котораго ничего быть не можетъ, не выдерживаетъ болѣе критики“ [2]). Какъ увидимъ далѣе, воззрѣнія Мечникова представляютъ большой интересъ для педагоговъ.

Причина несовершенства нашего организма, по его мнѣнію, лежитъ въ томъ, что „человѣкъ получилъ всѣ свои органы отъ какого-нибудь болѣе низшаго въ системѣ животнаго... Выражаясь образно, можно сказать, что въ человѣческомъ тѣлѣ

---

[1]) И. Мечниковъ, Сорокъ лѣтъ искапія раціональнаго міровоззрѣнія. 1913. стр. 225.

[2]) Idem. Стр. 115.

заключено цѣлое низшее животное существо“ [1]). Органы эти, и въ видѣ, и въ отдѣльной особи, постоянно и постепенно измѣняются, одни атрофируются, другіе—развиваются, эволюціонируютъ въ зависимости отъ внѣшнихъ условій жизни человѣка и другихъ обстоятельствъ. Замѣчательно притомъ, что даже у дикихъ и первобытныхъ народовъ проявляется стремленіе совершенствовать свое тѣло по идеалу, создающемуся изъ наблюденія формъ его, почему-либо признаваемыхъ наиболѣе совершенными. По такому побужденію создались обычаи придавать головѣ особую удлиненную форму, уменьшать ноги, спиливать зубы и т. п. На болѣе высокой ступени развитія проявляется стремленіе дать органамъ интеллектуальной жизни возможность болѣе широкаго и активнаго проявленія.

Изъ примѣровъ дисгармоніи, вносимой въ духовную жизнь человѣка нестройностью организма, приводимыхъ Мечниковымъ, остановимся на половомъ развитіи человѣка, ставящемъ и передъ педагогомъ задачи, надъ достиженіемъ которыхъ онъ часто бьется безплодно. Въ нашемъ организмѣ, говоритъ Мечниковъ „существуютъ несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ, несоразмѣрности, имѣющія большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія, въ смыслѣ препятствій послѣднему“ [2]). Такая несоразмѣрность въ развитіи половыхъ аппаратовъ приводитъ физіологовъ и педагоговъ къ необходимости различать половую зрѣлость (pubertas) отъ общей физической зрѣлости (nubilitas) и отъ брачной зрѣлости. У дикихъ народовъ эти три момента почти совпадаютъ, у цивилизованныхъ народовъ они раздвигаются, образуя болѣе или менѣе длинные промежутки.

Въ раннемъ возрастѣ особенно велика разница между чрезмѣрнымъ развитіемъ чувствительности и слабостью ума и воли. Отсюда—жизнь впечатлѣніями минуты, капризы, особаго вида страстность. Вмѣстѣ съ общею чувствительностью проявляется и та „особая форма осязанія, которая составляетъ половое ощущеніе“. Прикосновеніе къ внѣшнимъ половымъ органамъ доставляетъ удовольствіе даже грудным

---

[1]) Idem. Стр. 114.
[2]) Стр. 67.

дѣтямъ. Отсюда—естественность, соотвѣтствіе природѣ, онанизма, столь широко распространеннаго среди малолѣтнихъ. Воздержаніе отъ него возможно лишь при содѣйствіи сознанія и усилій воли, идущихъ на борьбу съ несовершенствомъ нашей натуры, состоящей въ данномъ случаѣ въ томъ, что чувствительный половой аппаратъ начинаетъ дѣйствовать гораздо раньше, чѣмъ всѣ остальные аппараты половой системы, ранѣе появленія половой зрѣлости.

Достиженіе половой зрѣлости точно также еще не означаетъ возможности начать половую жизнь, которая допустима лишь *при достиженіи зрѣлости всего организма*. Половая жизнь требуетъ большой траты силъ, которые нужны для завершенія роста и развитія органовъ другихъ отправленій, и статистика обнаруживаетъ, что среди рано вступившихъ въ бракъ смертность нѣсколько увеличена сравнительно съ позже начавшими половую жизнь. Съ другой стороны, и воздержаніе отъ половой жизни въ этомъ періодѣ, особенно у дѣвушекъ, порождаетъ болѣзненность и нервность. Такимъ образомъ приходится признать, что организмъ нашъ развивается не гармонично; проявленія полового аппарата, играющія такую большую роль въ нашихъ настроеніяхъ, ставятъ свои требованія всегда раньше времени и часто влекутъ за собою вредныя для организма послѣдствія. Ради здоровья организма и въ этой стадіи полового развитія нужна борьба противъ неурегулированнаго роста частей самого же организма.

Наконецъ, Мечниковъ отмѣчаетъ третій моментъ зрѣлости, необходимой для права вступленія въ бракъ. Мы бы назвали эту зрѣлость психическою, хотя и нельзя не признать, что это названіе не исчерпываетъ всего существа ея. Требованія ея опредѣляются условіями нашей культурно-соціальной жизни. Вступающій въ бракъ беретъ на себя обязанности содержать семью, воспитывать дѣтей, поддерживать семейный строй. Для этого нужны не только общая работоспособность, но и выборъ опредѣленнаго поприща общественной дѣятельности, пониманія жизни, характера и пр. Непризнаніе за собою способности взять на себя отвѣтственность за брачную жизнь, толкаетъ людей на внѣбрачныя, случайныя, безъ какихъ-либо обязательствъ, связи, съ созданіемъ „жертвъ общественнаго темперамента“, болѣзнями, вытравленіемъ плода, дѣто-убій-

ствомъ, подкидышами и многимъ другимъ, съ чѣмъ такъ безплодно борются и моралисты, а отчасти и уголовное законодательство.

Всѣ мы знаемъ, какую громадную роль въ нашей жизни играютъ требованія половой сферы, сколько разлада, горя, несчастья причиняютъ намъ эти побужденія половыхъ аппаратовъ, вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ условіямъ жизни и недостатковъ гармоніи въ самомъ организмѣ. Несвоевременное и искусственное удовлетвореніе, неравные браки, болѣзни и истощеніе составляютъ обычныя явленія нашей жизни.

„Не такъ легко, говоритъ Мечниковъ, жить сообразно съ природою, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И это, очевидно, не простая случайность...“ [1])

„Однимъ изъ основныхъ источниковъ разлада и дисгармоніи является то, что человѣкъ, происшедшій отъ животныхъ, жившихъ въ одиночку или небольшими стадами, долженъ былъ развиться въ существо съ самой широкой общественностью. Въ этомъ пунктѣ заключается самое больное мѣсто его природы, которая въ этомъ-то направленіи и подлежитъ самой капитальной передѣлкѣ“. Наши древніе получеловѣческіе прародители руководились болѣе инстинктомъ и менѣе разсудкомъ. Поднявшись до человѣка, homo sapiens развивается далѣе и далѣе и не представляетъ до сихъ поръ вполнѣ установившагося вида, приспособившагося къ условіямъ существованія. „Унаслѣдованные имъ инстинкты потеряли свою первоначальную силу, сдѣлались шаткими, тогда какъ долженствующій стать на ихъ мѣсто разумъ еще недостаточно развился и окрѣпъ. Отсюда раздвоеніе и разладъ, съ столь раннихъ поръ обратившіе на себя вниманіе человѣчества.“ „Инстинктъ самосохраненія сталъ нарушаться самоубійствомъ, инстинкты семейные извратились до дѣтоубійства“.

Въ этихъ разсужденіяхъ біолога для насъ представляетъ особый интересъ то, что если на двухъ первыхъ стадіяхъ полового развитія воспитатель находитъ достаточное руководство въ гигіенѣ, то на третьей она должна уступить мѣсто высшей общественной нравственности. Требованія, которыя предъявляются человѣку на этой стадіи, имѣютъ въ виду уже не

---

[1]) (Мечниковъ. Стр. 227.)

охрану отдѣльнаго лица, а будущаго ребенка, самое общество. Мораль вступаетъ здѣсь въ свои права.

Было бы несправедливо упрекать современниковъ Пирогова за невѣдѣніе тѣхъ выводовъ, къ какимъ пришла наука спустя 50 лѣтъ послѣ его смерти. Иное дѣло тѣ современные намъ писатели, которые и теперь стремятся поддерживать вѣру въ разумность природы человѣка во всемъ ея объемѣ и продолжаютъ, вслѣдъ за Руссо, думать, что люди только портятъ свое молодое потомство. Родители и педагоги могутъ ошибаться, употреблять ложные пріемы воспитанія, но нельзя ставить общимъ правиломъ, что родители и педагоги должны устраниться отъ воспитанія и предоставить самой природѣ вести развитіе человѣка къ его благу и счастью.

„Низшее животное сидитъ въ человѣкѣ еще далеко не заглушеннымъ, говоритъ Мечниковъ, а способнымъ вырваться наружу. Предоставьте ему только свободно развиваться на томъ основаніи, что оно составляетъ „естественное свойство нашего организма, и оно не замедлитъ вырваться“. [1])

Картина дѣтства, рисуемая Мечниковымъ въ его статьѣ „Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія“, отнюдь не располагаетъ принять этотъ совѣтъ доброжелателей дѣтей. Ребенокъ, появляясь на свѣтъ, представляется существомъ, гораздо менѣе развитымъ, чѣмъ новорожденныя и молодыя животныя, и потому нуждается въ болѣе продолжительномъ уходѣ и воспитаніи. Чувствительность его гораздо сильнѣе развита, чѣмъ умъ. „Ребенокъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ въ жизни такія положенія, которыя могутъ быть правильно поняты только съ помощью долгой опытности и большого знанія. Онъ не можетъ ни понять, ни почувствовать связи между явленіями, отдѣленными другъ отъ друга продолжительнымъ періодомъ времени, поэтому ему вообще недоступна идея полезности, тогда какъ сфера чувственнаго удовольствія или неудовольствія для него открыта“ [2]).

„Безъ посторонней помощи онъ не скоро научается правильно связывать причины со слѣдствіями“. Окружающая его жизнь взрослыхъ не только не даетъ удовлетворенія его

---

[1]) Законъ жизни. По поводу нѣкоторыхъ произведеній Л. Толстого. Стр. 226.

[2]) Стр. 28.

потребностямъ, но и недоступна его непосредственному пониманію настолько, что требуется весьма долгій промежутокъ времени для уразумѣнія происхожденія и смысла жизни, въ которой ему предстоитъ играть активную самостоятельную роль. Понятно, что познаніе своего организма, расцѣнка его полезныхъ и вредныхъ потребностей и способы улучшенія вида должны въ ряду этихъ знаній занять подобающее имъ мѣсто.

Задачу воспитанія вообще можно понять изъ слѣдующаго замѣчанія Мечникова.

„Въ человѣческомъ мірѣ, говоритъ онъ, сознаніе и воля являются факторами подбора, который въ мірѣ остальныхъ организмовъ справляется безъ нихъ, и основной разладъ устраняется при помощи самого человѣка, активнѣйшаго изъ всѣхъ живыхъ существъ“. [1])

Такимъ образомъ дуализмъ современнаго естествознанія приводитъ не къ умерщвленію плоти, а къ непрестанному уходу за нею въ цѣляхъ раціональной гигіены и физическаго образованія.

Чрезвычайно важно и для педагоговъ и для строителей общественной жизни одно общее замѣчаніе. Организмъ нашъ во всей своей совокупности эволюціонируетъ и содержитъ въ себѣ, какъ аппараты, доставшіеся намъ по наслѣдству отъ предковъ первобытнаго состоянія, а многіе—общіе съ звѣрями, такъ и все болѣе совершенствующіеся. Въ духовномъ нашемъ капиталѣ наблюдается то же самое. Замѣчательно при томъ, что при психическихъ заболѣваніяхъ, при недугахъ и старости всего раньше изъ духовнаго запаса выпадаетъ то, что пріобрѣтено человѣкомъ или человѣчествомъ позднѣе, то, что составляетъ пріобрѣтеніе культуры и цивилизаціи,—мораль, гуманность, т.-е. именно то, что мы считаемъ характернымъ для „человѣка“. Очевидно, это „человѣческое“ должно начинать воспитывать раньше, бережно охранять семьею, школою, обществомъ, если мы хотимъ, чтобы блага культуры крѣпли и развивались.

Эта справка у современнаго натуралиста, такъ много думавшаго о природѣ человѣка, утверждаетъ насъ въ признаніи

[1]) Idem. 121.

справедливости мнѣнія Пирогова, что воспитаніе школою, а затѣмъ и общественнымъ строемъ, должно вести къ господству духа надъ плотью, что человѣкъ, живущій въ соціальной средѣ, долженъ и заботиться о совершенствованіи организма, и подчиниться этическимъ требованіямъ. Понятіе „человѣка“, воспитаніе котораго Пироговъ задачею школы воспитанія, пріобрѣтаетъ большую опредѣленность.

II.

Педагогическія воззрѣнія П. Ф. Лесгафта.

Глубокая мысль Пирогова, что самоусовершенствованіе, вытекающее изъ сознанія человѣческаго достоинства и въ свою очередь подымающее его, получила особое освѣщеніе въ работахъ ученыхъ физіологовъ. Изученіе человѣческаго организма привело ихъ къ признанію многихъ и крупныхъ несовершенствъ органовъ человѣческаго тѣла, вносящихъ въ нашу жизнь нравственныя извращенія, болѣзни, страданія и преждевременную смерть. Гигіена можетъ принести большую пользу человѣку въ этомъ отношеніи, но совѣты ея рѣдко примѣняются вслѣдствіе слабаго интереса нашего къ сохраненію здоровья и сбереженію силъ. Очевидно, люди невполнѣ понимаютъ значеніе гигіены для нашей жизни и недостаточно серьезно смотрятъ на самую жизнь. Между тѣмъ научное изученіе жизненныхъ явленій побуждаетъ повысить требованія ухода за тѣломъ. Вмѣсто того, чтобъ мириться съ устройствомъ организма и оберегать его отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, настойчиво указываютъ на необходимость внести извѣстныя измѣненія въ самый организмъ. Эта задача не можетъ быть выполнена вполнѣ на протяженіи человѣческой жизни. Приходится говорить не о перестройкѣ организма, а объ нѣкоторомъ улучшеніи его, которое наслѣдственно передастся потомству, а воспитаніе послѣдняго должно расположить его продолжать работу предковъ и въ свою очередь передать своему потомству еще болѣе усовершенствованный организмъ.

Улучшеніе организма неизбѣжно вызоветъ улучшеніе и психической жизни человѣка. Уходъ за тѣломъ необходимъ въ интересахъ полноты и стройности послѣдней.

Такія мысли, повидимому, лежали въ основѣ педагогическихъ идей П. Ф. Лесгафта.

По научной спеціальности Лесгафтъ былъ анатомъ, онъ оставилъ послѣ себя рядъ научныхъ работъ и память въ своихъ ученикахъ, что онъ былъ „учителемъ жизни“. На лекціяхъ анатоміи онъ безпрестанно говорилъ о педагогикѣ, а въ своихъ книгахъ о воспитаніи указывалъ проявленія организма, проливающія свѣтъ на то, что въ воспитаніи цѣлесообразно и что—нѣтъ. Кромѣ того онъ читалъ лекціи уже спеціально по педагогикѣ и написалъ нѣсколько книгъ. По первому впечатлѣнію можно подумать, что его педагогика является выводомъ изъ изученія человѣческаго организма и игнорируетъ душу, и потому должна оказаться одностороннею. На самомъ дѣлѣ это не такъ. У Лесгафта былъ свой идеалъ „человѣка“, и, изучая организмъ, онъ искалъ средствъ обезпечить людямъ возможность осуществленія извѣстнаго этическаго идеала.

Этотъ идеалъ Лесгафтъ рисуетъ, изображая „нормальный типъ“. Въ скобкахъ самъ онъ прибавляетъ „представляемый въ идеалѣ“. Такой типъ „отличается полною гармоніею между умственнымъ и физическимъ своимъ развитіемъ“ [1]). Человѣкъ такого типа наблюдаетъ окружающее, обдумываетъ получаемыя впечатлѣнія, ищетъ логической связи между усвоенными знаніями, анализируетъ и развиваетъ въ себѣ отвлеченное мышленіе. Въ результатѣ такого мышленія получаются принципы, которыми онъ руководится въ своей активной дѣятельности. Онъ воздерживается отъ рефлективныхъ и подражательныхъ дѣйствій, потому что привыкъ во всякой работѣ, умственной и физической, дѣйствовать самостоятельно, какъ говорится, по зрѣломъ обсужденіи. Получивъ впечатлѣніе, онъ задерживаетъ на немъ свое вниманіе, желая реагировать на него вполнѣ сознательно и разумно. Онъ цѣнитъ человѣческое достоинство и въ себѣ, и въ другихъ. Онъ никогда не рѣшится прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ или

---

[1]) П. Ф. Лесгафтъ. Семейное воспитаніе ребенка. 2-я часть Школьныхъ типовъ. 1890. Стр. 38.

произвольнымъ требованіямъ, но и самъ доступенъ только разумному слову. Онъ чутко присматривается къ нуждамъ и требованіямъ окружающихъ, оцѣниваетъ ихъ по достоинству и не ставитъ свои личныя требованія выше требованій другихъ. Высшими качествами человѣка Лесгафтъ признавалъ мудрость и любовь. Этотъ краткій набросокъ идеала Лесгафта не даетъ однако полнаго представленія о томъ, какъ этотъ идеалъ проявляется въ дѣйствительной жизни.

Ученики Лесгафта называли его „учителемъ жизни“, потому что видѣли въ немъ почти полное осуществленіе идеальнаго, сильнаго, какъ выразился одинъ ученикъ, человѣка. Поэтому существенно необходимо выслушать людей, близко знавшихъ его, чтобъ видѣть, какъ Лесгафтъ проявлялъ себя въ жизни, что проповѣдывалъ живымъ словомъ, чему научались отъ него его ученики.

„Идеалъ жизни не въ счастьи, не въ достиженіи личнаго благополучія“, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ о Лесгафтѣ [1]). „Смыслъ жизни—*трудъ*, работа не для себя, а для другихъ; только эта работа человѣка, совершаясь цѣлыми поколѣніями, ведетъ къ безконечному совершенствованію человѣческой личности. Такая работа—исключительно для другихъ—возможна лишь для того, кто пойметъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право на уваженіе, единственно въ силу своего званія человѣка“. „Въ духовномъ существѣ человѣка заложены безусловныя, абсолютныя, самодовлѣющія цѣнности. Вызвать эти цѣнности, сдѣлаться человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, постигнуть святыню, скрытую въ тайникахъ сознанія—въ этомъ назначеніе человѣка. Въ человѣкѣ тлѣетъ искра Божія,—она должна разгорѣться яркимъ пламенемъ. Не угашайте духа—вотъ боевой кличъ въ ученіи П. Фр., его завѣтъ своимъ ученикамъ“.

„Слушатели изъ лекцій Лесгафта выносили убѣжденіе, что они должны выработать опредѣленное міровоззрѣніе, должны развить въ себѣ отвлеченное мышленіе, пріучиться къ критическому отношенію къ жизни, должны выработать въ себѣ человѣка-гражданина, непоколебимо стойкаго въ сво-

---

[1]) Памяти П. Ф. Лесгафта. Стр. 216, 232, 237.

ихъ убѣжденіяхъ, руководящагося во всѣхъ своихъ поступкахъ правдой, ненавидящаго насиліе и произволъ".

Этотъ идеалъ не тожественъ съ идеаломъ Пирогова, олицетворяемомъ во Христѣ, но это во всякомъ случаѣ идеалъ „человѣка", притомъ человѣка съ плотью и кровью, живущаго въ наше переходное время, могущаго только мечтать о наступленіи въ страшно отдаленномъ будущемъ разумной жизни среди одухотворенныхъ людей, а пока ведущаго борьбу съ внѣшними условіями жизни и съ темными силами, уживающимися въ человѣкѣ рядомъ съ искрою Божьею. И мнѣ кажется, что про этотъ идеалъ можно сказать словами Пирогова: онъ ведетъ борьбу, а не вражду. Идеалъ этотъ— идеалъ нашего и ближайшаго къ намъ времени. Мы уже встрѣчаемъ такихъ людей: идейныхъ, стойкихъ, съ сильною волею, отнюдь не ставящихъ своихъ личныхъ интересовъ превыше всего.

Но, конечно, такой идеалъ можетъ сложиться только къ зрѣлому возрасту. И если подумать, что человѣческое существо въ какіе-нибудь 20 лѣтъ переходитъ изъ состоянія безпомощнаго и несмысленнаго ребенка въ взрослаго, зрѣлаго и твердаго волею мужа, то мы невольно заключимъ, что въ этомъ существѣ заключаются громадныя силы. Лесгафтъ утверждаетъ, и мы опять соглашаемся съ нимъ, что большинство людей даетъ меньше, чѣмъ могли бы дать, что почти у каждаго изъ насъ, и даже у самыхъ крупныхъ личностей много силъ остается неиспользованныхъ, неразвитыхъ, заглохшихъ. Въ томъ-то и дѣло, что мы, люди, суть существа съ плотью и кровью; потребностей плоти никакъ нельзя игнорировать; ее надо питать и грѣть, а необходимость удовлетворенія ихъ часто приводитъ людей къ тому, что они берутся за работу, которая имъ вовсе не по душѣ, идутъ на компромиссы съ совѣстью, поддаются искушеніямъ всякаго рода.

Мечниковъ признаетъ нашъ организмъ устроеннымъ крайне несовершенно и рисуетъ тѣ непослѣдовательности въ поведеніи, на которые обреченъ человѣкъ несогласованностью функцій и развитія отдѣльныхъ органовъ. Мысль о неизбѣжности болѣзненной старости все время стоитъ передъ его умственными очами. Лесгафта изученіе человѣческаго организма привело къ иному взгляду.

Демонстрируя на своихъ лекціяхъ препараты разныхъ органовъ, онъ указывалъ, что по уклоненіямъ ихъ отъ нормы можно судить о жизни человѣка, его профессіи, занятіяхъ и пр. Совершенно понятно, что сидячая жизнь, неестественное положеніе при работѣ (напр. портныхъ), таскань̀е грузовъ—все это вноситъ въ части организма тѣ или другія измѣненія. Примѣры эти грубые и для всѣхъ очевидные; но болѣе тонкій наблюдатель замѣчаетъ измѣненія, производимыя и менѣе крупными нарушеніями нормальныхъ условій труда. Но если наблюдается связь между работой и организмомъ, служащая людямъ во вредъ, то вѣдь можно воспользоваться этою же связью и во благо человѣка. Врачебная гимнастика, массажъ и пр. уже примѣняются въ медицинѣ и даютъ результаты. И Лесгафтъ ищетъ, какъ лучше использовать то хорошее, что есть въ устройствѣ органовъ, какимъ путемъ усовершенствовать ихъ, чтобы они въ возможной полнотѣ служили человѣку въ его стремленіи проявить свое человѣческое достоинство.

Дѣлая оцѣнку органовъ по работѣ, которую они способны производить, по ихъ роли въ общей жизни, Лесгафтъ трактовалъ ихъ, какъ живые. Иные представлялись ему геніальными, но какъ бы скромна ни была роль органа, каждый изъ нихъ можетъ быть усовершенствованъ. Наслѣдственности онъ не придавалъ того ограничительнаго значенія, какое многіе склонны признавать за нею. Отъ человѣка зависитъ облегчить развитіе одного органа и задержать развитіе другого.

Средства воспитать человѣка, достойнаго этого имени, Лесгафтъ находитъ въ физіологическомъ законѣ, что отъ упражненія органы развиваются, а при бездѣйствіи атрофируются. Такъ какъ достоинство человѣка выражается въ его умственномъ трудѣ, въ отвлеченномъ мышленіи, построяющемъ міросозерцаніе, дающее сильные приказы волѣ, то, очевидно, надо, чтобы мозгъ имѣлъ возможность работать наиболѣе энергично. Но мозгъ, говаривалъ Лесгафтъ, большой баринъ: онъ много даетъ, но и много требуетъ. Чтобы мозгъ могъ исполнять свою работу, надо, чтобъ другіе органы не отвлекали его отъ нея такими впечатлѣніями, которые не нужны для мозговой работы, не вызывали затраты мозговыхъ силъ на ненужную и безполезную для человѣка работу.

Для воспитанія человѣка нужно стремиться къ тому, чтобъ духъ главенствовалъ надъ всѣмъ тѣмъ, къ чему влечетъ его организмъ. „Мое тѣло—только мое, повторялъ Лесгафтъ за Сократомъ [1]), но не я самъ“. Необходимо, чтобъ человѣкъ понялъ это изреченіе древняго мудреца, и чтобы „это я пріучилось управлять своимъ тѣломъ“. Онъ различалъ внѣшнія раздражители отъ внутренняго двигателя, мысли человѣка. Чтобы дать бо̀льшій просторъ мозговой работѣ, надо нѣкоторые раздражители удалить вовсе и съ этою цѣлью отказаться отъ пряностей въ пищѣ, всего, что можетъ развивать обжорство, ото всего, что возбуждаетъ похоть и отъ многаго другого. Съ другой стороны, надо привыкать задерживать нервную волну, приучаться владѣть активнымъ вниманіемъ и когда задержанная волна достигнетъ мозга, анализировать полученное впечатлѣніе и поступить, уже какъ мыслящее существо, сознательно и разумно. Рѣшившись на работу, надо не жалѣть силъ, не щадить себя. „Чѣмъ больше работы, тѣмъ больше тратъ, тѣмъ энергичнѣе возстановленіе и тѣмъ болѣе быстрымъ темпомъ идетъ развитіе соотвѣтственныхъ способностей и силъ, если только органъ не доводится до предѣла дѣятельности“ [2]).

Гимнастику Лесгафтъ преобразовалъ въ физическое образованіе. Онъ не обособлялъ ее, а ставилъ ей ту же задачу, какъ и умственному образованію, подчинялъ ее одной и той же такъ сказать дидактикѣ. Задача ея въ томъ, чтобъ дать человѣку возможность владѣть своими органами и членами, пріобрѣсти власть надъ побужденіями къ рефлекторнымъ, подражательнымъ, привычнымъ дѣйствіямъ.

Въ этого рода дѣйствіяхъ, вызываемыхъ „внѣшними раздражителями“, такъ мпого механическаго, непроизвольнаго, ничего не говорящаго объ убѣжденіяхъ и личности человѣка. Эти раздражители могутъ также вызывать и болѣе сложные рефлексы, привычные и подражательные акты, совершенно необдуманные, въ которыхъ по зрѣломъ обсужденіи человѣку нерѣдко приходится раскаиваться. Поведеніе человѣка такого характера ниже достоинства „человѣка“, ниже того, что онъ

---

[1]) Лесгафтъ. Школьные типы. II, 87.
[2]) Памяти Лесгафта. Стр. 69.

можетъ дать и что долженъ давать. Обыкновенно люди весьма податливы на такого рода возбужденія, и оттого въ ихъ проявленіяхъ такъ много случайнаго, вовсе не рисующаго личность. Сегодня человѣкъ поступилъ такъ, а при повтореніи тѣхъ же обстоятельствъ, только нѣсколько осложнившихся, онъ теряется, не знаетъ, какъ ему поступить, потому что не привыкъ обдумывать каждый свой шагъ. Въ человѣкѣ цѣнно то, что идетъ изъ его „внутренняго раздражителя“, его убѣжденій, идей, міросозерцанія и достаточно сильно, чтобъ опредѣлять собою проявленія человѣка, независимо отъ того, къ чему побуждаютъ его раздражители внѣшніе.

„Руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ, говоритъ Лесгафтъ, одними ощущеніями и чувствованіями,—это значитъ оставаться исключительно въ состояніи животнаго и не возвышаться до идейной жизни, характеризующей человѣка и дѣйствительно содѣйствующей его совершенствованію“ [1]). Ощущенія, чувствованія и такъ называемыя инстинкты связаны съ темпераментомъ лица, не суть проявленія человѣческаго разума, а только животныя или растительныя проявленія его организма“.

„Цѣлесообразная разумная дѣятельность, не дающая развиваться чувственнымъ проявленіямъ, трудъ и работа, составляютъ, повидимому, главные моменты для развитія характера человѣка“... „Главною цѣлью работы человѣка надъ самимъ собою должно быть возможно большее проявленіе индивидуальныхъ (творческихъ) силъ и нравственное самоусовершенствованіе“.

Соотвѣтственно этому Лесгафтъ относился критически, даже сурово, ко всякимъ внѣшнимъ раздражителямъ. Самъ онъ велъ жизнь скромную, простую, не допуская никакихъ безполезныхъ затратъ энергіи. Но когда онъ признавалъ необходимымъ что-либо сдѣлать, то являлся живымъ воплощеніемъ своего же совѣта: „Не жалѣй и не щади себя; работай надъ собою“ [2]).

Жизнь, подобная той, какую велъ Лесгафтъ и какой училъ своихъ слушателей, не легка. Она почти аскетична во

---

[1]) Дѣтскіе типы, II, 113.
[2]) Дѣтскіе типы. Ч. II, стр. 91.

всемъ томъ, что обыкновенно служитъ для личнаго удовольствія. Она требуетъ постоянно большого напряженія умственныхъ, а часто и физическихъ силъ. Жить, какъ всѣ живутъ изо дня въ день, не задумываясь надъ смысломъ жизни и с своей роли, конечно, легче, привычнѣе; но испытавшій творческое мышленіе, идущій по имъ самимъ выбранной дорогѣ, видѣвшій плоды своей работы, своего характера, испытываетъ такое наслажденіе, какого не испытывалъ отъ пользованія матеріальными благами жизни, роскошью, комфортомъ и пр.

Сношенія и работа съ профессоромъ, умѣвшимъ къ урокамъ анатоміи присоединить и уроки жизни, имѣли большое моральное вліяніе на его слушателей. Они сами сознавали, что преобразуются въ типъ идейныхъ людей. Н. Эрасси [1]), говоря о его воздѣйствіи на нихъ, указываетъ, что „многимъ изъ насъ онъ доставилъ возможность пережить радости побѣдъ въ борьбѣ съ собою, своими неумѣлостью, лѣнью, неразвитостью, въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями, заставилъ полюбить эти горькія ощущенія, связанныя съ борьбой, которыя одни только создаютъ истину и высшія цѣнности, тѣ горькія ощущенія, которыя суть величайшее благо и наше единственное спасеніе отъ всякаго застоя“.

„Кто стоялъ однажды среди открытаго поля жизни, писалъ Е. Ливчакъ [2]), ища руководящую нить, и растерянный и одинокій въ глубокой тоскѣ озирался вокругъ, тотъ пойметъ, что значитъ найти руководителя, почувствовать его силу, услышать добрый призывъ, увидѣть зажженный имъ свѣтъ. Кто зажегъ свой свѣтильникъ, тотъ освѣщаетъ путь другимъ. Яркимъ пламенемъ горѣлъ свѣтильникъ, зажженный П. Ф. Лесгафтомъ, и свѣтилъ и согрѣвалъ вокругъ. Глубокой вѣрой въ человѣка, въ его высшее призваніе проникнуто слово, брошенное имъ въ міръ—*уваженіе къ человѣческой личности*. Страстнымъ призывомъ къ духовному росту и къ высшей жизни прозвучало другое слово—*работа*. Работа внутренняя надъ самимъ собой, надъ облагораживаніемъ, возвышеніемъ и просвѣтленіемъ себя, и работа внѣшняя въ формѣ служенія міру“.

---

[1]) Памяти П. Ф. Лесгафта. Статья „Научныя и педаг. идеи П. Ф. Лесгафта. Стр. 77—78.

[2]) Памяти П. Ф. Лесгафта. Е. Ливчакъ. Стр. 155.

Это закаленіе себя, эта выработка убѣжденій и воли, это совершенствованіе своихъ органическихъ силъ и способностей, служили не только сознанію своей личности, ея правъ на самостоятельность, но и дѣлали возможнымъ полнѣе, энергичнѣе, болѣе стойко и мужественно служить на пользу людямъ. Это служеніе людямъ, движимое мудростью и любовью, Лесгафтъ цѣнилъ весьма высоко.

Въ письмѣ его къ сыну читаемъ:

„Ты пишешь, что 24 іюля думаешь конфирмоваться и ходишь теперь къ пастору, но выяснилъ ли ты себѣ значеніе этого обряда? Въ идеѣ это значитъ пріобщиться, или присоединиться къ обществу людей, желающихъ жить любовью къ ближнему и въ правдѣ. Можно, конечно, преклоняться передъ этимъ по вѣрѣ или сознательно по принципу, по идеѣ. Жить по правдѣ и для другихъ самое великое, до чего только человѣкъ можетъ желать достигнуть“.

Мы не будемъ входить въ детали педагогической теоріи Лесгафта. Не для разбора ея повели мы здѣсь рѣчь о ней. Многіе завѣты его мы уже слышали отъ другихъ авторовъ. Нѣкоторымъ читателямъ покажется неубѣдительнымъ его утвержденіе, что человѣку дана возможность широкаго измѣненія своего организма. Для нашихъ цѣлей достаточно того, что вопросъ о самоусовершенствованіи большой вопросъ, достиженіе рѣшенія котораго нужно и для ближайшихъ, и для дальнѣйшихъ задачъ, ставимыхъ на очередь въ развитіи не только личностей, но и человѣчества.

Мудрость и любовь Лесгафтъ ставилъ высшими качествами личности, и этому идеалу онъ подчинялъ всѣ образовательныя и воспитующія воздѣйствія. Нормальный человѣкъ обладаетъ группою связныхъ идей, составляющихъ его міросозерцаніе, и потому умственное образованіе должно клониться къ тому, чтобъ научить и пріучить человѣка не запоминать свои воспріятія, а мыслить и возводить ихъ къ идеѣ. Въ этомъ и состоитъ задача средней школы. Если она хочетъ ребенка сдѣлать человѣкомъ, способнымъ къ самостоятельнымъ проявленіямъ, она должна развить въ немъ отвлеченную мысль.

---

[1]) Памяти П. Ф. Лесгафта. Стр. 116.

„Характеръ лица зависитъ отъ его умѣнья руководствоваться въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ общими положеніями или истинами, и проявлять на основаніи ихъ свою индивидуальную самостоятельную дѣятельность. Общія эти положенія или истины вырабатываются либо наблюденіемъ и опытомъ, либо систематическимъ образованіемъ, но эти истины должны быть также выведены изъ ихъ элементовъ и провѣрены опытомъ, и ни въ какомъ случаѣ не усвоены одною памятью“ [1]).

На педагогическихъ воззрѣніяхъ П. Ф. Лесгафта несомнѣнно лежитъ печать его индивидуальности, но въ задачѣ, которую онъ ставитъ воспитанію, и въ процессѣ, какой, по его мнѣнію, ведетъ къ исполненію задачи, мы видимъ развитіе пироговскихъ идей. Особенно заслуживаетъ нашего вниманія мысль, что и весь процессъ воспитанія состоитъ въ самосовершенствованіи, продолжающемся всю жизнь, отъ колыбели до могилы. Обыкновенно воспитанію, и дошкольному, и школьному, ставится задача совершенствованіе подъ руководствомъ и контролемъ взрослыхъ лицъ; затѣмъ съ полученіемъ аттестата зрѣлости кончается опека, а съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ освобождаетъ себя отъ заботы о своемъ нравственномъ совершенствованіи. Если въ молодости онъ пріобрѣлъ желаніе сохранить за собою доброе имя, то онъ ищетъ руководителя въ литературѣ, въ общественномъ мнѣніи, въ современной сильной личности, чаще всего изъ среды обывателей. Пироговъ и рисовалъ намъ ту довѣрчивость и растерянность, какія испытываетъ молодость, выбирая, къ какой изъ толпъ примкнуть. Лесгафтъ ставитъ воспитанію задачу пробудить и развить потребность работать надъ собою, самоусовершенствованія и научить, какимъ путемъ идти къ выполненію этой задачи. Самоусовершенствованіе должно не вызываться словомъ моралиста, пророка-проповѣдника, а отвѣчать внутренней потребности человѣка. На этомъ же въ сущности настаивалъ и Пироговъ. И что заслуживаетъ особаго вниманія—это указаніе современныхъ біологовъ, что совершенствованіе должно вестись въ направленіи и морали, и улучшенія организма. Послѣднее вполнѣ необходимо ради самой возможности идей-

---

[1]) Дѣтскіе типы. II, стр. 124.

ной, разумной жизни, единой достойной „человѣка“. Такимъ образомъ біологи указываютъ еще одинъ путь къ осуществленію идеаловъ въ своей жизни: вмѣсто покорнаго подчиненія велѣніямъ организма—возможная борьба съ его дефектами, обращеніе его въ послушнаго, хотя порою и строптиваго слугу разумной природы человѣка. Работая въ этомъ направленіи для себѣ, человѣкъ работаетъ и для потомства.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
* Н. К. П. О. *

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 л., 28) находится въ продажѣ:

СБОРНИКЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

въ честь редактора „Педагогическаго Сборника“ А. Н. ОСТРОГОРСКАГО

по случаю 25-лѣтія его редакторской дѣятельности.

Подъ редакціею П. В. Петрова.

Содержаніе: Предисловіе. А. Н. Острогорскій. **И. С. Симонова.** О народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. **И. Я.** рда. Объ общеобразовательномъ значеніи математики и о средствахъ къ дъему интереса къ ней у учащихся въ средней школѣ. **В. Шидловскаго.** гепографія, какъ предметъ всеобщаго обученія. **К. Житомірскаго.** Эстетическое значеніе тѣлесныхъ упражненій. **Д-ра А. Вирениуса.** О первоначальныхъ няніяхъ по обученію письму. **Ѳ. Грекова.** О преподаваніи ариѳметики въ ехъ младшихъ классахъ. **Б. Флейшера.** Скука въ школѣ. **М. Громека.** Русое правописаніе **А. Рождествина.** Больные вопросы школы. **И. Иванова.** дагогическіе завѣты Н. Пирогова. **С. Полякова.** Памяти великихъ учителей. **В. П.** Дѣти въ творчествѣ В. Короленко. **Н. Саввина.** Къ вопросу о томъ, къ писать сочиненія. **М. Тростникова.** Къ вопросу объ отмѣнѣ бальной системы. **М. Фота.** Къ отмѣнѣ балловъ, въ связи съ измѣненіемъ урочной системы преподаванія. **В. Благовѣщенскаго.** Къ вопросу о переводныхъ экзаменахъ въ нашей средней школѣ. **А. Макарова.** Экзамены ли зло, или ихъ временная постановка. **В. Лермонтова.** Классицизмъ въ цифрахъ. **Свящ. Антонова.** Воспитательное значеніе театра. **Н. Бахтина.** Авторитетъ воспитателя. **Н. Завадскаго.** Праздникъ „Слава“ у сербовъ и воспитательное его ченіе. **Р. Сульменева.** Убыль души (Педагогическая экскурсія въ область ературы). **А. Михневича.** О мѣрахъ для лучшаго ознакомленія воспитанковъ средне-учебныхъ заведеній со Священнымъ Писаніемъ. **В. Волынце-а-Сидоровича.** Совѣщанія преподавателей, какъ необходимое въ школьномъ дѣлѣ установленіе **А. Флерова.** Одно изъ новыхъ педагогическихъ наданій. **П. Первова.** Приложенія: 1) два портрета А. Н. Острогорскаго. Перечень печатныхъ трудовъ его. 3) Алфавитный указатель бывшихъ и стоящихъ сотрудниковъ ж. „Педагогическій Сборникъ“ съ 1864 по 7 годъ.

Цѣна 2 руб.

Выручаемыя отъ продажи „Сборника“ суммы вносятся въ Литературный фондъ по статьѣ „На воспитаніе дѣтей“. Всѣ расходы по изданію уже рыты взносами сотрудниковъ

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛѢДІЕ ПИРОГОВА

(Очерки изъ исторіи педагогической мысли)

А. Н. Острогорскаго.

Содержаніе: К. Д. Ушинскій.—В. Я. Стоюнинъ.—Восьмидесятые годы.—1905-ый годъ. Наука и учитель.—Индивидуализація.—Индивидуалисты. Толстой, Писаревъ, Вентцель и друг.

Имѣется въ продажѣ **новая** книга

Евгенія Лозинскаго:

НОВЫЯ ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНІЯ.

а) Религія, б) Нравственность, в) Сексуальное воспитаніе

288 стр. Ц. 1 р. 75 к.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Въ предисловіи къ своей интересной и содержательной книгѣ... авто указываетъ, что, по его убѣжденію, большимъ пробѣломъ въ русской педагогич ской литературѣ является игнорированіе общественныхъ, т. е. наиболѣе мог щественныхъ факторовъ воспитанія, вслѣдствіе чего эта литература носи недостаточно практическій, жизненный характеръ. Статьи Е. Лозинскаго задают цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ... Книга Е. Лозинскаго не всегда даетъ опред ленные выводы, но зато даетъ обширный матеріалъ для самостоятельны размышленій по затронутымъ, безспорно весьма важнымъ вопросамъ“... **Н. Ба тинъ.** (*„Народн. Образ.“, № 12, 1912 г.).*

„Читателю этой книги будетъ надъ чѣмъ *призадуматься.* Въ свои статьяхъ, собранныхъ теперь вмѣстѣ, авторъ вскрываетъ то, какъ современ мысль пытается поставить и освѣтить эти *основныя* проблемы воспитанія, норма ное разрѣшеніе которыхъ такъ усложняется хаосомъ и разладомъ нашей семейн и общественной жизни. **И. Соловьевъ** (*Вѣстникъ Воспитанія, № 10, 1913*

Первое изданіе признано Мин. Нар. Пр. *заслуживающимъ внима* при пополненіи ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинар (Отз. Мин. Нар. Пр. отъ 31 іюля 1913 г. № 32341).

Выписывающимъ черезъ редакцію „Педагогич. Сборн“. дѣлается 40% уступ

Цѣна 1 рубль.

Изданія помѣщаются въ Книжномъ Складѣ М. М. Стасюлевича

Спб., Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Полный каталогъ Склада высылается по полученіи 4-коп. марки, спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендац на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются кажд по полученіи 2-коп. марки.